

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А.С. ГУРЬЯНОВ

МОДАЛЬНО-АССЕРТОРИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЕ
КАК КОНСТИТУТИВ СПЕКУЛЯТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

МОНОГРАФИЯ

Казань 2017

УДК 111.1

ББК 32.81

Г95

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета

Т.М. Шатунова;

доктор философских наук, профессор Казанского государственного энергетического университета *Э.А. Тайсина*

Г95 Гурьянов А.С.

Модально-ассерторическое суждение как конститутив спекулятивного мышления: монография / А.С. Гурьянов. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2017. –136 с.

ISBN 978-5-89873-484-8

В монографии показан потенциал спекулятивного мышления через его основополагающую структуру – модально-ассерторическое суждение, служащее инвариантным элементом центральной логической формы (суждения). Оно является ближайшим alter ego мысли, раскрывающим эвристический потенциал мышления, нацеленного на конструктивное отражение действительности в традициях диалектико-материалистической теории конкретности истины.

Издание рассчитано на читателей, интересующихся методологией, логикой, теорией познания.

УДК 111.1

ББК 32.81

ISBN 978-5-89873-484-8

© Гурьянов А.С., 2017

© Казанский государственный

энергетический университет, 2017

ВВЕДЕНИЕ

*Посвящается моим родителям –
Сергею Алексеевичу и Валентине Никитичне*

История развития логики в интересующем нас аспекте модальности, как представляется, коррелирует с определенными процессами в науке в целом. Глобальные научные революции, начавшиеся в XVII веке, послужили основанием для постепенного переосмысления сущности рациональности и появлению так называемых типов рациональности. Если классическая наука и соответствующий тип рациональности пропагандировали объективность и беспристрастность научной деятельности, максимальную отстраненность исследователя от своего объекта, то уже неклассическая рациональность под влиянием неклассической науки признает неизбежность «помех», сопутствующих любому исследованию со стороны активного субъекта, в виде характера средств, операций и методов, которыми сегодня приходится вооружаться ученому. Постнеклассическая рациональность усилила эту линию, и сегодня общим местом считается влияние на характер научной работы и ее результаты не только логико-методологического аппарата, но и общекультурных ценностно-целевых установок, внутринаучных стандартов, идеалов времени и т.д. Эти трансформации отразились и в логике, в которой чем ближе к нашему времени, тем большее значение и, как следствие, разработку получает модальная логика, а ведь именно последняя призвана указать на значимость ценностных, нормативных и поведенческих аспектов для строгого последовательного мышления. И дело здесь не только в том, что модальная логика, как отмечает А.А. Ивин, стремится обогатить язык логики и расширить ее выразительные возможности.

В то же время следует отметить, что направления, по которым развивается современная модальная логика, рассматривают модальную проблематику абстрактно, в отрыве от логики предикатов в частности и познавательной деятельности мышления в общем. Принятое еще с Аристотелем деление силлогизмов на модальные и ассерторические так и осталось делением на два различных вида логик, каждая из которых идет своим путем. Тем самым, на наш взгляд, специалистами в области логики и теории познания оставлено на обочине направление, способное указать на эвристический, когнитивный потенциал модальной логики, и его раскрытие мы видим на пути объединения модальной и ассерторической составляющих логики, чье единство сегодня, собственно, считается общепризнанным и неоспоримым в науке.

Ибо если ассерторические суждения, содержащие информацию об объекте и не содержащие ее оценки, идеал классической науки, не могут существовать помимо модальных, о чем свидетельствует постнеклассическая рациональность, то и рассматриваться они в самой логике должны как единое целое. Как единое спекулятивное (позитивно-диалектическое) модально-ассерторическое знание. Современную модальную логику стоило бы дополнить классической спекулятивной философией, как в свое время формальную логику «подкрепили» диалектической.

Развитие модальной логики, особенно активное в последние полвека, свидетельствует о том, что интересующее нас измерение модальности оставлено в большинстве случаев на периферии исследований. С одной стороны, работы по семантике модальностей, математическом выражении статуса модальных операторов и т.д. не затрагивают спекулятивную составляющую модальностей и не выявляют их диалектическое единство как между собой, так и с ассерторичностью суждения: если первая, уже современная волна развития модальной логики в середине прошлого столетия, инициированная К. Льюисом и поддержанная Р. Фейсом, сосредоточилась на построении формальных систем модальной логики, то вторая волна, начавшаяся с С. Крипке (семантика возможных миров), Я. Хинтикки (теоретико-игровая семантика и модельное множество), Д. Маккинси (алгебраическая семантика) и нацелившаяся на выявление внутреннего единства этих систем, «застряла» на семантике. С другой стороны, отдельные исследования по модальной логике носят фрагментарный характер, ибо затрагивают лишь отдельные виды модальностей и не имеют целью выявить их единство в более широкой перспективе, хотя само единство модальной логики не подлежит сомнению и очевидно для всех. Так, деонтическая логика, начало которой, вероятно, было положено еще В. Лейбницем, изучалась И. Бентамом (логика воли), Э. Малли (теория нормативных понятий и деонтических исчислений), Г.Х. фон Вригтом, Н. Белнапом (логика действия), С. Кангером (бимодальные деонтические системы на стыке с алетическими), Т. Ямадой (прагма-деонтическая логика); алетическая логика была в центре исследований Я. Лукасевича (трехзначная и четырехзначная логики), К.И. Льюиса (теория строгой импликации), Ф.В. Аккермана (теория сильной импликации), Р. Карнапа (теория возможных миров), Х. Райхенбаха, Ю. Ивлева (квазиматричная логика); эпистемическая логика разрабатывалась уже упоминавшимся Я. Хинтиккой (знание и вера), Й. ван Бенгтемом (динамическая эпистемическая логика), Г. Левеском (логика имплицитной и эксплицитной веры), С. Шапиро (теория принципиальной доказуемости); оценочная модальность была

в центре исследований таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, (лингвистическая интерпретация оценки), А.А. Ивин, Е. Калиновский (логика абсолютных оценок), Г.Х. фон Вригт, Л. Аквист (логика предпочтений), Ч. Моррис (теория ценностных шкал и измерений), С. Халлден (логика сравнительных оценок).

И. Кант в одной из своих работ пишет, что там, где нет различия и разделения работ, где каждый – мастер на все руки, там ремесла находятся в состоянии величайшего варварства. Современная наука, а также многие философские дисциплины, и логика здесь не исключение, следуют этому тренду на различение и разделение. Так, логика все дальше уходит в междисциплинарные исследования, размывающие единство предмета на отдельные фрагменты: лингвистика, математика, информатика, психология отделяют логику от ее корней, связывающих логику с гносеологией и теорией бытия, как это было в классических теориях ее зачинателей и продолжателей – Аристотеля и Г. Гегеля. Поэтому позиция И. Канта представляется нам неоднозначной: не исключено, что признак варварства – отсутствие меры между разделением и соединением. Не случайно безмерная дифференциация и специализация в области философии в целом и логики в частности в конечном итоге привели к абстрактности, односторонности, раздробленности как модальной логики (правда, не без некоторых оговорок – Г.Х. фон Вригт пытался рассмотреть весь корпус модальностей, но отошел от линии В. Лейбница и классической традиции единства алетической модальности и бытия), так и логики в целом.

В этой связи мы считаем необходимым взглянуть на логику как науку, служащую познанию, единому с бытием, как на междисциплинарный медиатор, обосновывающий единство теории познания и онтологии. Центральным элементом логики мы считаем суждение, количественно предполагающее понятие (ибо состоит из понятий), а качественно – умозаключение (ибо является условием и результатом умозаключения). Инвариантными элементами, общими любым видам суждений (простым и сложным, утвердительным и отрицательным, общим и частным, категорическим и условным, атрибутивным, экзистенциальным и с отношением и т.д.), и в этом состоит *основная гипотеза* исследования, мы считаем модальный и ассерторический элементы, конститутивные для единого модально-ассерторического суждения.

Соответственно, *основной проблемой* своего исследования мы считаем обоснование этого тезиса логическими и философскими средствами, то есть опираясь как на сугубо логические формы, принципы и закономерности, так и на классические спекулятивные философские традиции.

Исходя из этого, методологически наше исследование опирается на спекулятивную диалектику, которая исключительно в ее классическом гегелевском понимании может «охватить многообразное в его единстве», вплоть, как известно, до «тождества противоположного», имея в виду логику, познание и бытие.

Целью исследования мы имеем выявление единства логических форм между собой в пределах модально-ассерторического суждения, в свете его эвристического, гносеологического потенциала и сущностного единства с онтологией.

Задачами, направленными на выполнение заявленной цели, являются:

- обоснование проблематики суждения как центральной для дела мышления (глава 1.А);
- определение условий и обстоятельств, при которых реализуется спекулятивное суждение (глава 1.Б–В);
- выявление конститутивных элементов спекулятивного суждения (глава 1. Г–Д);
- анализ структуры модально-ассерторического суждения (глава 2.А–Г);
- обоснование внутреннего единства всех элементов структуры модально-ассерторического суждения (глава 2.Д);
- определение соотношения операторов модальностей и раскрытие их диалектической транзитивности в каждой модальности (глава 3.А–В);
- выявление истоков обоснованности спекулятивного суждения (глава 4.А);
- осмысление аподиктичности модально-ассерторического суждения (глава 4.Б–В);
- выявление историчности модально-ассерторического суждения (глава 4.Г);
- анализ суждения с абстрактных позиций аналитичности и синтетичности (глава 5.А);
- выявление динамики спекулятивного суждения с диалектических позиций аналитичности и синтетичности (глава 5.Б);
- осмысление роли автора для аналитико-синтетического суждения (глава 5.В);
- анализ переходов от синтетического к аналитическому, и наоборот (глава 5.Г–Д).

Данная работа продиктована намерением осмыслить единство логики на основе спекулятивного суждения и приблизиться к пониманию суждения как отличительного признака продуктивной мысли, отражающей действительность.

Глава I. ЭКСПОЗИЦИЯ СПЕКУЛЯТИВНОГО СУЖДЕНИЯ

*В «способности суждения» вся цельная система
теоретического разума приходит в беспокойство,
разворашивается, размораживается, становится
неопределенной, направляется на новую переформулировку
проблем и на новое их решение.*
В. Библер

*А. Связь логики, представленной суждением как формой мышления,
с проблематикой дела; роль суждения для мышления*

Исследование суждения как формы абстрактного мышления, предпринятое в данном разделе, носит не вполне привычный характер, поскольку рассматривается оно не со своей формальной стороны, как это имеет место в работах по формальной логике, то есть с позиций абстрактного мышления, отвлеченного от своего содержания. В последнем случае мышление оперирует суждением в фазе положенности дела (более подробно – в монографии автора¹), а положенность как раз отвечает всем критериям формального рассмотрения вещей – определенности, неизменности, тождественности, однозначности и т.д. В данном разделе рассмотрение суждения ведется с позиций конкретно-всеобщего мышления, со стороны спекулятивного значения этой формы, проясняющей силу занятого делом мышления, переходящего от положенности к самому делу. Суждение будет рассмотрено как всегда уже *новое* суждение, снимающее положенность дела и создающее новое положение.

Феномен дела вывел на передний план положенность дела, ибо последнее дано человеку, приступающему к делу изначально через его положение. Дело встречно человеку, как мы уже отмечали, через свое положение, подлежащее преодолению и полагающее новое положение. Основываясь на диалектике дела и его положения, мы указали на ключевые фазы, метаморфозы, претерпеваемые деятельным мыслящим духом при переходе от любопытства к творчеству как творению своего мира (более подробно об этом см. работу автора «Феноменология творческого сознания»²). Теперь наше внимание будет сосредоточено

¹ Гурьянов А.С. Dageist как неповседневное измерение бытия-в-мире. – Казань: КГЭУ, 2012. – 147с.

² Гурьянов А.С. Феноменология творческого сознания // Обсерватория культуры. – 2012. – № 1. – С. 7–14.

на структуре деятельного и мыслящего в-себе-и-для-себя-здесь-бытия, несущей в себе все формообразования человека, бытийствующего в своем мире.

Сопряжение практической и теоретической деятельностей применительно к делу и его положению может быть прослежено, с нашей точки зрения, на *суждении*. И действительно, понятийная связь между *суждением* и *положением* может быть выявлена уже терминологически. Вероятно, не случайно сегодня в логике сложилась традиция, как отмечает Е.Е. Ледников³, согласно которой термин «пропозиция» переводится как «суждение». Хотя это мнение, судя по его полемике с В.А. Суровцевым, разделяется не всеми. Как известно, дословно термин «пропозиция» в переводе с латыни, согласно словарю Merriam-Webster, означает «a setting forth», то есть продвижение положения. Собственно, английское слово position и означает «положение», а префикс pro можно перевести как «вперед» или «в пользу», и эти два варианта перевода данного префикса не случайно соседствуют: продвижение (вперед) и утверждение в качестве такового подразумевает определенный взгляд, угол зрения продвигающего на положение, он совершает продвижение исходя из понимания направления движения и того, что он понимает под продвижением; он делает это в определенных интересах (in favor). В первом значении уже упомянутый толковый словарь английского языка предлагает нам «something offered for consideration or acceptance»⁴, то есть «нечто, предлагаемое, выдвигаемое к рассмотрению или принятию». Как видно, термин «пропозиция» соответствует рассматриваемому нами феномену положения почти буквально: «пропозиция» предлагает нам контекст не просто положения, а выдвижения положения, то есть создания некоего положения с чьей-то стороны, и то же самое с положением, предполагающим того, кто полагает. В этом свете мы не поддерживаем точку зрения В.А. Суровцева и Л.Д. Ламберова, считающих, что если термин «суждение» содержит субъективный элемент, то «пропозиция» – это объективное значение предложения, и поэтому перевод «пропозиции» как «суждение», с их точки зрения, не вполне справедлив. Ведь не случайно позиция – это одновременно и чья-то позиция: такова моя позиция – говорят люди. Такова и наша позиция по данному вопросу. А последняя и подлежит *принятию* к сведению при его рассмотрении,

³ Ледников Е.Е. Б. Рассел. Философия логического атомизма // Вопросы философии. – 2000. – № 7. – С. 82.

⁴ Словарь Merriam-Webster. URL://www.merriam-webster.com/dictionary/proposition (дата обращения: 11.03.2013).

обсуждении и последующем диалектическом снятии ее односторонности как отмеченной печатью субъективности. Но этимологическая линия – не единственный пласт этого понятия, ибо, как известно, это слово имеет широкое употребление и в науке о мышлении. Согласно аристотелевской логике, термином пропозиция обозначается предложение, в котором утверждается или отрицается связь предиката с субъектом. Уже из этого положения очевидна логическая и лингвистическая стороны понятия пропозиция: с сугубо мыслительной стороны пропозиция представлена суждением как формой мышления, единственно утверждающей связь или ее отсутствие между субъектом и предикатом, а с другой – в его языковое выражение в форме предложения. Символично, что стараниями аналитической философии термин «пропозиция» даже заменил собой «суждение» в той мере, в какой сегодня логика предикатов уступила место логике высказываний, то есть как раз «пропозиционной» логике. Но наше внимание будет сосредоточено на сугубо логической стороне пропозиции, то есть как раз на суждении в его классическом виде, позволяющем совершать продуктивный спекулятивный синтез.

За термином «спекуляция» закрепился ряд самых различных определений, в том числе нефилософских; последние мы оставляем в стороне. В философии спекуляция может быть рассмотрена в нескольких смысловых измерениях. Во-первых, спекуляция – это свойство философского метода, введенного в употребление Г. Гегелем. Как известно, Гегель под спекулятивным понимал трансцендирующее положительное диалектическое мышление разума, в его отличие от рассудка, ограниченного эмпирическим опытом и его негативными антиномиями. Позже К. Маркс в политэкономии, а Ф. Энгельс в философии природы также использовали этот метод (он же – метод восхождения от абстрактного к конкретному). Во-вторых, спекуляция – это свойство философского мышления в целом. В той мере, в какой философ стремится к *целостному, непротиворечивому знанию о мире и самом себе как его части*, философия как стремление к такому «абсолютному» знанию может быть названа спекуляцией. Здесь уместным было бы процитировать А.Н. Уайтхеда, посвятившего отдельное исследование спекулятивной философии: «Спекулятивная философия есть попытка создать связную логичную и необходимую систему общих идей, в терминах которых можно было бы интерпретировать каждый элемент нашего опыта. Под понятием «интерпретация» я подразумеваю ту ситуацию, когда все, что мы осознаем как обладаемое (enjoyed), воспринимаемое, желаемое или мыслимое, будет иметь характер частного

случая данной всеобщей схемы. Таким образом, философская схема должна быть связной, логичной и в отношении своей интерпретации – применимой и адекватной»⁵. В этом контексте на одну доску могут быть поставлены М. Хайдеггер и К. Маркс, Платон и Демокрит, Аристотель и Николай Кузанский, Б. Спиноза и Н. Гартман. И, наконец, в самом широком смысле, спекуляция – это свойство мышления как такового. Если знание, продуцируемое мышлением, отражает действительное положение вещей и встроено непротиворечиво в существующую систему знаний как отдельной отрасли, так и интегративно в системы других отраслей (и в этом высвечивается, имплицитно содержится его целостность), сохраняя преемственность и одновременно обеспечивая его прирост, если знание в то же время отражает собственный взгляд человека на мир, его точку опоры и ценностные установки здесь и сейчас в социально-исторических реалиях (тем самым обеспечивая саморефлексию и встроенность самого человека в эту систему знаний), то оно также может быть признано спекулятивным если не в собственном, то в расширительном смысле. Наше понимание спекулятивности близко данному последнему подходу, и модально-ассерторическое суждение отражает, на наш взгляд, спекулятивность в широком смысле.

Подчеркнутое внимание к термину «суждение», о чем говорит название параграфа, связано с тем, что суждение занимает привилегированное положение по отношению к другим формам. Мы считаем это оправданным по нескольким основаниям. Во-первых, суждение – это способность судить, которой обладают как своего рода талантом. Относительно феномена суждения и его связи с сутью мыслительного процесса И. Кант, разбиравшийся в вопросах, связанных сугубо с человеческим мышлением как никто другой, отмечает, что способность суждения теснейшим образом связана со способностью мыслить, или даже есть эта способность, являющаяся естественным даром, научиться которому не представляется возможным: «отсутствие способности суждения есть, собственно то, что называют глупостью, и против этого недостатка нет лекарства»⁶. Можно сколь угодно, далее отмечает И. Кант, быть ученым в какой-либо области, как-то медицина, политика или наука, но это никак не свидетельствует о способности суждения, которая, если она наличествует, проявляется во всех сферах жизни и формах общественного сознания: можно иметь в голове гигабайты информации,

⁵ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 272.

⁶ Кант И. Сочинения в 8-и т. Т. 3 / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – С. 154.

но не уметь ими пользоваться в конкретных обстоятельствах. Как отмечает уже современный философ Кен Вестфал в своей работе, посвященной феномену суждения, «самосознающее «я мыслю», столь значимое в философии, по сути представляет собой «я выношу суждение» – центральное положение для рационального мышления и действия в любой его форме»⁷. Вследствие неспособности к суждению, то есть мышлению, эта информация остается на уровне общих представлений и не трансформируется в знание. Последнее имеет место, во-вторых, в процессе реализации этой способности, подтверждающей ее наличие. Г. Лейбниц отмечает, что «мудрость – это совершенное знание принципов всех наук и искусство их применения»⁸, а «искусство применять эти принципы к обстоятельствам включает искусство хорошо судить или рассуждать»⁹. Другое дело, что особенность этой способности заключена в том, что ее реализация является одновременно ее, и это в-третьих, результатом как вынесения суждения. Х. Зигварт, оценивая роль суждения в мышлении, отмечает, что «в суждениях состоит всякое познание, суждениями заканчивается всякое убеждение. Все другие функции имеют значение лишь как условия и приготовления к суждению»¹⁰. Суждение, являясь завершением акта мысли, содержит в себе и понятие как составной элемент суждения, и умозаключение, которое приводит к вынесению суждения. Между тем, ни понятие, ни умозаключение не содержат в себе, в скрытом или явном виде, суждения: понятие количественно предшествует суждению как часть по отношению к целому, ибо суждение оперирует понятиями, а умозаключение – качественно, так как суждение – конечный результат акта умозаключения. Не случайно Зигварт утверждает, что учение о понятии и умозаключении суть «...совокупность нормативных законов для образования совершенных суждений»¹¹.

Согласно этим взглядам, суждение как *рассуждение* синонимично самому мышлению как акту мысли, проистекающему из способности судить как некоему врожденному качеству или таланту, который одновременно является его итогом как вынесенным суждением.

⁷ «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Отв. редактор Н.М. Мотрошилова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 202.

⁸ Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – С. 98.

⁹ Там же. – С. 97.

¹⁰ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 31.

¹¹ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 40.

Э.А. Тайсина в монографии «Очерки новой гносеологии» отмечает в связи с проблемой истины, что «существуют... *три* первые ипостаси истины: познавательная потенциальная сила (энергия), процесс обретения знания (идеальная презентация объекта) и результат этого действия: истинное суждение»¹². Как следует из всех приведенных соображений специалистов в области логики и теории познания, все три ипостаси истины имеют прямое отношение к феномену суждения, будучи в своем роде его формами. Суждение – это потенция, акт и результат мышления одновременно. Теперь перейдем к обстоятельствам, в которых может «случиться» мышление.

Б. Проблематичность как катализатор мышления

Мы считаем необходимым отметить, что философская интерпретация некоторых логических тем, предпринимаемая нами, ограничена логикой предикатов и не затрагивает логику высказываний, получившую бурное развитие в последнее столетие. В известной мере, конечно, «содержание предложения нередко оказывается шире, чем выраженная в нем мысль»¹³, – отмечает один из основоположников логики высказываний Г. Фреге. Действительно, в языке имеется масса вспомогательных средств, способных передать не только существенное содержание высказывания, но и его настроение, обаяние и пр. Так, с точки зрения логики предикатов не имеет значения, построено ли предложение через активную форму залога или пассивную, однако нельзя отрицать определенные нюансы, вносимые в понимание высказывания этими и другими языковыми средствами. Но с точки зрения логики предикатов, единственно оперирующей мыслительными определениями, подобные различия как не затрагивающие различия мысли могут расцениваться как существенные лишь с определенной точки зрения, отличной от сугубо логической и имеющей отношение в большей мере к языку, нежели к логике в ее классическом понимании, фиксирующей единственно мыслительные определения. У. Куайн в работе «Две догмы эмпиризма», имея намерением разобраться в существе аналитического суждения, выявляет различия суждений «любой холостяк не женат» и «любой неженатый человек не женат», обыгрывая их на все лады, полагая, что суть мышления кроется в лингво-семиотических нюансах; между тем, в рамках логики предикатов эта проблема вообще представляется надуманной.

¹² Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии / Очерк 4. Истина – *cor cordium* гносеологии. – Казань: КГЭУ, 2012. – С. 6.

¹³ Фреге Г. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 36.

В этой связи гораздо более соответствующей предмету нашего исследования является позиция Г. Гегеля, отмечавшего в «Науке логики», что далеко не каждое предложение является суждением, так как лишь констатации факта в какой бы то ни было грамматической форме в принципе недостаточно для того, чтобы состоялось суждение, а значит, и акт мысли. Акт мысли и суждение неразрывны. Конечно, нельзя отрицать, что любое суждение всегда уже облечено в форму высказывания и никак не может обойтись без своей языковой оболочки. Но здесь мы акцентируем внимание на том, что далеко не любое высказывание является суждением, так как не любое высказывание сопровождается мыслительной активностью – энергией, реализующейся в акте и приводящей к закономерному результату суждения. Поэтому мы рассматриваем повальное увлечение философией языка как отвлечение от того, что можно назвать философией *par excellence*. К.А. Свасьян в присущей ему манере справедливо пишет о «языке как бездомности бытия»: «После того, как современная философия пришла к выводу, что *мыслить* можно не иначе, как *говоря*; после того, стало быть, как коренные философские проблемы, от Гераклита до Гегеля, были объявлены *болезнью языка*, с обязательным курсом лечения, предусматривающим вытеснение *мышления в дискурс* и передачу полномочий первого последнему, тема «Заката Европы» ищется уже не в одной книге, а в *злобе дня*»¹⁴.

Соответственно, несмотря на то, что умозаключение оперирует формами мышления, известными как суждения, и традиционно считается, что суждение предшествует умозаключению, это лишь внешне обстоит так: в действительности умозаключению предшествуют не суждения, а лишь общие представления, тогда как суждение есть результат операции умозаключения через соединение имеющихся общих представлений (образовавших некое положение в том или ином деле), приводящий к образованию знания как всегда уже нового знания, оформленного в суждение, а в предельном смысле – к созданию научных теорий, которые по сути дела состоят из множества взаимосвязанных суждений и могут быть сведены к ним. А имеющиеся суждения, формирующие некое положение дела в какой-либо сфере, на статус знания уже претендовать не могут в силу утраты новизны, которой, безусловно, прежде обладали. А новизна – неотъемлемое свойство пропозиции как выдвижения и продвижения знания.

¹⁴ Свасьян К.А. Дискурс, террор и еврейство // Вопросы философии. – 2005. – № 2. – С. 60

В этом смысле для нас не важно не только различие между высказываниями, выражающими одно и то же – я ли взял книгу у Петра или книга взята у Петра мной; не важно, и это принципиально, и само взятие книги одним человеком у другого, ибо *подлинного суждения*, предполагающего познавательное движение мысли, в этом суждении нет. Но что в таком случае имеет значение?

Подлинное суждение утверждает или отрицает нечто в ситуации *проблематичности* вынесения суждения, что требует серьезной мыслительной работы со стороны мыслящего, итогом которой и является суждение, генерирующее знание. Суждение должно обладать эвристической значимостью. Д. Локк говорил, что суждение – это сделанное в отсутствии восприятия предположение. В противном случае акт мысли, направленный на обретение знания, не может быть признан состоявшимся. Можно здесь процитировать и Г. Гегеля, высказавшего данную мысль задолго до нас: «...известие «мой друг Н. умер» есть предложение; оно было бы суждением лишь в том случае, если бы возник вопрос, действительная эта смерть или мнимая»¹⁵. Кроме того, проблематичность как условие суждения в приведенном примере еще не является истинной проблематичностью, так как своим основанием имеет какие-то случайные, внешние обстоятельства, имеющие значение лишь для того, кто пытается в этом случае прояснить ситуацию, но не имеющие значения в широком смысле. В приведенном примере его содержание не выходит за пределы единичности, и поэтому не представляет ценности. Только если предикат подобно определению выявляет нечто всеобщее и ранее неизвестное в субъекте, суждение имеет ценность. Соответственно, внимания заслуживает по большому счету лишь та проблематичность, которая корнями своими уходит в структуру суждения в соответствии со своим «высоким» понятием, когда имеет место не просто констатация факта по тому или иному информационному поводу, но *продуцирующее знание, осуществляющее прогресс мышления*. Не случайно Х. Ортега-и-Гассет говорит, что «...проблематичность – источник истинности. Истина же идеи состоит в доказательстве, на которое мы претендуем»¹⁶. Лишь такого рода суждения, по нашему мнению, могут быть истинными, если истина носит конкретно-всеобщий характер. Очевидно, что эта спекулятивная сторона логических форм имеет лишь косвенное отношение к логике высказываний.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – С-Пб.: Наука, 1997. – С. 574.

¹⁶ Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования // Избранные труды. – М.: Весь мир, 1997. – С. 411

Суждение – всегда высказывание, но не любое высказывание, как известно, суждение: утверждения «Наполеон скончался на острове Св. Елены» как «истина факта» и «Вода кипит при температуре 100 градусов по Цельсию» как «истина разума» не являются суждениями в истинном смысле, так как не вносят ясности в какой-либо вопрос, требующий ответа, и потому не осуществляют прогресс знания. Поэтому при всей важности различия между этими видами суждения, проведенного Г. Лейбницем, оно не затрагивает глубинного существа суждения, выносимого конкретно-всеобщим образом мыслящим человеком.

Проблематичность – это внешнее условие для того, чтобы состоялось мышление, поэтому одной проблематичности недостаточно, чтобы потенция мышления актуализировалась и привела к определенным результатам. В условиях проблематичности и неопределенности когнитивной ситуации мышлению требуется в своем роде решительность, без которой мышление не может состояться; в этом качестве в данной сфере выступает прирожденная мысли притязательность.

В. Притязательность суждения

Как ведет себя мышление в условиях проблематичности, неопределенности, неясности когнитивной ситуации? Оно ведет себя дерзко. Особенность мышления такова, что оно, определяя, решая для себя что-то через суждение, претендует на абсолютную истину вне зависимости от содержания утверждаемого или отрицаемого. Формальная логика как двужначная логика предрасположена к абсолютизации. Э. Гуссерль, к слову, характеризует эту черту суждения как логическое право суждения, когда «каждое суждение, конечно, «притязает» на свое право...»¹⁷. Примерно то же самое отмечают авторы дефляционной концепции Ф. Рамсей и А. Айер, согласно которой утверждать истинность пропозиции – то же самое, что утверждать саму пропозицию. Сама форма суждения располагает к этому: никаких других вариантов в рамках двужначной формальной логики у суждения нет. Даже если мы утверждаем относительность чего-либо, мы предполагаем абсолютную значимость утверждаемого. Иначе и быть не может. Авторитарность суждения очевидна, она отмечается и в исследованиях, отстоящих от логики предикатов. Так, Дж. Л. Остин в работе о речевых актах отмечает, что локутивная сторона речевого акта, та самая пропозиция, представляющая

¹⁷ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: «Сагуна», 1994. – С. 270.

некое значение, выступает одновременно с иллокутивной, имеющей определенную силу в произнесении; совместно оба акта являют собой авторитарную значимость, навязываемую реципиенту. Ведь влияние, оказываемое на воспринимающего, имплицитно предполагает обладание истиной, и задача воспринимающего сводится к восприятию ее.

Кен Вестфал утверждает, что суждение может избежать претензии на непогрешимую истинность через встраивание фаллибилизма (допущения погрешности) в него, благодаря чему мы можем различить истинность и убежденность в ней: «Признание нашей собственной способности ошибаться и нашей взаимозависимости как людей, выносящих суждения разума, представляет собой ключевую особенность нас как полностью разумных и полностью самостоятельных субъектов, выносящих суждения»¹⁸. К сожалению, эта вполне здравая установка, характеризующая открытость суждения критике, готовность к обсуждению не отменяет существующую вместе с тем закрытость того же самого суждения. Признание способности ошибаться – это скорее абстрактная установка любого мыслящего человека, в практике мышления проявляющаяся через готовность к диалогу с точками зрения других людей (Кеннет формулирует это как оглядку на то, что думают другие о высказанном мной суждении). Но готовность к диалогу – скорее формальная предпосылка, фактически заслоненная определенной (с положенным пределом, а значит, – отгороженной, закрытой) позицией, оформленной в претендующем на безусловность суждении, односторонность которого лишь гипотетически может быть снята. Кроме того, любое суждение по определению формируется через диалог, так как вхождение в курс дела предполагает ознакомление с уже сложившимся его положением. И то, что думают другие, в той или иной форме если не эксплицитно, то имплицитно уже содержится в высказанном, что с порога снимает с утверждающего обвинение в интеллектуальной глухоте.

Существуют, правда, так называемые неопределенные суждения, сами по себе не являющиеся ни истинными, ни ложными, подобно суждению «завтра необходимо будет морское сражение». Однако и это суждение по своей структуре претендует на абсолютную истинность и подлежит логической двусмысленности. Суждение «завтра необходимо будет морское сражение», будучи высказанным кем-то, является в такой же мере безапелляционным и претендующим на абсолютную истину,

¹⁸ «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Отв. редактор Н.М. Мотрошилова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 214.

в какой суждение, противоположное этому, отрицающее необходимость морского сражения, признается ложным. В этом направлении строится, как известно, одно из самых очевидных опровержений академического скептицизма: утверждая, что ничего нельзя утверждать достоверно, скептик противоречит сам себе. Даже относительно неопределенного суждения типа «внеземной разум существует» из трехзначной логики мы можем с уверенностью утверждать, что тот, кто его выносит, претендует этим на истинность своего суждения или истинность своих прогнозов как в случае с предыдущим суждением. Хотя совсем не обязательно, что прогноз окажется правильным: в случае с примером Аристотеля истинность или ложность этого суждения может быть установлена на следующий день, также как истинность или ложность любого суждения, оформленного в виде научной гипотезы, может быть рано или поздно установлена лишь в этой бинарной оппозиции. Даже неопределенное или возможное суждение, на чем пытались построить трехзначную логику, подчинено в известной мере двузначности: завтра морское сражение либо состоится, либо нет. В этом свете семантика формулировок и построение в логике Лукасевича такие же, что и в классической логике: установить истину суждения «во Вселенной есть разумные существа помимо нас» проблематично, но установление ее, очевидно, возможно лишь в рамках двузначной логики, согласно которой это суждение либо истинно, либо ложно (мы не берем в расчет парадоксальные или бессмысленные суждения а-ля «множество всех множеств» Рассела, являющиеся скорее игрой ума и не имеющие непосредственной эвристической ценности). В этом свете мы придерживаемся классического взгляда на логику и не можем согласиться с тем, что логика в равной мере отдалена от двузначности и многозначности (о роли модальностей в логике ниже) и сознательно отвлекаемся от трехзначной логики Лукасевича, воображаемой логики Васильева и прочих видов паранепротиворечивых логик. Символично, что и сам автор трехзначной логики в «Прощальной лекции» признается, что создать не-аристотелеву логику, основанную на преодолении принципа противоречия, ему не удалось. А.С. Карпенко пишет: «Развитие многозначных логик... привело к довольно-таки странному и неожиданному открытию. Большинство многозначных систем логики явно или неявно строились с целью ограничения или опровержения тех или иных классических законов логики, но на самом же деле получилось не ограничение, а расширение классической логики»¹⁹.

¹⁹ Карпенко А.С. Аристотель и Лукасевич о законе противоречия: *contra et pro* // Вопросы философии. – 2012. – № 8 – С. 160.

В равной мере, но уже с другой стороны, со стороны языка, мы сознательно отвлекаемся в вопросе изучения модальностей от множества лингвистических их форм – модальностей желания, просьбы, совета, предостережения, побуждения и т.д., ограничиваясь сугубо логическими, традиционными видами, к которым по большому счету может быть сведено множество прочих.

Однако дерзновенность мышления в его притязаниях оборачивается и против него: абсолютизация указывает на его закрытость, конечность, насколько конечна сама двусмысленность. Б.М. Кедров, комментируя слова Ф. Энгельса в письме к К. Шмидту, пишет, что «тот, кто станет чрезмерно настаивать на своей односторонней концепции и, слишком «крепко» хватаясь за нее, попытается насильно распространить ее на всю изучаемую область явлений природы, неизбежно рано или поздно сам же обнаружит, что его концепция совершенно неожиданно для него самого приводит к прямо противоположным ей следствиям, которые до тех пор рассматривались как несовместимые с нею»²⁰. Здесь необходимо вести речь не столько об односторонности концепции, сколько об односторонности логики и, далее, самого мышления, оперирующего однозначными формулировками. Но конечность касается не только логической стороны мышления. Сам реальный процесс мышления подвержен многочисленным ограничениям.

Так что может служить гарантом легитимности права, которым мышление наделяет само себя, не узурпировано ли это право? Очевидно, что оправдать это право может лишь некое соответствие, когерентность утверждаемого или отрицаемого в суждении реальному положению дел – таково классическое определение истинности суждения. Эту претензию на необходимость Х. Зигварт формулирует как «притязание на то, чтобы сочетание это (субъективное сочетание представлений или понятий – А.Г.) касалось сущности дела и чтобы именно поэтому оно признавалось всяким другим»²¹. Естественно, здесь речь идет не о словесной, номинальной значимости, а о фактической, в которой та или иная комбинация представлений выступает как объективно значимая, соответствующая реальности, с тем, чтобы каждый человек, высказывающийся о том же самом и не желающий покривить душой, вынужден был бы судить таким же образом. Но мы считаем возможным пойти дальше: не исключено, что притязательность и не нуждается в оправдании, являясь условием данного

²⁰ Диалектическое противоречие. – М.: Политиздат, 1979. – С. 326.

²¹ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 104.

соответствия и объективности знания; без притязательности не было бы и повода говорить о соответствии субъективных представлений и самой реальности. То же самое касается и реального процесса мышления. Реальное мышление как реализация его познавательной силы стоит за сухой констатацией высказывания, *а без этой силы обретения знания в условиях неопределенности суждение еще не является суждением, но лишь высказыванием.* В рамках последнего имеющееся возможное соответствие реальному положению дела по существу ничего не стоит, как ничего не стоит «знание», лишенное эвристической силы. Да и самого дела, сущности которого мышление должно соответствовать, не было бы. Притязание – это своего рода амбиция мышления, заставляющая его этой амбиции соответствовать.

По большому счету, вынесение суждения как акт реального мышления и обстоятельства, при которых может происходить вынесение суждения, остаются за пределами рассмотрения формальной логики. Это представляется вполне объяснимым: логика сознательно отвлекается от содержания мысли и от обстоятельств, в которых оно протекает; можно лишь рефлексивно показать, по каким правилам оно, мышление, происходит; не случайно знание законов логики не является гарантом и достаточным условием их корректного применения. Между тем, мыслительная деятельность всегда уже привязана к месту и времени, протекает в определенных условиях и при всегда индивидуальном культурном, социальном, идеологическом бэкграунде, поэтому ее реальные «околологические» составляющие не менее значимы. Сама притязательность мышления в условиях неопределенности свидетельствует о наличии неких дополнительных факторов, идущих вразрез с холодной беспристрастностью мышления: эмоциональности, решительности, самонадеянности. Вследствие этих составляющих мышления, часто скрытых и от самого мыслящего, суждению при всей его претенциозности непросто отстоять право на значимость. Это касается и научного мышления: любое научное исследование характеризуется привлечением так называемой модели интересов, заключающейся в том, что различные политические, религиозные и др. интересы определяют процесс выбора между различными теориями. А значит, мы должны иметь в виду, что притязательность суждения не может быть всецело логической; она выходит к реальному субъекту в сопряженные с формальной логикой области.

Рассмотрев данные важнейшие условия для того, чтобы суждение (и, шире, мышление) состоялось, перейдем к его основным компонентам, первым из которых является ассерторичность.

*Г. Ассерторичность как первая отличительная черта
притязательности суждения в условиях проблематичности*

Притязания мышления на абсолютность применительно к логической терминологии находит свое выражение в категоричности мышления, а еще точнее – в ассерторическом категорическом суждении, поэтому ассерторическая сторона суждения в контексте нашей работы требует особого внимания. Минимальной логической формой или единицей в логике, как известно, является понятие. Мышление оперирует понятиями, а последние формируются через определения, коих существуют различные виды – через ближайший род и видовое отличие, через этимологию и т.д. Но таково определение, скорее, в узком смысле. Логическим определением в широком смысле является утверждение или отрицание чего-либо как логический предел амбиции мышления: определить – значит *определиться*, сделать для себя понятным в условиях неясности, определенно утвердиться в какой-то позиции, что выражается как раз в *ассерторичности* суждения. В той мере, в какой суждение утверждает или отрицает нечто в абсолютном смысле, оно содержит, явно или скрыто, ассерторичность, и она в этом смысле присуща любому суждению.

Так, ассерторичными в широком смысле являются и суждения с отношениями, и экзистенциальные, и атрибутивные суждения, так как в них утверждается или отрицается нечто как истинное или ложное, что в плане ассерторичности безразлично. Суждение с отношением «Иван старше Марьи» содержит очевидную ассерторичность: в нем утверждается старшинство Ивана по отношению к Марье, а не нечто обратное или их возрастной паритет. Схожим образом любое экзистенциальное суждение, например, «бог существует» или «Атлантида не существовала», является ассерторичным. Очевидно, что двусмысленность логики и, как следствие, ассерторичность пронизывает любое суждение, а не только те, что могут считаться в узком смысле таковыми. Ассерторичными являются условные и разделительные суждения: и условное, и разделительное суждение, утверждая нечто как истинное, претендуют на то, чтобы противоположное являлось ложным, и потому являются ассерторичными. Так, условное суждение «Если луна оказывается между Солнцем и Землей, то Солнце затмевается» содержит ассерторичность, заключающуюся в том, что затмение Солнца при определенном положении небесных тел является обязательным, и иначе при этом положении быть не может. Потому противоположное утверждение, то есть незатмение Солнца при нахождении Луны между

Землей и Солнцем, является ложным. Аналогичная ситуация наблюдается с разделительными суждениями: в суждении «углы треугольника могут быть острыми, тупыми или прямыми» ассерторичность сказывается в том, что углы могут быть только такими, и контрарное суждение «углы треугольника не могут быть острыми, прямыми или тупыми» признается столь же ложным, сколь тезис – истинным. Как известно, в положительном суждении можно утверждать лишь конечное число предикатов, перечисление которых делает все прочие варианты неверными, и суждение, привлекающее прочие варианты в качестве предикатов, оказывается ложным. Так, если кто-либо приписал предикат округлости углу треугольника, то его суждение автоматически было бы признано ложным.

Определенные сложности по выявлению ассерторичности представляют проблематические суждения, которые, как кажется, противоположны всякой ассерторичности. Если ассерторическое суждение утверждает, то проблематическое суждение ничего не утверждает. По этой причине Х. Зигварт полагает, что «...следует отказаться от учения, что так называемое проблематическое суждение есть будто бы известный вид суждения»²². Зигварт справедливо отмечает, что проблематическое суждение продиктовано неуверенностью и нерешительностью судящего относительно А, или же принципиальной неспособностью человеческого разума в силу его особенностей вынести суждение по какому-либо поводу, в связи с чем выражает субъективное состояние мыслящего относительно А, но не сообщает ничего такого, что можно было бы соотнести с положительным или отрицательным суждением. Во-первых, данное обстоятельство не лишает проблематические суждения ассерторичности: проблематическое суждение, формула которого говорит: «я не имею основания ни утверждать, ни отрицать, что А», в то же время говорит о том, что у меня есть основания утверждать, что утверждать или отрицать, что А, нет оснований, и это признается безусловно истинным, тогда как противоположное суждение, полагающее основание для утверждения или отрицания, признается несостоятельным. Позиция воздержания от суждения – тоже позиция, как мы знаем еще по античному скептицизму. Во-вторых, это нормальное первоначальное состояние мыслящего субъекта в условиях неясности, проблемности ситуации, и оно со временем должно смениться на интеллектуальное открытие, которое позволит преодолеть состояние сомнения. В-третьих, суждение, констатирующее нечто относительно А, не обязательно перестает быть проблематическим. Проблематическое суждение может содержать

²² Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 205.

не только скрытую, но и открытую ассерторичность. Не случайно к операторам проблематического знания относится не только «я сомневаюсь», но и «я полагаю» и «я отвергаю». А убеждение человека вряд ли может быть однозначно отделено от знания. Утверждение чего угодно как истинного, как известно, в принципе еще не делает суждение объективно значимым и истинным. Подобное суждение, не обладающее объективной значимостью в ситуации отсутствия достоверности, как в случае, к примеру, с суждением «мы не одиноки во Вселенной», опять-таки характеризует субъективное состояние моего мышления, что размывает границу между проблематическим и ассерторическим суждением. В этом отношении лишь аподиктическое, если таковое существует, может претендовать на объективную значимость (о размытости границ между ассерторичностью, проблематичностью и аподиктичностью более подробно будет сказано в разделе, посвященном модальным операторам). Но и аподиктическое суждение вовсе не лишено ассерторичности, ибо также утверждает нечто, пусть и не как лишь фактическое.

Очевидно, что по какому бы признаку мы ни делили суждение, будь то по количеству (на общие, частные и единичные) или качеству (утвердительные и отрицательные), мы необходимо сталкиваемся с ассерторичностью, а некоторые недоразумения, связанные с определением ассерторичности, имеют отношение главным образом к ее эксплицитным и имплицитным характеристикам. *Наличие ассерторичности в каком бы то ни было виде свидетельствует о том, что она является необходимым отличительным элементом суждения.*

Теперь перейдем ко второму важнейшему компоненту суждения, которым является модальность.

Д. Модальность как вторая отличительная черта притязательности суждения в условиях проблематичности

Нельзя сказать, что обстоятельства реального мышления как осуществляющего прогресс знания, утверждающего и отстаивающего в суждении нечто как истинное, остается в логике вообще без внимания, и традиционное деление суждений по модальности, как кажется, в определенной мере восполняет этот пробел, ибо их функция – установить характер связи между субъектом и предикатом, то есть они «не просто утверждают или отрицают некоторые связи, а дают оценку этих связей с какой-то точки зрения»²³. А характер связи может быть различным:

²³ Гетманова А.Д. Логика. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 91.

от необходимой связи до оценочной, а значит, субъективной, относительной. На этой связи сугубо логической стороны *реального* мыслящего субъекта с околολогическими, если можно так выразиться, моментами и будет сосредоточено наше внимание, ибо связь эта, с нашей точки зрения, имеет далеко идущие последствия для вскрытия существа спекулятивного мышления как мышления здесь и сейчас. Соответственно, спекулятивное суждение – это суждение разума, объединяющее, синтезирующее в себе противоположности, которыми в абстракции и различии оперирует рассудок. Ибо модальность как раз способна раскрыть ту составляющую бытийствующего в своем мире человека, в какой он как мыслящее существо «привязан» к этому миру, из которого и в котором он бытийствует. Модальность отсылает к мирности как исторической социокультурной реальности в той мере, в какой мышление человека – это мышление здесь и сейчас. В своем здесь и сейчас реальность преломляется во взгляде человека на мир, не случайно модальность – это, среди прочего, и обусловленность обстоятельствами, ибо по определению подразумевается точка зрения человека в отношении значимого для него фрагмента мира, формирующаяся всегда уже в некотором здесь и сейчас. Е.М. Вольф справедливо отмечает: «...как только предмет становится функционально значимым, его оценка делается возможной»²⁴. И вскрытие логической структурности этой точки зрения, не в «дефективном» (случайном, лишь субъективном), а «эффективном» (осуществляющем прогресс знания) смысле, проходит через выявление роли модальности в логическом мышлении человека. Не случайно Гегель оценивает модальность очень высоко: модальное суждение как разновидность суждения рассматривается им как завершающий, и потому наиболее совершенный этап саморазворачивания Понятия в той мере, в какой это касается существа суждения, ибо модальное суждение как раз и выявляет степень соответствия утверждаемого своему понятию, меру долженствования содержания суждения самому суждению посредством оценивающих эту меру модальных операторов. Модальное суждение обретает статус суждения понятия, между тем, суждение наличного бытия и суждение рефлексии еще не могут считаться суждениями в полном смысле этого слова, поскольку именно *утверждающая* сторона как принципиально важная еще не явлена в них в должной мере, а ведь именно в ней проявляется «сила суждения»: «Умение высказывать суждения

²⁴ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 17.

наличного бытия... вряд ли будет считаться проявлением большой силы суждения. *Суждения рефлексии* – это больше предложения, [чем суждения]... лишь в суждении, подлежащем теперь рассмотрению, имеется *отношение предмета к понятию*... Поэтому лишь такое суждение содержит истинную оценку: предикаты «хороший», «дурной», «истинный», «прекрасный» «правильный» и т.д. выражают собой то, что к сути прилагается *мерило* ее всеобщего *понятия*...»²⁵. Наше исследование методологически находится в русле гегелевской спекулятивной философии и нацелено на выявление структуры конкретно-всеобщего мышления, о котором Э.В. Ильенков, как раз в духе гегелевской философии, говорит спустя 150 лет, что «на абстрагирование сильнейшее и даже доминирующее влияние оказывают высшие этажи духовного строя – моральные, правовые, религиозные и тому подобные общественные нормы»²⁶. Раскрытие роли этих высших этажей духовного строя для абстрактного мышления, представленных в логике модальностями – задача первостепенной важности. От себя же к приведенной цитате мы считаем нужным добавить, что нельзя говорить об одностороннем доминирующем влиянии общественных норм на сугубо мыслительные, ибо в таком случае конкретное мышление не было бы одновременно всеобщим. Влияние это обоюдно. Более того, одно от другого может быть отделено лишь в абстракции.

Э.А. Тайсина справедливо отмечает, что «философ (как и любой гуманитарий) недолго может оставаться «лишь» гносеологом; глубокие размышления обязательно приводят его к вопросам социальным: коммуникации, этики, политики и т.д.»²⁷. По нашему мнению, данное утверждение может быть сформулировано еще более радикально: глубокие гносеологические размышления, приводящие к вынесению суждений, в самих себе уже содержат отсылание к этике, эстетике, праву и т.д., то есть к модальности. При этом традиционно в логике ассерторические и модальные суждения разводятся, рассматриваются в различных разделах формальной логики – в зависимости от наличия или отсутствия дополнительной, оценочной информации в суждении. Между тем, можно построить бесчисленное количество ассерторических предложений, содержащих в себе модальность без отсыланий к соответствующим

²⁵ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – С-Пб.: Наука, 1997. – С. 602.

²⁶ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 39.

²⁷ Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии / Очерк 3. Гносеология экзистенциального материализма. – Казань: Изд-во КГЭУ, 2011. – С. 116.

операторам достаточно взять для примера любое оценочное предложение – «Иван провалился на экзамене». «Провал» отсылает к отрицательному аксиологическому оператору, хотя модальность формально здесь и отсутствует. Тем не менее, взаимозависимость ассерторической и модальной составляющих требует выявления и осмысления, особенно если это касается суждений со скрытой модальностью. Выявление этой связи и может, по нашему мнению, обнаружить связь абстрактного безличного мышления со своим реальным, отдельным носителем, связь всеобщего с конкретным. Относительно статуса модальностей следует вслед за Э.А. Тайсиной отметить, что приведенное школьное определение модальности является зауженным: модальные операторы свидетельствуют не столько о характере зависимости предиката от субъекта, сколько о субъективной, субъектной *оценке* того, что высказывается. И любое суждение, формально не имеющее ярко выраженной модальности, в действительности модальностью обладает, хотя бы в имплицитном виде. Модальность в виде имплицитного или эксплицитного оценочного отношения к выносимому суждению обязательна уже потому, что без модальности просто не мог бы состояться акт суждения: нельзя судить, не выказывая отношения к содержанию суждения. Субъектная модальная оценка утверждения эксплицитно или имплицитно свойственна ассерторическому суждению, равно как суждению с сильными положительными модальными операторами (именно они и имеют действительную ценность) присуща ассерторичность.

И. Кант в «Критике чистого разума» пишет, что модальность ничего не прибавляет к содержанию суждения, но касается ценности связки в отношении мышления вообще²⁸. Модальность ничего не прибавляет к содержанию суждения, потому что в модально-ассерторическом суждении она находится в непрерывном единстве с его содержанием, неотделима от него. Суждение, будучи сформулированным и высказанным человеком в его бытии-в-мире, предполагает модальность, без которой оно не могло бы быть вынесено и высказано. В нем изначально предполагается определенное отношение к содержанию высказываемого. В широком смысле, относительно любого суждения можно утверждать, что оно имеет ассерторическую и аксиологическую составляющие. Даже в таком, казалось бы, абстрактном суждении, как «расстояние от Лиссабона до Нью-Йорка составляет 5400 километров», в котором модальный аспект на первый взгляд отсутствует, тем не менее, подразумевается некоторое отношение высказывающего к высказываемому. Это отношение

²⁸ Кант И. Сочинения в 8-и т. Т. 3. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – С. 203.

заключается в определенном значении, придаваемом тому обстоятельству, что расстояние от Лиссабона до Нью-Йорка составляет 5400 километров. В силу некоторых причин человек имеет интерес к этому вопросу, ведь для кого-то другого имеет значение и интересуется расстояние от Афин до Сиракуз, а кого-то – от Земли до Луны. Ведь 5400 километров – это много или мало, и потому либо хорошо, либо плохо, если исходить из хайдеггеровской категории бытие-в-мире, в горизонте которой все, что высказывается, высказывается относительно высказывающего, и потому модальность неизбежна в такой же мере, как и ассерторичность. Е.М. Вольф отмечает: «В выражениях естественного языка, которые приписывают объекту те или иные свойства, оценочный и дескриптивный компоненты неразрывно связаны и во многих случаях неразделимы»²⁹. В этом отношении мы, безусловно, являемся сторонниками эмотивизма. Таким образом, даже в измерении повседневного обращения модальная и ассерторическая составляющие суждения идут рядом.

Другое дело, что в приведенном примере суждения из сферы повседневного обращения относительно расстояний не содержится истинное единство ассерторического и модального аспектов суждения, каковое имеет место в неповседневном творческом спекулятивном суждении, ибо отношение высказываемого к высказывающему, постулируемое М. Хайдеггером, только в последнем суждении представлено в единстве изначально и аутентично. И фундаментальным является модально-ассерторическое суждение, генерирующее содержательно новое знание, в котором осуществлено единство мыслящего и вместе с тем активно участвующего в своем мире человека, не только пребывающего, но и преобразующего свой мир. Модально-ассерторическое суждение в данном случае мог бы высказать глубокомысленный Анаксимандр, создавший первую географическую карту, или великие путешественники-первооткрыватели, проложившие торговые пути в разные части света. Отделимой же модальность становится в отношении абстрактного суждения, содержание которого застыло в своей абстрактно-всеобщей неизменности. Оно по существу уже просто потеряло модальность, вернее стало модально индифферентным (а индифферентность, как известно, аксиологический слабый оператор). Такое суждение уже не может быть оценено в подлинно аксиологическом смысле, его аксиологическая составляющая исчезла.

²⁹ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 24.

Таким образом, мы можем говорить о высвечивании в ассерторичности любого суждения главным и ближайшим образом алетической модальности, ибо ассерторичность суждения идентифицирует себя с *необходимостью*. Утверждать или отрицать нечто – значит утверждать или отрицать нечто как истинное, и не важно – о суждениях факта или разума идет речь. Необходимо, что А. Так звучит любое ассерторическое суждение *de dicto*. Алетичность имплицитно содержится в утверждении и отрицании, отвечая за возможность «корреспондентской» составляющей истинности такого суждения, за возможность того, что суждение *de dicto* окажется суждением *de re*, если оно схватывает не какой-то отдельный эмпирический факт, где такое расхождение присутствует, но проникает в необходимые связи и свойства вещей, в объективное положение дела. В любом случае, утверждать как необходимое – значит утверждать эпистемическую доказанность, тем самым реализовывать когерентную составляющую суждения в согласованности различных суждений между собой. И, вместе с тем, – эпистемическую же достоверность и субъективную убежденность в своей правоте, переживаемость истинности с переходом к экзистенциальной составляющей истинности суждения (и здесь уже начинается релятивизация истинности), а также деонтическую правильность, нормативность утверждаемого, что выводит нас на конвенциональность суждения. Иными словами, модальности соприсутствуют в ассерторическом суждении, даже если оно высказывается в «чистом виде», без каких-либо очевидных оценочных модуляций.

Здесь мы считаем необходимым отметить, что нами оставлен в стороне разбор темпоральной модальности. Она не имеет с содержательной точки зрения для исследования модально-ассерторического суждения самостоятельного значения, и, скорее, в той или иной мере уже включена во все прочие модальности: то, что необходимо, таково, очевидно, по статусу всегда (и везде), а невозможное невозможно никогда (и нигде). Аналогичным образом, со всеми прочими модальностями, для которых темпоральность – это аспект их операторов. Время – не столько логический элемент структуры суждения, сколько момент его самореализации, актуализации его потенциала, а об историчности спекулятивного суждения будет сказано далее. Точно так же мы оставляем в стороне модальности, не участвующие прямо в формировании выстраиваемого нами спекулятивного суждения, а именно модальности причинности, изменения и т.д.

Уже из этих предварительных замечаний относительно модальностей видно, что применение модальностей шире, чем это принято считать. Точно так же границы ассерторичности, как мы определили, шире, чем это трактуется в стандартном учебнике по логике. *Ассерторичность и модальность пронизывают любое суждение, потому являются инвариантными компонентами суждения как такового.* Хотя и не в каждом суждении оба компонента эксплицитны: А.А. Ивин отмечает, что «один из двух компонентов истинностного и ценностного отношения, как правило, опускается»³⁰. Теперь можно сделать и вывод о том, что ассерторичность и модальность в том виде, в каком они сосуществуют в формальной логике, имеют достаточно условные границы. Не случайно тот же А.А. Ивин отмечает употребление в языке двойственных, описательно-оценочных утверждений, которые как раз указывают на зыбкость границы между ассерторической и модальной составляющими суждения, и к таковым он относит суждения из самых разных сфер – принципы морали, акцентуированные высказывания (например, правила грамматики или словарные определения), научные законы, высказывания о тенденциях социального развития, правила частной и общественной практики и даже правила логики и математики³¹.

Таким образом, суждение как форма мышления может быть интерпретировано в узком и широком смыслах. В первом случае мы имеем дело с классическим, формально-логическим пониманием суждения и его видами, во втором – со спекулятивной диалектической интерпретацией суждения, которое лежит в основе формально-логического суждения и именуется нами *модально-ассерторическим*. Все виды традиционных суждений являются его модусами.

Следует также отметить, что вышесказанное находится в контексте рассматриваемого нами феномена *притязательности на абсолютность*, и с учетом изложенного мы считаем, что претензия, то есть некоторое субъективное отношение к содержанию того, что выносится суждением, есть высвечивание модальности суждения, тогда как абсолютность есть указание на категоричность и ассерторичность. Поэтому спекулятивное суждение является *модально-ассерторическим*. *Все модальности в этом суждении находятся в свернутом, спрессованном, скрытом виде, тогда*

³⁰ Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы. URL://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_4/6.pdf (дата обращения: 10. 12. 2015).

³¹ Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы. URL://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_4/6.pdf (дата обращения: 10. 12. 2015).

как в развернутом, эксплицитном виде выражена лишь его ассерторичность, присущая любому суждению. И если принять ассерторичность и модальность атрибутами любого суждения, то мы вправе попытаться выявить некую инвариантную структуру суждения, что позволит нам говорить о Суждении как таковом. Кроме того, диалектическое напряжение, в котором находятся ассерторичность и модальность в спекулятивном суждении, будучи предполагающими друг друга антиподами, опосредованы рядом промежуточных элементов, что типично для диалектического противоречия. Не случайно З.М. Оруджев отмечает в связи со спецификой диалектического противоречия: «диалектическое противоречие есть опосредованное промежуточными звеньями единство противоположностей, взятых в одно и то же время, в одном и том же отношении (и смысле)»³². Такими промежуточными звеньями в нашем случае являются различные виды модальностей, тяготеющие либо к ассерторичности и сливающиеся с нею, либо к чистой модальности и противопоставляющие себя ассерторичности.

Экспозиция предложенного спекулятивного суждения, озабоченного делом мышления, выявила, во-первых, ведущие условия, при которых может состояться акт суждения (проблемность познавательной ситуации и притязательность, амбиция мышления, позволяющая в условиях неопределенности пуститься в самостоятельное изведывание неизвестного), во-вторых, неизменные компоненты суждения, присутствующие в любом акте мышления и любом виде суждения, являющиеся конститутивными для самого спекулятивного суждения (ассерторичность и модальность).

Соответственно, более детальному изучению данного модально-ассерторического суждения, вскрытию взаимозависимости модальности и ассерторичности, а также различных модальностей между собой, будет посвящена следующая глава.

³² Кузнецова Т.В., Оруджев З.М. Историческое в природе человека // Вопросы философии. – 2012. – № 4 – С. 94

Глава II. МОДАЛЬНО-АССЕРТОРИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЕ КАК СТРУКТУРА СПЕКУЛЯТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

В своем суждении идея есть познание вообще.

Гегель

А. Ассерторичность и алетичность суждения

Как уже отмечалось, ассерторичность суждения свидетельствует, в первую очередь, о его претензии на необходимость. Логика, как известно, имеет принудительный характер. Но принудительность – термин не совсем характерный для логики, поэтому более уместно, вероятно, говорить о необходимости суждения. Необходимость, имеющая место в суждении, заключается в том, что тот, кто судит, придает статус необходимости своему суждению на основе скрытых логических звеньев, стоящих за суждением, заставляющих мыслящего делать по необходимости определенные умозаключения по определенным правилам. Наше понимание необходимости шире границ необходимости, положенных сильному положительному оператору алетичности. И фактически необходимое суждение, отражающее научные истины, и формально противоположное ему фактически случайное суждение, выражающее отдельный эмпирический факт, являются в нашем случае необходимыми. Хотя с формальной стороны, имея в виду известное деление суждений на возможные, ассерторические и аподиктические, суждения факта таковыми не являются. Но поскольку данное лейбницево деление истин носит неисторический и недиалектический характер, мы оставляем его без внимания. Нас интересуют лишь конкретные спекулятивные суждения, к которым предложенное деление неприменимо, ибо конкретное ассерторическое суждение (суждение факта) может быть и аподиктическим суждением (суждением разума) в широком смысле, не ограниченном пределами чистой науки. Так, вспоминая гегелевскую работу «Кто мыслит абстрактно?» и приводимый им пример суждения «солдаты – канальи и заслуживают битья»³³, можно сказать, что по форме это – ассерторическое суждение (абстрактно говоря, предикат «канальи» не может претендовать на статус сущностного по отношению к солдату, не предполагается в его понятии), но, по сути, оно является необходимым, если иметь в виду его историческую составляющую, а именно – положение

³³ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет / Г.В.Ф. Гегель. – М., Мысль, Т. 1, 1970. – 672 с.

дел в армии. Пруссия, как известно, вошла в мировую историю как воплощение милитаризма, а срок службы в ней в мирное время составлял от года до двух, в зависимости от рода войск³⁴. Вследствие краткости срока службы воинские качества прежних солдат вбивались в молодого рекрута при помощи мер крайней строгости, благодаря чему Пруссия стала одной из самых эффективных в военном отношении стран Европы. Зная это, можно сделать вывод о том, что тезис «солдат – каналья и объект для битвы» был объективно истинен. В этом случае ассерторическое суждение «солдат – каналья» оказывается аподиктическим суждением «солдат – необходимо каналья», ибо положение в прусской армии было таковым, что на конкретном историческом этапе ее становления дисциплина и обученность солдат были повсеместно на весьма низком уровне (более подробно см. работу автора «Диалектические основания конкретно-всеобщего мышления»)³⁵. Хотя, конечно, взятые абстрактно, эти суждения различны, на что и указывает традиционное деление суждений. Претензия на абсолютность как претензия на всеобщность и необходимость соответствует ближайшим образом содержанию алетической модальности в ее сильном положительном операторе, а тот, кто высказывает спекулятивное конкретное суждение, считает это свое суждение обоснованным, внутренне последовательным и внешне не противоречащим положению вещей, то есть аподиктическим.

Как известно, алетическая модальность, главная среди прочих, делится на онтологическую и логическую. Претензия на аподиктичность, то есть соответствие того, что высказывается, тому, что о чем говорится, структурно заложенная в суждении, основана как раз на алетичности в той мере, в какой она затрагивает онтологическую необходимость как то самое «внешнее» соответствие положению вещей, вступает с ней в резонанс, ибо онтологическая необходимость служит гарантом оправданности претензии суждения на истинность. Между тем, вхождение в соответствие с онтологической необходимостью осуществляется «от лица» логической необходимости в ее правильности как «отражении» онтологической необходимости. Если и возможно единство мышления и бытия, то на основе алетической модальности, в пределах которой обеспечивается пресловутое соответствие нашего знания объективному положению вещей. Истинность – соответствие бытия мышлению (онто-логичность),

³⁴ Энгельс Ф. Прусская армия. URL: www.marxists.org/russkij/marx/1880/mil/eur_pr.htm (дата обращения: 05.01.2010).

³⁵ Гурьянов А.С. Диалектические основания конкретно-всеобщего мышления / А.С. Гурьянов // Вестник Вятского ГГУ. – 2010. – № 4(4). – С. 15–20.

а правильность – логический компонент этого соответствия. Говоря о логической правильности, Е.А. Иванов справедливо указывает, что «центр тяжести она [логика – А.Г.] переносит на правильность мышления»³⁶. Таким образом, в той мере, в какой логическая правильность является таковой и оправдывает свой статус, она оборачивается онто-логикой.

Соотношение мышления и бытия, субъективного и объективного всегда было в фокусе внимания философии и, тем более, теории познания. Сегодня среди многих мыслителей считается хорошим тоном говорить о разрыве между ними, акцентировать внимание на различии и, как следствие, невозможности проникнуть в существо вещей. Такой уважаемый специалист в области формальной логики, как Х. Зигварт, очарованный кантовской философией, пишет: «...предъявляемые к мышлению требования мы не распространяем на познание сущего, а ограничиваем их областью необходимости и общезначимости»³⁷. То есть лишь областью «внутренней» логической необходимости, как если бы онтологическая необходимость была лишь недостижимым идеалом. Но почему бы не обратить внимание и на то, что объединяет мышление и бытие, на то, что позволяет мышлению вступать в некое взаимодействие с окружающим миром, на гармоническое единство, в которое вступают человек и окружающая его действительность. Э.А. Тайсина отмечает: «Идея познаваемости объективного мира, в том числе ненаблюдаемого, понятая и сознательно присвоенная в качестве гносеологического принципа, как правило, получает рационалистическое обоснование... ничто для философа не находится ближе к принципиальности, определенности, ясной логичности, чем эта идея»³⁸. Платон говорил о том, что разум воспроизводит упорядоченность и логику мира; но наиболее обосновано единство мышления и бытия у Аристотеля в учении о категориях, а именно в анализе сущностей первого, онтологического, и второго, логического, порядка, находящихся в неразрывном единстве. Сегодня в логике считается правильным подразделять алетические модальности на логические и онтологические, как если бы это были совершенно различные вещи, тогда как уже терминологическая их общность

³⁶ Иванов Е.А. Логика. Учебник. – М.: изд-во БЕК, 1998. – С. 17.

³⁷ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 41.

³⁸ Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии / Очерк 3. Гносеология экзистенциального материализма. – Казань: Изд-во КГЭУ, 2011. – С. 3.

свидетельствует об обратном. Формализация увлекла логику, как если бы логика существовала ради себя самой. Тем самым формализованная логика в философском плане делает решительный шаг назад, отступая от спекулятивной философской линии, заданной древними греческими метафизиками, для которых логически необходимое не могло не быть онтологически необходимым: «Вполне естественно, что после первых сущностей [отдельные вещи – А.Г.] из всего прочего одни только виды и роды [абстрактные понятия – А.Г.] называются вторыми сущностями: из всего, что сказывается, только они выявляют первую сущность»³⁹. У Аристотеля, пожалуй, вызвало бы недоумение проведение разграничения между логическими и фактическими модальностями, как если бы онтологическая, объективная детерминированность суждения была бы отлична от логической детерминированности, продиктованной «лишь» соответствием законам логики, – как если бы логика вещей и логика мышления были совершенно несовместимыми. И действительно, спекулятивное содержание суждения указывает нам на сущностное единство мышления и бытия, на возможность преодоления разрыва между познающим субъектом и «трансцендентной» вещью. Э.А. Тайсина, анализируя феномен данности бытия человеку, конгруэнтности, изоморфизма бытия и сознания, что естественным образом подтверждается всеми науками, пишет: «Космос сам активен и заряжен энергией, и он *дается* познающему, потому что Логос и логос однородны, микросоксм – модель макрокосма. Подобное рождает подобное, подобное познается подобным»⁴⁰.

Вынося суждение в форме логической необходимости, мышление, вступая в контакт с тем, что Гераклит называл Логосом, в котором объединены Слово, Мысль и Закон, тем самым одним из первых указал на сущностное единство логического мышления, оформленного в речь и обращенного к логичному бытию как закону, управляющему процессами и лежащему в основе устройства мира. Гегель в связи с этим отмечает: «logos (есть) разум, сущность вещей и речи, *вещь* и *вещание...*»⁴¹. Мысль, как известно, фиксирует лишь общее, а значит, по определению расположена к сущности сущего, даже если признать, что люди – в какой-то степени действительно случайные носители мышления, как считают

³⁹ Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1978. – С. 57.

⁴⁰ Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии / Очерк 4. Истина – *cor cordium* гносеологии. – Казань: КГЭУ, 2012. – С. 17.

⁴¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет / Г.В.Ф. Гегель. – М., Мысль, Т. 1, 1970. – С.292.

В. Дубровский и Г. Щедровицкий. Тем самым восстанавливается в правах «онтологический» логос, заявленный еще Гераклитом и в последствии потерянный, впервые объединивший речь как выраженную мысль, а мысль как понятие вещи. Впрочем, даже если не погружаться в спекулятивные глубины античной мысли, мы можем отметить, что академическая трактовка суждения, если абстрагироваться от современных философствующих логиков, и сегодня еще сохранила следы античной традиции. А.А. Ивин отмечает в логической характеристике суждения, что оно есть сочетание понятий, обусловленное объективным ходом вещей и при этом обладающее устойчивой структурой, внутренней закономерной связью. А столь серьезное внимание к этой форме мысли продиктовано тем, что именно суждение выступает первичным (а речь – логически вторичным) указанием на действительность в сознании человека.

Необходимость, заложенная в спекулятивном суждении, да и не только в суждении, но и в других формах мышления, указывает естественным образом на онтологическую необходимость как объективную закономерность, которой держится сущее в своем бытии. А значит, оно является не только логически необходимым, но онтологически необходимым, то есть аподиктичным. В этой связи мы считаем нужным процитировать Х. Зигварта еще раз, отмечавшего в другом месте и уже гораздо более смело и оптимистично, нежели в предыдущей приведенной цитате: «уверенность, что суждение окончательно, что синтез непреложен, что я всегда буду говорить то же самое, – эта уверенность может быть налицо лишь тогда, когда познано, что она покоится не на мгновенных и меняющихся во времени психологических мотивах, а на чем-то, что всегда, когда я мыслю, является неизменно одним и тем же и что остается незатронутым никакими переменами. И это, с одной стороны, есть само мое самосознание..., и с другой стороны, то, о чем я сужу, само мыслимое согласно своему неизменному, признанному мной во всем его тождестве содержанию, которое совершенно независимо от индивидуальных состояний мыслящего»⁴².

В алетичности мышление и бытие находятся в единстве. Алетичность – это логика бытия и логика мышления, вместе позволяющие говорить об истинности. Относительно корреляции логической и онтологической необходимости как двух сторон алетичности Зигварт пишет: «Познаваемой необходимостью является лишь там, где имеет место то же самое постоянство связи в бытии, которое в логической области

⁴² Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 268.

господствует над связью мысли...где возможно совершенное совпадение реальной и логической необходимости»⁴³.

В то же время алетичность есть экспликация истинного ассерторического суждения, оправданного в своих притязаниях. Ассерторическое суждение, собственно, апеллирует к единству логического и онтологического: то, к чему оно приходит в результате необходимых логических умозаключений об объекте, есть то, что отражает необходимые свойства, связи и отношения самого объекта, и лишь поэтому суждение ассерторично. Единство логической и онтологической составляющих суждения здесь явлено в положении: «Я так полагаю на таких-то логических основаниях, и так оно есть на самом деле, ибо основания достаточны как отражающие логику вещей». «На логических основаниях» и «так оно есть на самом деле» предполагают друг друга. В этом заключена аподиктичность суждения, в которой смыкаются логическая и онтологическая составляющие. Реальный процесс мышления, даже если он корнями уходит в психологическую составляющую сознания, в любом случае оперирует логическими категориями и выстраивается сообразно логическим закономерностям. А ассерторичность суждения, учитывая то обстоятельство, что акт мышления ближайшим образом есть вынесение суждения, аккумулирует в себе силу логической необходимости, неотвратимости. Но логическая необходимость непосредственно указывает на бытийную необходимость, на соответствие того, что утверждается в суждении, реальному положению вещей. В оценке данного обстоятельства психологи утверждали, что здесь имеет место лишь ориентация реального процесса мышления на должное мышление, то есть на соответствие аристотелевским формально-логическим законам, характеризующим лишь «правильное» мышление, замыкающееся на самом себе. Однако всеобщий и необходимый характер правильного мышления не может не коррелировать с «неправильным», то есть истинным мышлением, выводящим озабоченное делом мышление за свои пределы.

Наш анализ модальной составляющей спекулятивного суждения начат с алетической модальности не только потому, что алетические модальности обычно в исследованиях модальностей стоят на первом месте. Вернее, это привилегированное положение алетичности продиктовано серьезным основанием: через нее, объединяющую онтологическую и логическую составляющие, ассерторическое суждение

⁴³ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 222.

обретает весомость, поэтому ассерторичность подразумевает единство алетичности, при том что алетическая модальность как таковая ничего не добавляет к ассерторичности.

Развивая концепцию интенциональности, Э. Гуссерль отмечает, что естественная установка сознания заключается в нетематичности актов сознания, их растворенности в предмете осознания. Аналогичным образом обстоит дело с ассерторическим суждением. Вынося суждение, человек осознает ассерторичную, категоричную составляющую суждения и на ней акцентируется. Сознаваемая сторона суждения – это ассерторичность, подразумевающая соответствие мысли своему предмету, то есть единство алетической модальности. Модальность при этом растворяется в ассерторичности, поскольку модальный оператор «необходимо» уже по умолчанию содержится в ассерторичности суждения – иначе у человека просто не было бы оснований утверждать что-либо и быть «категоричным». Если бы необходимость не подразумевалась ассерторичностью, последняя просто не могла бы быть таковой, поэтому для нее модальная необходимость чисто логически является *избыточной*, как если бы в смолу добавляли черную краску в целях насыщения цвета. Поэтому алетическая модальность, как правило, не бывает выражена в суждении, хотя и предполагается им. То же самое касается и других модальностей, поэтому *субъективная* сторона суждения остается вне поля зрения мыслящего субъекта. Вследствие скрытости модальности человек, выносящий суждение, не имеет сомнений в том, что высказываемое им является объективным, а выраженная в суждении мысль – отражающей действительное положение дел. Если человек утверждает нечто, то для этого у него есть или могут быть веские основания и соответствующее обоснование. Оценочная сторона суждения остается за пределами осознаваемого компонента суждения, вследствие чего он и воспринимает заявленное в суждении как непреложное, абсолютное. Между тем, именно наличие модального компонента делает ассерторичность (спекулятивного, конкретно-всеобщего, осуществляющего прогресс знания в условиях неизвестности) суждения обоснованной, когда то, что заявлено суждением, соответствует действительному положению дел. Со своей стороны, отсутствие модальности оставляет ассерторическое суждение неопределенным в плане обоснованности его притязаний и выводит на традиционное его понимание, согласно которому ассерторическое существует лишь наряду с аподиктичностью и возможностью.

Б. Эпистемичность суждения

Теперь обратим внимание на другую модальность, очевидно, связанную с алетической. Два вида эпистемических модальностей демонстрируют собой известное деление на знание и мнение, концептуальное различие между которыми – предмет старинного разбирательства. Взяты абстрактно, оба вида эпистемических модальностей являются, очевидно, различными. Первый, будучи основанным на доказательности (сильный положительный оператор достоверного знания), строгой логической опосредованности, указывает на знание, о котором Платон говорит в «Меноне» как о связанном суждением о причинах⁴⁴, то есть имеющим эксплицитно выраженное обоснование, и наличием такого рода надежной связанности отличающимся от мнения, более или менее правдоподобного, но не устойчивого и не имеющего в себе гарантированной верности. Убежденность (сильный положительный оператор недостоверного знания), собственно, и соответствует проблематическому знанию, более известному как «мнение».

Очевидно, что именно из алетической модальности, затрагивающей необходимость, вырастает эпистемическая модальность доказанности суждения, так как доказать – значит артикулировать логическую необходимость и, далее, выявить онтологическую необходимость. Алетичность есть высшая степень надежности, на которой зиждется достоверность эпистемичности, ибо нет ничего более достоверного, надежного, чем необходимое. Алетическое суждение под собой, подобно гегелевскому спекулятивному понятию, содержит доказанность утверждаемого в нем, предполагает ее: необходимость суждения «Земля вращается вокруг Солнца» основана в конечном итоге на онтологической необходимости как соответствии законам вращения небесных тел и прочим физико-астрономическим закономерностям, и доказательство выявляет эти закономерности. Можно сказать, что в рамках алетичности суждение фигурирует как необходимое, а в рамках эпистемичности его необходимость представлена как знание, оформленное в виде доказательства. Если алетичность непосредственно вступает в контакт с «разумностью» мира, то эпистемичность артикулирует этот контакт для вступающего в него, делает его полностью осознанным, то есть знанием. Логически эпистемичность следует за алетичностью, так как сначала нужно вступить в контакт с реальностью, прежде чем

⁴⁴ Платон. Сочинения в 4-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1968. – С. 407.

выяснится в артикулированной форме ее содержание, при том, что оба акта, очевидно, фактически неотделимы друг от друга, «де факто» одновременны, так как заявление чего-то в качестве необходимого неотделимо от соответствующей доказательной стороны, как неотделимо истинное суждение от его обоснования.

Однако эпистемичность содержит и некоторое *новое качество по сравнению с алетичностью*, не предусмотренное последней: несмотря на то, что алетическая необходимость имплицитно содержит доказательность необходимого, доказательность частично размыкает и подрывает необходимость уже по своему определению, ибо необходимость в доказывании возникает лишь там, где необходимое не является очевидным, где имеет место изначальная недостоверность. А доказывание позволяет обрести достоверность для самого себя и продемонстрировать ее окружающим. Сам факт необходимости доказывания свидетельствует о том, что истинность суждения под вопросом, и поэтому подлежит обоснованию, и алетическая необходимость требует в силу своей скрытости выведения на свет. Таким образом, если сначала дело обстояло так, что необходимость по своему статусу не требовала признания с чьей-то стороны и потому не нуждалась в доказательстве, то теперь оказывается, что по причине необходимости в доказывании, проистекающей из некоторой неполноты очевидности, необходимости суждения полагаются некоторые границы: необходимое лишь тогда таково, когда оно продемонстрировано как таковое, то есть доказано. Теперь необходимость требует доказательств. Если всякая истинная мысль может быть обоснована, то есть доказана, то она должна быть доказана, а если это невозможно, то такое суждение ложно.

Заявка на доказанность, очевидно, еще не свидетельствует о полной и безоговорочной доказанности, о выявленности алетической необходимости. И дело даже не в том, что человеку свойственно ошибаться в расчетах – аргументация может быть внутренне противоречивой, хотя и безупречной в глазах судящего. Соответствие реальному положению вещей, то есть соответствие онтологической необходимости, никогда не может быть окончательным. Суждение по существу автоматически подпадает под удары критики вследствие неочевидности своей необходимости, неоднозначности дела, условности принятой позиции и точки зрения, и, как следствие, неполноты знания, а значит и неполноты доказанности, поэтому в спекулятивном смысле ни одно конкретно-всеобщее суждение не содержит истину в полной мере. Впрочем, как и суждение, высказанное только что. Но если так, то за доказанностью

всегда кроется элемент убеждения того, кто доказывает. В этом свете вряд ли всецело можно согласиться с позицией Г. Лейбница, а затем – Э. Гуссерля, и еще позже – Я. Хинтикки по поводу статуса эпистемического оператора знания как безотносительного, абстрагированного от конечного познавательного субъекта со всеми его индивидуальными особенностями, способного продуцировать знание, истинное для всех возможных миров.

Убежденность есть субъективная уверенность в правоте, которой недостаточно для того, чтобы быть правым. Убежденность, в отличие от предубежденности, конечно, обоснована, и обоснование здесь носит рассудочный, характер, опирается на доводы разума и стремление к объективности (мы абстрагируемся от риторической и коммуникативно-прагматической стороны убеждения). Но в любом случае обоснование носит позиционный характер, а факты рассматриваются под каким-то углом зрения. Происходит же это не вследствие фальсификации, ибо в таком случае мы вряд ли могли бы говорить о сущностной связи убежденности с доказанностью и необходимостью, но по причине вплетенности бытия человека в определенную систему отношений в определенном месте и времени в его бытии-в-мире. Убежденность здесь не носит дефективный характер, то есть характер предубежденности, так как позиция человека аргументирована, продумана, подготовлена, непротиворечива внутренне и непротиворечиво сосуществует с другими обоснованными, доказанными позициями. Не случайно убедить в чем-либо – значит, обосновать точку зрения и сподвигнуть других к ее признанию в качестве истинной. А знание, напротив, как представляется на первый взгляд, не нуждается в том, чтобы убеждать кого-то в чем-то, как не нуждается необходимое в том, чтобы его признавали. Однако практика генерирования знания свидетельствует очень часто об обратном: знание вынуждено самоутверждаться и добиваться признания, что говорит о переплетении знания и убеждения. А значит – необходимого и не необходимого.

Многие современные эпистемологи разделяют аргументацию и доказательство, отводя им различные сферы применения. И.А. Герасимова и М.М. Новоселов по этому поводу пишут: «аргументация всегда диалогична и шире логического доказательства (которое по существу безлично и монологично), поскольку аргументация ассимилирует не только «технику мышления» (собственно логику), но и «технику убеждения» (искусство подчинять мысль, чувство и волю человека)»⁴⁵.

⁴⁵ Герасимова И.А., Новоселов М.М. Аргументация как методология убеждения // Вопросы философии. – 2003. – № 10. – С. 78.

На наш взгляд, это деление весьма условно: диалогичность, восходящая к сократовско-платоновским диалогам, содержит элемент монологичности: по сути дела, Сократ использует своих собеседников, чтобы высказать собственный взгляд на вещи. А монологичность, восходящая к аристотелевским текстам, – это неизбежно диалог с предшественниками, современниками и потомками, и доказывать это, вероятно, излишне. Можно согласиться с другой формулировкой тех же авторов, согласно которой доказательство – самый сильный вариант аргументации. Более жесткой позиции по этому вопросу придерживается И.Т. Касавин: «выбор социальной позиции существенно обуславливает стратегию аргументации, что принципиально отличает ее от логического доказательства»⁴⁶. Соответственно, аргументация, по его мнению, применима в большей мере в обыденной жизни, а логическое доказательство – в строгой науке. Но в таком случае получается, что наука, вернее, ученые как ее носители способны абстрагироваться от собственной социальной позиции, и то обстоятельство, что знанию порой приходится пробивать себе дорогу в коммуникативное пространство сквозь откровенное неприятие со стороны не только общественности, но и коллег, является чистым недоразумением, ибо в науке нет места убеждениям, как в практической жизни – строгому, абстрактному логическому мышлению. Нельзя отрицать тот факт, что ученый гораздо более тщателен в вопросах правил доказательства, структуры и методов обоснования, чем обыватель, и его знание гораздо больше может претендовать на статус такового, нежели житейская мудрость, но в то же время нельзя упускать из виду то, что исчерпывающее и абсолютно достоверное объективное знание – это абстракция, и потому место для убежденности и убеждения всегда найдется. Само деление на аргументацию и доказательство является абстракцией, и потому ученый может быть свободным от социальной позиции целиком лишь в том случае, если у него ее вовсе нет, а это невозможно.

Проблематическое и безусловное знание, вероятно, не случайно принадлежат одной модальности, хотя и складывается представление, что различие между ними слишком очевидно, и объединены они могут быть лишь внешне. Однако даже Платон, одним из первых оформивший концептуально различие между мнением и знанием, тем не менее, не был категоричен в их разделении. Известно, что он выделял так называемое правильное мнение и правильное мнение с объяснением, имеющее отношение и к знанию, и к мнению, что само по себе ставит под сомнение

⁴⁶ Касавин И.Т. Проблема и контекст. О природе философской рефлексии // Вопросы философии. – 2004. – № 11. – С. 20.

их разведение. По нашему мнению, деление на знание и мнение является условным, а его правомерность ограничена определенными случаями, в то время как применительно к нашей проблематике они тесно переплетены. Негативная оценка субъективного фактора в реальном мышлении может быть вполне оправдана, если мы имеем ввиду рассудочное абстрактное знание в его статическом измерении, раз и навсегда данное, фиксирующее истины разума в их классическом понимании. И.А. Ильин выделяет дискретность как отличительную характеристику формальной абстракции⁴⁷. Но даже самое надежное абстрактное знание не может быть вырвано из континуальности исторического движения знания, в котором оно возникло и было максимально уместно. Эволюция знания, как правило, остается за пределами рассмотрения, в том числе со стороны Э. Гуссерля (который следует Лейбницу в оценке роли истин разума) и его оппонентов по вопросу оценки статуса логики, тогда как в эволюции знание как всегда уже новое знание и убеждение – едины. При этом роль убежденности нельзя принижать и выставлять в качестве лишь дефективного элемента мышления. Убежденность, интерпретированная как структурный элемент модально-ассерторического суждения, играет не менее важную роль в познании, чем само знание: убежденность сопровождает познание, придает ему уверенности по дороге в неизвестное. Одно без другого в модально-ассерторическом суждении не существует, не случайно Г.К. Майнбергер, анализируя феномен убеждения, отмечает: «знания без убеждений – немые и недействительны, убеждения без знаний – шумны и сомнительны»⁴⁸.

Но, несмотря на то, что убежденность основана и вырастает из доказанности, ибо нельзя быть убежденным в том, чему нет логических свидетельств, доказательств – даже самое абсурдное суеверие во что-либо опирается на какие-то свидетельства, пусть косвенные, нельзя отрицать их качественного различия; оба вида эпистемической модальности, безусловное и проблематическое знание, принадлежат разным, если можно так выразиться, мирам. Если необходимость и доказанность – главным образом мыслительные определения, строго ориентированные на абстрактные логические закономерности, то есть не столько на модальность как оценочность, сколько на констатацию, ассерторичность суждения, хотя

⁴⁷ Ильин И.А. *Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека*. – СПб.: Наука, 1994. – С. 47.

⁴⁸ Майнбергер Г.К. *Единый разум и многообразие рациональностей // Вопросы философии*. – 1997. – № 9. – С. 62.

доказательность, как мы выяснили, уже свидетельствует о роли человеческого фактора, то убежденность, очевидно, несколько выбивается из этих рамок: убежденность, равно как и противоположное ей сомнение, несет в себе очевидные признаки модальности, черты субъективности человека, так как является, если абстрагироваться от мыслительной его составляющей, персональной уверенностью в необходимости чего-либо. Убежденность – специфическое состояние, которое человеку вряд ли приходится испытывать в ситуациях полной достоверности, для которой это состояние просто избыточно. Так, состояние убежденности сегодня не сопровождает информацию, содержащуюся в школьных учебниках. Применительно к подобным случаям убежденность была бы признаком элементарного невежества. Очевидно, что если в ситуации полной достоверности ей нет места, то в свои права она вступает в ситуациях отсутствия достоверности, которую мы уже преднаметили выше. Весьма показательна в связи с этим точка зрения Э. Гуссерля, отмечающего некоторый зазор между доказыванием и доказанностью (из чего вырастает убеждение), когда он указывает на спор психологистов и их противников в отношении формальной логики: «но одно тут способно вызвать философское удивление, а именно то обстоятельство, что вообще возник и продолжается спор, что одни и те же аргументации постоянно снова выставляются, и что их опровержения до сих пор не получили полного признания. Если бы в действительности все обстояло так ясно и просто, как уверяют нас психологи, то такое состояние вопроса было бы непонятно, тем более, что в рядах противников числятся серьезные, проницательные и добросовестные мыслители»⁴⁹.

При разборе взаимозависимости абсолютного и проблематического знания можно было заметить, что необходимость, казавшаяся незыблемой при изучении алетической модальности, не вполне является таковой. И дело здесь не только в том, что у отдельного субъекта подчас, а может и довольно часто, возникает неосознанное намерение выдать желаемое за действительное, перепрыгнуть через зазор между доказыванием и доказанностью, вследствие чего и может возникнуть нарушение логической последовательности в рассуждении. Хотя убежденность добавляет убедительности тому, что в этом нуждается, тем не менее, это не мешает убежденности в то же время возникать вследствие определенной обоснованности. Возникает круг: с одной стороны, убежденность есть следствие знания необходимого при *размыкании* онтологической необходимости, а с другой – *придает* статус

⁴⁹ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: «Сагуна», 1994. – С. 217.

необходимости тому, что в ней нуждается, что не является несомненным и требует признания в качестве необходимого. Мы наблюдаем переплетение субъективного и объективного: убеждение привносит субъективный элемент в объективность достоверного эпистемического знания необходимого. В модально-ассерторическом суждении, очевидно, теперь акцент начинает смещаться с *абсолютности* на *желание абсолютности*.

Убежденность придает личностную окраску необходимости. Элемент субъективности, выступающий вместе с убежденностью, позволяет проявиться феномену убеждения, близкородственному убежденности. Убежденность в чем-то является, если можно так выразиться, качественным элементом более широкой системы, в которую эти элементы совокупно вписаны. Убеждения в широком смысле многообразны и многочисленны, тогда как «убежденность», скорее, качественная сторона убеждения. А элемент непротиворечивости, последовательности, целокупности убеждений выводит на первый план *мировоззрение* человека как единую непротиворечивую систему убеждений и знаний.

В свете сказанного можно констатировать двойственное положение проблематического знания, ибо, принадлежа эпистемической модальности, оно в то же время выходит за ее пределы, занимая, скорее, срединное место между эпистемическим и нормативным. Одной стороной убежденность связана с объективностью, а другой – с субъективностью. Не случайно применительно к этим модальностям говорят хотя и о проблематическом, но знании. Очевидно, что другой своей стороной убежденность, будучи тесно переплетенной с *волей*, детерминирует поведение человека уже в практической сфере.

В. Деонтичность суждения

Модальности проблематического знания вводят нас в иную область, более предметное рассмотрение которой возможно через модальные операторы логики норм и оценок, которыми завершается модально-ассерторическое суждение. О практических науках Аристотель писал, что «не во всех рассуждениях, так же, как не во всех изделиях ремесла, следует добиваться точности в одинаковой степени. Между тем, в понятиях прекрасного и правосудного, которые, собственно, имеет в виду наука о государстве, заключено столько разного и расплывчатого, что начинает казаться, будто все это возможно только условно...»⁵⁰. Проблематическое

⁵⁰ Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С. 55.

знание открывает нам дорогу к рассмотрению предмета, освоение которого в терминах всеобщности и необходимости весьма сомнительно в силу его «разности» и «расплывчатости», и потому адекватное его освоение осуществляется уже не в терминах абстрактного мышления.

Убеждения человека, выходя за рамки знания, свидетельствуют теперь уже о *взглядах* человека, его позиции, занимаемой в историческом времени и пространстве. Как известно, люди могут иметь различные убеждения и, соответственно, взгляды на один и тот же предмет, придерживаться отличных точек зрения и иметь различное мировоззрение. Вследствие этого возникает логическая необходимость приведения различных взглядов к некоторому условному знаменателю. Конвенциональная составляющая этой необходимости как раз вводит в рассматриваемый феномен модально-ассерторического суждения понятие *нормы*; в ней высвечивается логическая необходимость, но уже на другом модальном уровне: как известно, логика норм рассматривается сквозь призму деонтических модальностей. Другими словами, поскольку существуют убеждения, руководящие поведением человека, постольку нужны нормы, которые приводили бы к согласию поведение людей с различными взглядами в общественном бытии (при этом мы отвлекаемся от различных видов норм – дескриптивных и прескриптивных, первичных и вторичных, норм-формулировок и норм-высказываний, юридических, моральных и основанных на обычаях).

Различие взглядов есть основание для возникновения норм; в них не было бы необходимости, если бы люди придерживались одинаковых взглядов на что-либо и вели себя сообразно этим взглядам, ибо в таком случае не требовалось бы образовывать некоторое конвенциональное поведение в со-бытии с другими.

Самопроизвольное следование норме требует некоторого самоограничения, и потому напряжения, к чему человек подчас не готов; норма носит *обязывающий* характер. То, что необходимо, имеет вместе с тем личностное отношение убежденности в том, что нечто необходимо, и необходимое через это обретает новое качество уже из области деонтических модальностей – атрибут обязательности как деонтический сильный положительный оператор. Сильные положительные операторы эпистемичности – доказанность и убежденность – свидетельствуют о *признании* необходимого в качестве такового. Признание алетического становится ориентиром для поведения человека, становится нормативным. Сама формулировка «признание необходимого» достаточно странна, так как необходимое, как представляется, не нуждается в том, чтобы его признавали, о чем мы уже упоминали: то, что сумма углов треугольника

равняется 180 градусам, не нуждается в чем-то индивидуальном признании. Очевидно, что необходимое является таковым помимо чьей-то воли. Однако признание необходимого, если отвлечься от абстрактных так называемых истин разума, на деонтическом уровне действует *amor fati*, и здесь уже имеет значение, ведет ли тебя необходимость по твоей воле или вопреки ей. В первом случае, имеющем отношение к нашему, необходимое перестает быть внешним, абстрактным определением, то есть чисто логическим и эпистемическим как доказанным, но становится внутренним определением того, кто выносит суждение. На этом зиждется убежденность, позволяющая именно утверждать нечто в качестве истинного. Здесь можно говорить не только о признании, но и о принятии необходимого. Обязательность, в таком случае, есть не только признание, как в фазе эпистемичности, необходимого в качестве такового, но добровольное *принятие* и *соблюдение* необходимого.

На эпистемической стадии мы выявили взаимовлияние достоверного и проблематического знания: с одной стороны, убежденность основана на знании, в свою очередь основанном на логической и онтологической необходимости, а, с другой стороны, убежденность оказывает влияние на упомянутые модальные операторы: последние, очевидно, находятся под воздействием иного, до сих пор не выведенного на поверхность источника, ибо убежденность в свою очередь оказывает воздействие на то, что признается необходимым. Убежденность необходимо коррелирует с нормативной модальностью, при этом нормативная сторона является критерием соответствия убежденности своему понятию: насколько нечто является обязательным в поведении, настолько убежденность является действительной, а не мнимой или показной, ибо убеждения человека не могут не иметь выход на деонтическую сферу, определяющую поведение человека. Известная притча Христа, согласно которой по делам следует судить о человеке, вполне уместна применительно к рассматриваемому вопросу. Поступки, таким образом, находящиеся в ведении нормативности (не случайно Г. фон Вригт начиная с «Логико-философских исследований» содержанием нормы видел именно действие), выявляют меру убежденности, свидетельствуют о ее наличии. Через нормативность эпистемическое обретает свое действительное значение; без нормативности убежденность и знание находятся еще под вопросом, а если вступают в противоречие с нормативностью, то являют себя как абстрактные, то есть (в данном случае) мнимые. Теперь мы можем заключить, что без нормативности деонтической модальности, проступающей в проблематической стороне эпистемичности, проблематическое знание теряет в своем значении: без деонтической модальности

эпистемическая остается еще под вопросом. Однако деонтичность не только подтверждает эпистемичность, но и, в свою очередь, оказывает влияние на последнюю, хотя, как указывалось выше, убежденность основана на рациональном начале, через знание ведущем к онтологической необходимости. Данная двойственность деонтичности, согласно которой эта модальность, с одной стороны, основана на алетичности, а с другой – независима от нее и даже оказывает на последнюю воздействие, фундирует две традиции в интерпретации статуса деонтической модальности, на что обратил внимание Г. фон Вригт – он назвал это традицией Лейбница и традицией Бентама⁵¹. И действительно, согласно традиции Лейбница деонтические операторы – аналоги алетических, правила вывода алетических исчислений отражаются в правилах деонтических, а сама деонтическая логика – ответвление алетической. Согласно И. Бентаму, напротив, деонтическая модальность несводима к алетичности, существует разграничение между прескриптивными и дескриптивными высказываниями, о чем свидетельствует уже хотя бы отсутствие необходимости выполнения нормы при ее наличии. На последнее обратили внимание еще средневековые логики: Р. Холкот и Р. Росет отмечали, что говорить о полноценном перенесении алетичности на деонтичность не приходится из-за наличия условных обязательств. Позже подобную мысль высказал и Д. Юм: согласно так называемой «гильотине Юма», то, что есть, не может быть основанием для заключения о том, что должно быть.

Представляется, что обе позиции взаимодополнимы, а деонтическая модальность вполне может оказывать обратное воздействие на проблематическое знание и, далее, на алетическую модальность. И действительно, убежденность в той мере, в какой не является рациональной, основана на том, что человек усваивает в качестве нормативного. Норма не подлежит обсуждению, рациональному осмыслению в практической жизни, но лишь следованию в качестве обязательного. Она не требует анализа и подлежит принятию и следованию ей как данности. «Так надо» – говорит норма. Человеку не дано право поступать с ней по собственному усмотрению, потому норма и носит обязывающий характер. Но человеку, сталкивающемуся с нормой первично, вероятно и незачем задумываться о том, почему так надо, и потому подобное в известной мере иррациональное усвоение нормы откладывает отпечаток и на формирование убеждений человека и, как следствие, на характер его убеждений. Воспитание как раз и построено на усвоении норм. Теперь норма до определенной степени формирует убеждения человека

⁵¹ Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. – М.: Прогресс, 1986. – С. 245.

и этим влияет на его взгляд на реальность, а значит, и на характер его знаний. В таком случае убежденность сама оказывает воздействие на необходимость, и потому в определенной мере имеет своим основанием иное начало, отличное от рационального, так как если убежденность влияет на рациональное, то это влияние не может исходить со стороны самой рациональности. Не случайно Дж. Бентам, говоря о независимости логики норм от алетической логики, выстраивает свою логику как логику воли. Последняя как раз и позволяет оказывать обратное воздействие на алетичность через убеждения – человек не только подчиняется нормам, но и создает их, определяя то, что будет необходимым, говоря гегелевским языком, в сфере объективного духа, формируя собственное бытие-в-мире и фундируя представления об окружающей реальности.

Итак, нормативность деонтической модальности предписывает человеку определенное поведение, независимо от того, к чему норма обязывает или что запрещает. Правовые нормы являются апофеозом такого предписания, самой распространенной и выраженной формой. Специфика такой нормы в том, что она, обязывая человека, в то же время безотносительна и является навязанной обязанностью. Именно как ограничение свободы часто и воспринимается норма, как мера подавления. Иными словами, это набор правил, правильность которых подчас неочевидна и абстрактна, и потому воспринимается как нечто внешнее. Такова *внешняя* необходимость. Такова норма в незавершенном ее состоянии. Она признается субъектом, но при возможности избегается или нарушается. Такая квази-норма существует не только для того, чтобы ее нарушить, она сама по себе имеет еще и ограниченное применение: в публичности человек еще придерживается норм, где поведение унифицировано, а в прочих обстоятельства – нет, позволяя себе «расслабиться» после ослабления давления со стороны нормы. Таким образом, алетической необходимости достаточно для признания нормы, но не достаточно для ее принятия. Внешний характер признания правильности нормы проистекает из отсутствия внутреннего сознательного принятия, человек чувствует себя лишь обязанным, а обязательность проистекает из необходимости, в то время как действительная внутренняя ее *обязательность* возможна лишь в случае признания ее не только необходимой, но и *правильной*. Только в этом случае возникает феномен долженствования, активизирующего *волю* человека, в фазе деонтичности находящую свое истинное применение, когда поведение человека не разнится в зависимости от обстановки и ему не приходится переключаться от публичного обязательного поведения к личному необязательному. Внутреннее долженствование дает проявиться более широкому комплексному понятию, включающему в себя поведение

в любой обстановке – образу жизни, о котором говорил Аристотель. К слову, мы наблюдаем противоречивое положение правовой нормы. С одной стороны, правовая норма является воплощением нормативности, и Аристотель в начале «Никомаховой этики» указывает на добродетели государственного образа жизни: «Надо, видимо, признать, что оно (высшее благо) относится к ведению важнейшей (науки, то есть науки), которая главным образом управляет. А такой представляется наука о государстве (или политика)... а поскольку наука о государстве пользуется остальными науками как средствами и, кроме того, законодательство определяет, какие поступки следует совершать или от каких воздерживаться, то ее цель включает, видимо, цели других наук, а, следовательно, эта цель и будет высшим благом для людей (вообще)»⁵². Благо государства, закон выше блага отдельных людей, и это было одной из причин, почему Сократ согласился принять яд – к этому его обязало государство. Но, с другой стороны, Сократ был осужден несправедливо, и тогда правовая нормативность имеет ограниченное применение, а ее справедливость должна находиться в подчинении более высокой справедливости. Правовое решение, принятое в отношении Сократа, даже если предположить, что оно было *необходимо*, в то же время *хорошим* не было. Поэтому над деонтической модальностью находится аксиологическая, определяющая качество деонтической, а если таковое «качественное» определение отсутствует, то норма остается лишь формальной. Собственно, именно такой она, по существу, всегда и остается, несмотря на многочисленные поправки, цель которых – адаптировать норму к конкретным условиям, и само наличие поправок лишний раз подчеркивает ее противоречивый характер. Поэтому и Аристотель, имея перед глазами примера Сократа и Платона и сам, будучи подвергавшимся остракизму со стороны государства после смерти Александра и подводя итог анализу трех различных образов жизни, утверждает, что именно созерцательный, а не политический способен приблизиться к благу в полной мере. И тот, кто управляет законами, должен быть философом в первую очередь, и лишь потом политиком, так как лишь философ, пользуясь нашей терминологией, оперирует, в том числе, и *аксиологическими модальностями* как максимально приближающими к истине.

Незавершенность суждения на стадии деонтичности свидетельствует о несовершенстве нормы, а несовершенство заключается в недостатке аксиологичности. А.А. Ивин указывает, что «нормы всех видов являются

⁵² Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.4. – М.: Мысль, 1983. –С. 55.

частным случаем оценок, а именно – оценками с санкцией: «обязательно А» означает, что А – позитивно ценно и хорошо»⁵³. Понимания ее необходимости недостаточно для того, чтобы следование ей было не только внешним, принудительным, но и внутренним, произвольным. Для последнего требуется понимание аксиологической позитивности нормы. Для этого требуется выход за пределы нормативности как таковой, из области деонтичности в сферу аксиологии, эксклюзивно в пределах которой можно говорить о ценности *par excellence*, а еще точнее – позитивной ценности, обычно именуемой благом. Не случайно, несмотря на кажущуюся равнозначность положительного и отрицательного операторов, как справедливо отмечает Е.М. Вольф, «...в лингвистических описаниях, как и в логико-философских, исследуется обычно лишь положительный оператор («хорошо»), а отрицательный («плохо») остается в тени»⁵⁴. А о несовершенстве нормы свидетельствует хотя бы ее «целевая аудитория»: принудительность нормы указывает, что она нацелена главным образом на тех, кто не готов в своем поведении к добровольному следованию тому, что необходимо и хорошо, то есть на тех, о ком Аристотель, классифицируя различные образы жизни, говорит как о людях весьма грубых и коих, как он здесь же добавляет, большинство⁵⁵. Для них норма существует лишь со стороны ее принуждающей необходимости, что соответствует формальному характеру нормы, но не соответствует ее истине. Принятие необходимого как своего, возможно вследствие одобрения необходимого человеком, а в одобрении деонтической модальности высвечивается аксиологическая: нечто принимается в качестве обязательного постольку, поскольку это нечто аксиологически одобрено, то есть «хорошо».

Теперь мы можем ответить хотя бы приблизительно на вопрос, что заставляет убежденного человека принимать необходимое как свое и даже утяжелять его через утверждение необходимого в качестве такового, а ситуация в действительности требует объяснения, поскольку необходимое, будучи в определенном смысле насилем со стороны мышления, бременем для человека, формально может быть принято как внешняя данность, с которой можно лишь мириться как с чем-то

⁵³ Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы. URL://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_4/6.pdf (дата обращения: 10. 12. 2015).

⁵⁴ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 9.

⁵⁵ Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.4. – М.: Мысль, 1983. –С. 58.

неизбежным. Убежденность принимает необходимое как руководство к действию. Вряд ли абстрактные научные истины, воплощение отчужденной необходимости, могут служить руководством к определенному поведению. Поэтому и убежденность применительно к ним отсутствует. Как руководство к определенному поведению убежденность проявляется в качестве обязательности. Здесь уместно говорить об убеждениях личности, основанных не на абстрактных, формальных истинах, а на конкретно-всеобщих истинах. Тезисы о вращении Земли вокруг Солнца для Н. Коперника или о бесконечности Вселенной и множественности населяющих ее миров для Д. Бруно не были абстрактными, отчужденными для их авторов, поэтому последние были готовы как утверждавшие и утвердившие эти суждения как истинные отстаивать их, преодолевая противодействие с разных сторон в том или ином виде: «Требование определенности мышления – главное условие его рациональности. Оно имеет адаптивно-практический смысл, составляя необходимую основу поведения...»⁵⁶. То, что «лишь» правильно, не может подвигнуть человека к отстаиванию правоты, чреватой опасностями для личного благополучия. Рациональная алетическая составляющая их суждений дополнена модальной составляющей, накладывающей отпечаток не только на образ их мыслей, но и на поведение, образ жизни, шкалу ценностей. Действительное понимание необходимого и хорошего, совместно конституирующих *необходимое благо*, позволяет включиться стоящим за нормой силам, ориентация на которые формирует целостный образ жизни, когда человек ведет себя определенным образом и придерживается норм непротиворечиво и независимо от того, в каких обстоятельствах он находится. Внутреннее долженствование, необходимость некоего соответствия, таким образом, является стержневым элементом в поведении человека.

Г. Аксиологичность суждения

Противоречивое положение нормы свидетельствует о наличии начала, оказывающего воздействие на норму не только со стороны алетичности, но и чего-то еще. Норма, влияя на состояние убежденности, не является ее источником, поскольку сама, в свою очередь, находится под влиянием и составляет промежуточное звено между убежденностью

⁵⁶ Философия науки / Под ред. Лебедева С.А.: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект. Трикста, 2004. – С. 15.

и чем-то иным, являющимся действительным источником формирования проблематического знания и деонтичности как таковой: нечто признается обязательным и подлежащим исполнению как правильное постольку, поскольку, как уже стало ясно из предыдущего анализа, оно *аксиологически позитивно*. Н. Гартман в работе «Этика» это отмечает: «Они (этические принципы – А.Г.) устанавливают требования, образуют своего рода трибунал, и перед этим трибуналом человеческое поведение... должно держать ответ»⁵⁷. В этой связи мы не можем согласиться с позицией Е.М. Вольф, согласно которой бывают ситуации, когда «...особенность оценки определяется ориентацией оценки на норму, на объект с такими характеристиками, которые предъявляются к нему нормативными требованиями»⁵⁸. По мнению Е.М. Вольф, существуют прескрипции, не коррелирующие с соответствующими аксиологическими операторами. Так, приказ или команда не могут-де быть окрашены оценочно позитивно. На наш взгляд, как раз напротив. Независимо от того, как выражена норма, рекомендательно, в форме совета или приказа, она изначально ориентирована на аксиологическую позитивность. Другое дело, что человеческий фактор, особые обстоятельства могут извратить функцию нормативности. Но это не проблема нормативности.

Выходя на аксиологию, мы вступаем в сферу не менее самодостаточную и самодовлеющую, чем модальность, с которой был начат анализ: онтологическая необходимость и аксиологическое одобрение, каждое со своей стороны, оказывают воздействие друг на друга через посредствующие модальные звенья, являясь одновременно началом и концом этой цепи. Данные конечные звенья, очевидно, уходят корнями в сложившуюся в Новое время антитезу сущего и должного, бытия и ценностей. Р. Декарт и Г. Лейбниц, пожалуй, были одними из последних, кто признавали существующий мир таким, каким он и должен быть, но начиная с Б. Спинозы совершенство начинает пониматься уже не онтологически, как бытийное свойство мира, но как существующее в субъекте. И. Кант, как известно, в своих критических работах сделал это разделение принципиальным: ценности не могут существовать в объективном мире, их источником является судящий субъект.

⁵⁷ Гартман Н. Этика. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – С. 102.

⁵⁸ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 122–123.

Мы сознательно отвлекаемся от оценки в ее языковых выражениях: как известно, в языке оценка может проявляться через различные части речи, через элементы, меньшие чем слово, и через целые высказывания, через наименования предметов и действий, контекст и прямое значение и т.д. Для нас ценна лишь логическая сторона, поэтому наш анализ модальности закономерно завершается аксиологичностью как крайним звеном логической цепи в той мере, в какой предложенное нами суждение является именно модальным. И в этой самодостаточной сфере ее самым самодостаточным, абсолютным звеном будет высшая ценность, традиционно называемая благом, являющееся автономным не менее, чем мировой Логос или мировой необходимый логический разум, управляющий вещами, с которого мы начали. Г. Риккерт считал ценности отдельной, самостоятельной реальностью наряду с природой. И подобно тому, как, согласно Г. Риккерту, ценность делает целым понятие действительности («понятие целого действительности уже не представляет из себя чистого понятия действительности, но что в нем сочетается действительность с ценностью»⁵⁹), аксиология придает целостность модально-ассерторическому суждению. Вероятно, данная интерпретация блага, явно или неявно считающегося высшей нравственной ценностью, заложена еще Платоном, неизменно отстаивающим принцип самодостаточности блага, тогда как зло интерпретировалось им как лишь нехватка добра, и потому лишенное, в отличие от добра, самостоятельного бытия. Так, в диалоге «Протагор» при анализе существа добродетели и связанных с нею вопросов отмечается: «смешно ваше [Протагора – А.Г.] утверждение, будто нередко человек, зная, что зло есть зло, и имея возможность его не совершать, все-таки совершает его...»⁶⁰, поскольку, как отмечается в другом месте, «те, кто ошибаются в выборе между удовольствием и страданием, то есть между благом и злом, ошибаются по недостатку знания, и не только знания вообще, но, как вы еще раньше согласились, знания измерительного искусства. А ошибочное действие без знания... совершается по неведению, так что уступка удовольствию есть не что иное, как величайшее неведение»⁶¹. Лев Шестов также отмечает, что добро само по себе происхождения не имеет: «Попробуйте «объяснить» мораль тем способом, которым пользовались утилитаристы или экономические материалисты, и ее суверенные права станут

⁵⁹ Риккерт Г. Философия жизни. – Киев: Ника-Центр, 1998 – С. 462.

⁶⁰ Платон. Сочинения в 4-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1968. – С. 244.

⁶¹ Там же. – С. 247.

призрачными»⁶². В связи с этим он отмечал, что Платон, «анализируя человеческие поступки..., находил, что они всегда определяются каким-то совершенно независимым началом [добром – А.Г.], которое никоим образом не может быть сведено к другим знакомым нам из опыта повседневной жизни началам...»⁶³. Не случайно стоики говорили об «автаркии добродетели». Человека не спрашивают, почему он добр, но задаются вопросом, почему он зол, добро не имеет объяснения и естественных причин. Между тем, ссылка на благо Платона не означает онтологизации блага в платоновском же смысле или в духе уже современной баденской школы неокантианства. Ценность не может быть сведена к оценке, лишь психологическому акту оценивания, на что справедливо указывает Риккерт, но на этом основании нельзя прийти к выводу о том, что «самостоятельное царство» ценностей существует помимо человека. Это третье царство по отношению к оценивающему субъекту и содержащему блага объекту (последний представляет собой материальную ценность, каковой обладают краски и холст, но к которым не сводится ценность произведения искусства). Автономность блага еще не свидетельствует о его онтологически независимом существовании от человека, но лишь об относительно самостоятельном положении в человеке и через человека, поэтому говорить о целостности действительности с привлечением аксиологии мы не считаем возможным, – лишь о целостности взгляда на нее. Статус ценностей – статус объективности в субъективном.

Помимо автономности, другой важной характеристикой блага является его формальность. И хотя аксиологическая модальность объективна, она бессодержательна и абстрактна, исполняя роль ориентира. Говоря об идее блага, Н. Гартман справедливо отмечал, что ее «своеобразие как раз в том, что у нее всякое своеобразие как раз отсутствует, что по содержанию она остается решительно не определена»⁶⁴. Поэтому говорить о благе как «высшем» можно весьма условно – если оно не имеет содержательных характеристик, то сравнению с другими «благами» вряд ли поддается, и можно говорить лишь об аксиологической позитивности, о чем говорит Н. Гартман. Данный подход, определяющий благо через род и вид, оставляет его абсолютно бессодержательным. Ни один человек не обладает ясным пониманием того, что есть благо, даже если поступает хорошо. Это самая абстрактная,

⁶² Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: «Сагуна», 1994. – С. 18.

⁶³ Там же. – С. 18.

⁶⁴ Гартман Н. Этика. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – С. 305.

широкая по объему и бедная содержанием категория, она получает свое апостериорное содержание в опыте жизни и обстоятельствах, сопровождающих познание, человеческое знание не может претендовать на выявление его априорных содержательных определений. Это лишь императив, всеобщее идеальное требование, никогда окончательно не выполнимое и часто противопоставляемое всякой позитивной морали. Мы не считаем возможным постулировать некие абсолютные ценности, о которых говорили В. Виндельбанд и Г. Риккерт, Н. Гартман и М. Шелер. Благо – лишь формальный ориентир, «материально» бессодержательный, а всякое содержательное определение производно в практике. Иными словами, то, что считается и является благом, исторически обусловлено, хотя само благо как нормативно предписывающая сила безусловно. Не случайно И. Кант придавал высшим нравственным ценностям сугубо формальный характер. Примечательно, что в философии Канта высшее благо в качестве безусловной полноты предмета чистого практического разума занимает столь же автономное положение, но скорее в качестве некоего регулятива, доминирующего над отдельными проявлениями нравственного начала в практической жизни. Хотя есть и другой, противоположный подход (который представляется нам малоубедительным), понимающий под благом ту или иную частную ценность (счастье, удовольствие, любовь и т.д.) и обнаруживающий в благе содержание, но в действительности, как отмечает Н. Гартман, он лишь ставит его в ряд с другими ценностями и лишает благо своего статуса.

Самодостаточное положение блага позволяет нам утверждать, что к нему, модально выражаемому через сильный положительный оператор аксиологической модальности, а именно через «хорошо», в конечном итоге сводимы все модальности, а значит и модально-ассерторическое суждение в модальном аспекте, что также приводит нас к выводу, что модальность в основе своей есть аксиологическая модальность, нравственное усмотрение, говоря словами Шелера. К этой модальности сводятся все прочие, из нее происходят. Собственно, в эпоху постенклассической рациональности влияние ценностей на процесс познания нельзя отрицать. Другое дело, что отношение к аксиологии должно быть осмыслено не просто как неизбывный компонент познания, но как для него необходимый.

Анализ ассерторичности и модальностей выявил их тесную взаимозависимость, взаимовлияние, что требует их рассмотрения теперь уже в единстве и более широкой перспективе.

Д. Единство модально-ассерторического суждения

Если модальная составляющая суждения фундирована аксиологичностью, то ассерторическая его составляющая – положением вещей во внешнем мире. Статис Псиллос, современный греческий философ, утверждает, что теории истины сегодня развиваются в двух направлениях: одно тяготеет к объективному качеству наших убеждений, их соответствию миру, а другое рассматривает истину как оценочный феномен. Иными словами, одно тяготеет к ассерторичности и выходит в окружающий человека объективный мир, в котором ассерторичность фиксирует необходимое, а другое – к аксиологичности, фундированной в человеке, объединенных в нашем случае в одном суждении.

Все прочие составляющие суждения испытывают обоюдное влияние. Так, обязанность как сильный положительный оператор деонтической модальности, очевидно, испытывает влияние обоих крайних звеньев суждения: с одной стороны, имеет место необходимость выполнения чего-либо, когда мы говорим об обязанности, что свидетельствует о задействовании разумной составляющей обязанности, ибо только разум определяет, что есть необходимое, а с другой стороны, мы имеем дело с волевой стороной обязанности, поскольку последняя не заключена лишь в одном признании необходимости, но предполагает руководство к действию, к свободному исполнению необходимого, ибо лишь внешнее принуждение не затрагивает волю, а самостоятельное следование необходимому невозможно без волевого усилия, основанного на нравственном усмотрении. Без ассерторичности и аксиологичности деонтичность теряет осмысленность, дробясь на противоречивые сегменты поведения и теряя в целенаправленности и единообразии следования норме. Долженствование нормы – это единение ассерторичности и аксиологичности; необходимо хорошее есть то, что предписывает должное нормы применительно к деонтической сфере. Норма укоренена в императиве блага, изнутри определяющем поступки человека и задействующем волю человека в том, что касается практической жизни. За практическими действиями стоят ценности, пусть и по-разному понимаемые, и долженствование определяет воление в той мере, в какой оно есть необходимое благо.

Проблема ценностей – самая знаковая для постнеклассической рациональности, и разработка соответствующих теорий породила множество видов и подвидов ценностей, помимо индивидуальных и общественных. Но каковы бы ни были ценности, институциональные,

собственно моральные, когнитивные или эпистемологические, во всех них отражается идея блага, как отражается она во всех модальностях. Так, собственно аксиологическая сфера является доменом этических ценностей, ее сопряженность с нормативной – доменом институциональных ценностей, сопряженность с проблематическим знанием – доменом индивидуальных, с достоверным знанием – доменом эпистемологических, с алетическими – доменом когнитивных. В свою очередь, если говорить, к примеру, об эпистемических ценностях, то можно высветить их узкое и широкое понимание: сочетание достоверного знания с нормативностью с точки зрения ценностей дает эпистемические ценности в узком мертоновском смысле, регулирующие взаимоотношения ученых в рамках научного сообщества, а сочетание с нормативностью и собственно аксиологичностью выводит эпистемические ценности за пределы науки в этическую сферу, регулиющую использование научных достижений обществом. Хотя деление это в известной мере условно, то или иное сочетание, комбинация модальностей, рассмотренная с аксиологической точки зрения, генерирует тот или иной вид ценностей. Подобно тому, как платоновское Благо придает блеск всем видам идей, так и аксиологическая модальность высвечивается во всех видах ценностей.

В то же время без посредствующих модальностей ассерторичность и аксиологичность теряют в своем качестве: без деонтичности алетичность выхолащивается, отрывается от практической жизни, приобретает схоластический формальный характер. Приверженец строго научных подходов к знанию С.А. Лебедев отмечает, что «наука в равной степени относится как к познавательной, так и к оценочной сфере рационального сознания»⁶⁵, а аксиологичность обращается в лицемерие, когда то, что хорошо, не становится ориентиром для поведения. Однако, несмотря на то, что без деонтической модальности алетическая и аксиологическая составляющие суждения теряют в аутентичности, тем не менее, нормативность является в своем роде средним термином по отношению к ним, находится в подчиненном положении. Так, нечто может быть обязательным по причине необходимости, но не наоборот. Ассерторическая составляющая в норме отвечает за необходимость, с которой человеку приходится считаться, соблюдая норму. Поэтому изначально норма обязывает, а не разрешает. С другой стороны, аксиологическая составляющая отвечает за то, чтобы норма была не только необходима,

⁶⁵ Философия науки / Под ред. Лебедева С.А.: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект. Трикста, 2004. – С. 14.

но и хороша, и потому следование ей является внутренним решением человека, добровольно себя подвергающего некоторому насилию через волевое усилие. Без аксиологичности норма была бы всего лишь насилием, причина которого находится где-то вне человека, и волевое начало не было бы в таком случае задействовано. Об этом известная мысль Сократа, согласно которой добрая воля основывается на познании блага, об этом говорят и слова Аристотеля: «разве познание его [Блага – А.Г.] не имеет огромного влияния на образ жизни?»⁶⁶.

То же самое касается эпистемичности. С одной стороны, она корнями уходит в ассерторичность, ибо знание направлено на отражение необходимого в сознании, а с другой стороны, – в аксиологию, без которой познание теряет стимул для своего осуществления. Представляя собой изначальное единство проблематического и достоверного, то есть убежденности и доказанности, знание, с одной стороны, содержит элемент необходимости, насколько оно, выраженное в суждении, носит всеобщий и необходимый характер и нацелено на выявление онтологической необходимости; с другой стороны, предполагается личностное отношение со стороны обладателя знания, по природе своей, как говорил Аристотель, бескорыстно стремящегося к знанию. Знание было бы невозможно без самостоятельного стремления к нему. Последнее же, будучи положительной оценкой знания как высвобождения интеллектуального потенциала человека на пути к самосовершенствованию, в конечном итоге продиктовано аксиологически ориентированным носителем этого знания, которое несет ценность в самом себе.

Проведенное исследование структуры спекулятивного суждения выявило взаимозависимость всех его элементов: ассерторичность суждения тесным образом связана с алетической модальностью суждения, а последняя, в свою очередь, находится в диалектическом взаимодействии с прочими модальностями – эпистемической, деонтической и аксиологической, что и служит основанием для декларированного единства спекулятивного модально-ассерторического суждения.

Теперь мы считаем необходимым более подробно остановиться на диалектике операторов внутри модальностей, что способствует более целостному взгляду на единство модально-ассерторического суждения как праснову формального суждения, ибо до сих пор наше внимание было сосредоточено лишь на сильных положительных операторах, тогда как сильные отрицательные и нейтральные остались в тени исследования. Последнее требует детального изучения.

⁶⁶ Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 55.

Глава III. ДИАЛЕКТИКА ОПЕРАТОРОВ МОДАЛЬНО-АССЕРТОРИЧЕСКОГО СУЖДЕНИЯ

*Истина существует; она представлена мириадами
суждений и умозаключений, однако истина как принцип
порождения адекватного знания едина.*

Э.А.Тайсина

А. Формальное соотношение операторов модальностей

Последовательное спекулятивное выявление единства ассерторичности и модальности спекулятивного суждения, высвечивание модальностей друг в друге – от алетических до аксиологических, приводит нас к обнаружению некоторых важных для нас особенностей. Каждая из модальностей сущностно связана с другими и должна рассматриваться лишь в контексте этой связи, дабы не потерять свою значимость. Говорить о разделении модальности и ассерторичности, а также о делении модальностей на виды можно лишь условно, в абстракции, и свидетельство этой условности – их стандартное разделение в формальной логике, опирающейся на истины рассудочного абстрактного мышления. Впрочем, нельзя сказать, что формальная логика совсем игнорирует связь между модальностью и ассерторичностью, ибо указывает, что модальность содержит дополнительную информацию по отношению к основной, содержащейся в простом ассерторическом суждении, и что скрытая модальность может быть выявлена из контекста. Но это, на наш взгляд, не вполне соответствует существу дела: модальность и ассерторичность не могут в своем основоустройстве быть разделены на основное и дополнительное, главное и вспомогательное, как суждение с его содержанием не может состояться без того, кто выносит суждение, а значит, всегда уже с поправкой на субъекта суждения. Они могут быть квалифицированы, скорее, как явный и скрытый компоненты суждения. Расчленение модально-ассерторического суждения возможно лишь на рассудочном в гегелевском смысле уровне, на котором суждения делятся на ассерторические, возможные и аподиктические; ассерторические и модальные; разделительные, условные и категорические; утвердительные и отрицательные; простые и сложные; общие и частные.

Единство модальностей делает условным и общепринятое деление сфер их применимости. Лишь в абстракции, которая, как известно, обедняет содержание рассматриваемого феномена, упрощает его в акте интеллектуального препарирования, можно говорить о том, что

деонтические модальности применимы в области права, аксиологические – в этике и искусстве, эпистемические безусловные – в сфере науки, эпистемические проблематические – в сфере политики. Как уже отмечалось, философ недолго может оставаться лишь гносеологом: онтология и гносеология выводят на родственные социальные вопросы, а переплетение социальных сфер, между тем, еще более очевидно – этика высвечивается в праве, право в политике, а управление государством, как полагали древние, есть одна из основных философских сфер.

Но взаимосвязь обнаруживается не только между модальностями, а также модальностями и ассерторичностью, но и внутри каждой из модальностей, а именно, среди модальных операторов. Уже формально становится очевидным, что сильный оператор бросает тень на слабый, положительный делает себя осмысленным в определенной мере через отрицательный. А.А. Ивин отмечает, что модальные понятия определяются друг через друга по одной схеме. Как известно, операторами алетической модальности являются необходимость (сильный положительный), невозможность (сильный отрицательный) и контингентность (нейтральный или слабый), а также четвертый – возможность. Нечто возможно, если противоположное не необходимо, а контингентно то, что не является ни необходимым, ни невозможным и т.д. Взаимосвязь операторов модальностей можно продемонстрировать и иным образом, а интерпретация взаимосвязи, приводимая А.А. Ивиным, не выявляет специфики четвертого оператора, в действительности занимающего особое положение среди других: возможность, в своем роде четвертый оператор алетической модальности, является некоторым образом «тканью» алетических модальностей. Так, максимальная степень возможности есть необходимость, минимальная – невозможность, а что не является ни тем, ни другим, нейтральным по отношению к необходимости и невозможности, есть контингентное. Контингентность есть средняя степень возможности. Г. Гегель, к слову, отмечает что «оцениваемая как одна лишь возможность действительность есть нечто случайное, и, обратно, возможное само есть только случайное»⁶⁷. Такова, вероятно, логика операторов внутри модальностей. Это правило работает и в отношении других модальностей: допущение как четвертый оператор есть инвариантная составляющая эпистемических проблематических модальностей: максимальная степень допущения – убеждение, минимальная – отвержение, и средняя – сомнение.

⁶⁷ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в 3-х т. Том 1. – М.: Изд-во «Мысль», 1974. – С. 317.

Структура формального логического суждения такова, что положительному оператору ближайшим образом противоречит отрицательный. Если есть положительное, значит, есть и отрицательное, одно без другого формально невозможно, ибо, в противном случае, положительное перестало бы быть тем, что оно есть, а было бы чем-то иным. Претензия на абсолютность есть претензия на необходимость, сильный положительный оператор алетической модальности. Сильный положительный оператор возможен в противоположность сильному отрицательному, каковым для алетической модальности является невозможность чего-либо. Утверждая как необходимый тезис А, мы одновременно утверждаем, что невозможно, чтобы было не-А. Модальная логика как раздел формальной логики подчиняется ее законам: суждение не может быть логически необходимым и невозможным. Но такова лишь формальная сторона рассуждения.

С нашей точки зрения, формализованность ограничивает возможности модальных операторов, и потому, взятые абстрактно, они не могут проникнуть в существо модальности, роль которой в процессе мышления гораздо шире, нежели та, что ей обычно отводится. Формальная логика признает взаимозависимость сильных, слабых и нейтральных операторов в рамках отдельно взятой модальности. Но, с нашей точки зрения, мы вправе говорить не только о взаимозависимости операторов, но и об их сущностном единстве, в котором каждый из них не только определяется через другой, что уже свидетельствует о существенной связи между ними, но и *сам есть другой*. Кроме того, спекулятивный анализ дает нам право выстроить внутреннюю логику операторов, из числа которых одни предшествуют другим, а последние логически следуют из первых, чему будет посвящен следующий раздел.

Б. Механизм диалектической транзитивности операторов модальностей

Внутренняя логика спекулятивного суждения как продуцирующего знание свидетельствует, с нашей точки зрения, о неравноценности положительного и отрицательного операторов модальностей. Здесь следует отметить одно важное терминологическое обстоятельство, в свете которого дальнейшее рассмотрение будет начинаться с положительных сильных операторов модальностей. Данное обстоятельство объясняет, почему в предыдущем разделе наше внимание было сосредоточено, главным образом, на сильных положительных

операторах. Как известно, о каждом субъекте можно утверждать лишь конечное число предикатов, а отрицать – бесчисленное множество, поэтому отрицая, к примеру, происхождение человека от обезьяны, можно предполагать сколько угодно вариантов, но форма отрицания есть в некотором смысле, как справедливо указывает Х. Зигварт, *протест против утверждения*, и имеет смысл лишь по отношению к нему. Так, он пишет, что «объектом отрицания служит всегда **выполненное суждение** или **такое суждение**, которое мы пытались **выполнить**; и отрицательное суждение не может, следовательно, рассматриваться как равноправный положительному суждению и одинаково с ним первоначальный вид суждения»⁶⁸. В этом смысле отрицание находится в зависимости от утверждения, первичного и ведущего по отношению к отрицанию, ведь для того, чтобы отрицать – необходимо иметь в качестве уже наличного утверждение. Поэтому мы и говорим об ассерторичности спекулятивного суждения как выявляющего приоритетное положение утверждения. Словарь Webster определяет глагол «to assert» следующим образом: to state or declare positively and often forcefully and aggressively⁶⁹. Как видно, данное определение вполне соответствует интересующему нас феномену: положительность и утвердительность выражены в нем вполне определенно.

Таким образом, утвердительное суждение предшествует отрицательному, а последнее зависит от утвердительного, так как, чтобы отрицать нечто, нужно логически и исторически иметь нечто как утверждаемое *фактически*, тогда как утверждение в силу двусмысленности полагает отрицание *лишь формально*. При этом полагает его как неистинное. Отрицание и не может быть фактическим в силу того, что в нем ничего не содержится позитивного, никакой идеи, которая бы отстаивалась как содержательная. И если положительное суждение утверждает нечто о предмете, то отрицательное лишь отрицает положительное суждение, вынесенное кем-то, ничего о предмете не высказывая, на что обратил внимание А. Бергсон: «Утвердительное предложение передает суждение, относящееся к предмету; отрицательное предложение передает суждение, относящееся к суждению»⁷⁰.

⁶⁸ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 145.

⁶⁹ Словарь Merriam-Webster. URL://www.merriam-webster.com/dictionary/assert (дата обращения: 11.03.2015).

⁷⁰ Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. – С. 277.

В советской философии велась острая дискуссия относительно статуса противоположных антиномических определений, причем речь велась часто в контексте степени соответствия антиномии вещам. В этой дискуссии Э.В. Ильенков отстаивал позицию, согласно которой логическая антиномия отражает реальные антиномические определения явлений действительности, а, к примеру, В. Порус полагал, что антиномия возникает в мышлении и во многом связана с неопределенностью употребляемых терминов, в которые вкладывается различное содержание. В другом контексте спор об антиномиях велся с позиций степени близости членов антиномии к истине: если Э.Н. Глаголева и Г.С. Батищев считали, что оба члена антиномии «причастны» истине, то тот же В. Порус полагает, что истиной обладает не столько сама антиномия, сколько ее разрешение.

Для нас более адекватной представляется позиция Х. Зигварта, указывавшего просто на различный статус членов антиномии: для него статус тезиса принципиально выше статуса противоречащего суждения, и потому говорить об истинности А и не-А можно лишь в смысле фактической и формальной «причастности» истине, соответственно.

Таким образом, постулируемое как абсолютно истинное (уже фактическое) А полагает абсолютно ложным не-А как формальное. Противоположное отрицается как несостоятельное, теряя состоятельность, но не аннигилируясь тотально, а лишь переходя в *иное состояние* – несостоятельности. В этом и заключена формальность в противоречии фактичности. Но придание статуса нестатусности содержит в себе противоречие, с которым статусное поделаться ничего не может, и потому само начинает *терять* состояние состоятельности, ибо ложное формально еще не является ложным де-факто. Таково неизменное формальное противоречие, заложенное в структуре тезиса, а, значит, и сильного положительного оператора любой модальности. Тезис структурно, в самом себе содержит свое отрицание. Взаимоотношение формальной и фактической сторон отрицательного оператора может быть изложено не только в терминах рассудочной формальной логики, но и при помощи спекулятивной терминологии: формальное – лишь *потенциально* ложное, но еще не *действительно* ложное. Не случайно А. Бергсон называет отрицательность суждения половинчатостью интеллектуального акта. Но и негация содержит в себе противоречие, требующее разрешения: статус бесстатусности свидетельствует о бессодержательной содержательности отрицания, а, значит, и об аффирмативности негации, ведь очевидно, что не-А не есть ничто: оно отрицает именно А, а не В или С, и не является

просто отрицанием как таковым. Оно направлено именно против А и существует как антитеза ему. Потенциальная негация переходит на положение действительного отрицания по отношению к первоначальному тезису, контрарность обращается в контрадикторность. Возникает новый тезис В, по-прежнему отрицательный по отношению к первоначальному тезису, но уже содержащий положительное знание. Можно сказать, что контрадикторность спекулятивно – это более определенная форма контрарности, не случайно Г. Гегель считал противоречие истиной противоположения и выстраивал свою теорию через цепочку тождество-различие-противоположность-противоречие. В реальное фактическое противоречие вступает как раз контрадикторное суждение, тогда как контрарное находится еще в статусе формального. Последний тезис, таким образом, отягощен, опосредован негацией, содержит отрицание в качестве существенного элемента, и потому к первоначальному тезису относится не непосредственно, не как внешний. Внешне относятся друг к другу тезис и контрарный тезис, они еще абстрактны и относятся друг к другу еще непосредственно: тезис не включает еще свое отрицание в себя, находясь в формальном противоположении к нему. Собственно, само неопосредованное негацией отношение между тезисом и противоположным тезисом делает их просто положительным и отрицательным суждениями: «от этого [«есть», связка – А.Г.] соотношения, не содержащего еще никакого опосредствования или отрицания, это суждение получает название *положительного*»⁷¹. Важно отметить, что, хотя тезис А фактически отрицает не-А, негативный тезис столь же отрицателен в отношении А, но еще лишь формально. Между тем, В внутренне отрицательно, отрицательно именно по отношению к противоречащему тезису А, подчиняя его себе и включая в себя, ибо отрицая, тезис В имеет в виду тезис А. Тезис В выступает как *корректирующий* или *уточняющий* по отношению к А. Если первый тезис А лишь формально отрицает свой контрарный антитезис не-А и не затрагивает новый тезис В, то последний актуально отрицателен по отношению к А, выступая в качестве снятия истиной более высокого порядка и переходя теперь уже на положение нового тезиса или своего противоположения, в отношении которого также должно быть осуществлено отрицание. Поэтому более корректным было бы обозначить его как В (не-А), так как просто В, строго говоря, находится в отношении А лишь на положении различия, и потому никак не соотносится. Так, суждение «Солнце вращается

⁷¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – С-Пб.: Наука, 1997. – С. 579.

вокруг Земли» находится на положении простого различия в отношении суждения «Наполеон проиграл битву при Ватерлоо», но на положении своего противоположения в отношении суждения «Земля вращается вокруг Солнца». И если контрарность формально не предполагает перспективы снятия, то возникшая контрадикторность между А и В (не-А) ее предполагает, так как оставляет поле для С (не-В), D (не-С) и т.д., подобно тому, как контрадикторные понятия белого и черного предполагают и другие цвета. Продемонстрировать эту диалектику операторов можно на трех сторонах логического, раскрытых Г. Гегелем, а именно – абстрактной (рассудочной), диалектической (отрицательно-разумной) и спекулятивной (положительно-разумной). Абстрактная сторона – это себе тождественный неизменный и безотносительный тезис А; диалектическая (диалектика здесь берется, понимается, в узком смысле) – это отрицание тезиса, переход в противоположность в форме не-А; спекулятивная сторона – синтез А и не-А в том утвердительном, что содержится в их переходе и разрешении.

В этом контексте взаимозависимости операторов модальностей весьма показательна диалектика ассерторического, проблематического и аподиктического суждений, представленная Г. Гегелем в «Науке логики». Как известно, его исследование форм суждения начинается суждением наличного бытия, а заканчивается суждением понятия. Наше же исследование не связано с выявлением форм опосредования субъекта и предиката на пути от суждения наличного бытия к модальному суждению понятия, мы нацелены на вскрытие «инварианта» суждения, ибо присутствие модальности и ассерторичности мы обнаруживаем в любом суждении, независимо от его статуса.

Как мы уже отмечали, ссылаясь на Г. Гегеля, умение высказывать суждения наличного бытия не может свидетельствовать о большой силе суждения. Для любого общего представления простая положительность ассерторичности (для нас – тезис А) – это данность, слепая в своей ограниченности. Ее снятие – в осознании того, что за «не» (антитезис) скрывается не некая неопределенность небытия, а нечто определенное и столь же положительное в своей отрицательности, требующее рассмотрения, учета. Но поскольку оно не учтено, оно «пробивает себе дорогу» и выступает уже в спекулятивном контрадикторном суждении, трансформирующем представления в понятия, ибо оно, в свою очередь, учитывает содержание тезиса А и, тем самым, становится выше его. Теперь суждение становится не просто положительным, но аффирмативным. В нем не просто отмечается некое «есть», связывающее субъект

и предикат, но *утверждается* связь субъекта и предиката. Это различие между простой ассерторичностью суждения и его утвердительностью (предполагающей и модальность, и ассерторичность) принципиально. Г. Гегель при изучении этих форм суждения отмечает, что ассерторическое суждение – это суждение внешнее и непосредственное, оно слепо в своей ассерторичности, ибо не видит своей противоположности. Это и делает его ограниченным и приравнивает к противоположному суждению, делая себя, таким образом, проблематическим. Будучи констатацией чего-либо как истинного, оно остается еще лишь субъективным *уверением* в истинности, которому точно так же противостоит уверение в противоположном. Соответственно, чистая ассерторичность оказывается проблематической: ассерторическому уверению противостоит уверение в противоположном, тогда как синтез обоих осуществляется в аподиктическом суждении, снимающем крайность противоположных суждений.

Говоря о диалектике ассерторичности, проблематичности и аподиктичности, Г. Гегель отмечает две отличительных черты аподиктического знания: то, чем нечто должно быть, и его характерность. Под первой имеется в виду модальность суждения, а под второй – уточняющие определения, более точно и основательно характеризующие предмет.

В этом свете просто ассерторическое суждение – это лишь положительное суждение, фиксирующее очевидные факты объективной реальности, лишенное модальности, тогда как гегелевское аподиктическое суждение – это модально-ассерторическое суждение (синтетический тезис В(не-А), обремененное опосредствованием тезиса А (поэтому оно уточняющее) и продуцирующее знание. Иными словами, истина ассерторического тезиса – в его модальной составляющей, без нее – это просто общее преставление, не имеющее эвристической ценности и не отражающее современного положения дела в соответствующей сфере. Не случайно диалектику ассерторичности-проблематичности-аподиктичности Г. Гегель рассматривает уже как модальную фазу суждения.

К слову, позиция К. Поппера, согласно которой «из пары противоречащих высказываний можно с полным правом вывести все что угодно»⁷², любой вывод (поэтому диалектическая схема в действительности не работает, ибо позволяет обосновывать любое суждение), бьет мимо цели. Как следует из представленной нами картины, противоречащие суждения А и В в триаде А – не-А – В вовсе

⁷² Поппер К. Что такое диалектика? URL http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Popp/dialect.php

не равноценны в плане противоречивости, ибо В является аподиктическим и снимающим противоречие между А и не-А. Можно сказать, В противоречит А, но А не противоречит В.

В. Транзитивность операторов модальностей

Теперь более подробно о том, как диалектическая схема работает в самих модальностях. Отрицая тезис А, тезис В подвергает его снятию в качестве необходимого, и сам *становится необходимым* через синтез, объединяющий положительную и отрицательную стороны тезиса и «не-тезиса». Тезис А, в свою очередь, становится теперь уже, будучи необходимым и невозможным одновременно, *случайным*, каков средний нейтральный алетический оператор. Случайным – по отношению к новому контрадикторному синтетическому суждению, претендующему на абсолютность, но не сам по себе, ибо синтез, в тайне от самого себя, включает в себя необходимую составляющую тезиса как конститутивный элемент, выявляя лишь другую его сторону, не необходимую, случайную, на которой и настаивает в своем противоречии. Но новый тезис В, становясь необходимым, постулирует в качестве невозможного уже свой антитезис и, закрепляясь в качестве аффирмативного, сам становится абстрактным ... происходит круговращение, в котором невозможное переходит в необходимое, а последнее – в случайное.

Тезис «Солнце вращается вокруг Земли» как необходимый делает, казалось бы, невозможным свое негативное – «Солнце не вращается вокруг Земли». Однако невозможное оказывается не только возможным, но и необходимым через коперниканский синтетический аффирмативный тезис «Земля вращается вокруг Солнца». Последний отрицает истинность птолемеевского тезиса, вступая с ним в противоречие и определяя его статус как случайный. Между тем, с тезисом Коперника в свою очередь происходит та же метаморфоза, когда выяснилось, что нет звезды, вокруг которой все вращается, ибо Вселенная не имеет центра.

Данная схема может быть применима в любой сфере, где можно обнаружить поступательный прогресс знания. Например, в вопросе о происхождении человека можно обнаружить постепенный переход от традиционных многовековых взглядов на божественное происхождение человека к научным антропогенетическим теориям. Как известно, первая альтернативная религиозной научная теория связана с именем Карла Линнея. Великий шведский естествоиспытатель, поклонник подробных классификаций, первым пока еще лишь *констатировал* общность

биологических признаков обезьян и человека, не указывая на их возможного общего предка, но отнеся их к подвиду приматов. Затем Ж. Ламарк, первый создатель целостной теории о градационном естественном развитии организмов, указал на *возможность* происхождения человека от обезьяны, если бы не его «несомненное» божественное происхождение. И лишь Ч. Дарвин открыто заявил своей теорией эволюции о биологическом единстве человека и обезьяны. Можно наблюдать, следовательно, следующую эволюцию взглядов на антропогенез: «человек имеет безусловное божественное происхождение» (религия); «человек, имея много общего с приматами, может иметь с ними общего и пока еще неизвестного генетического предка» (Линней); «человек мог бы даже произойти от обезьяны, если бы не его божественное происхождение, с чем научная версия, очевидно, вступает в противоречие» (Ламарк); «человек и обезьяна имеют общего биологического предка безотносительно религиозных воззрений» (Дарвин). На этом примере очевиден поступательный прогресс знания, осуществляющийся в единстве ассерторического и аксиологического моментов суждения, когда то, что необходимо, находится в тесном переплетении с тем, что аксиологически одобрено. А применительно к диалектике аксиологических операторов это можно представить следующим образом: «человек необходимо имеет божественное происхождение» (А); «человек не может (невозможно) иметь божественное происхождение» (не-А); «человек и обезьяна необходимо имеют общих предков» В(не-А). В данной триаде антитезис на момент общепризнанности тезиса был положен лишь формально, и человек, которому пришло бы в голову его высказать, в лучшем случае просто не был бы принят в серьез, хотя такое высказать, не согласившись с общепринятыми религиозными взглядами, мог бы мыслящий человек любой эпохи, как, например, Аристарх Самосский в древности высказал идею Коперника. Но накопленный археологический материал и наблюдения за видами постепенно поставили тезис под сомнение, и на его место пришел синтетический тезис В(не-А), опосредованный тезисом А, ибо построен он был в полемике именно с религиозными взглядами на данный предмет, проверка которых не выдержала критики. Так чисто формальный контрарный тезис стал содержательным контрадикторным, а сам тезис получил двойной статус – необходимого и невозможного, то есть случайного. Теперь выяснилось, что тезис был необходимым лишь в определенных обстоятельствах, то есть с ограничениями, и его невозможность его притязаний теперь выявилась. Соответственно, он перешел на положение контингентного.

Транзитивность статуса операторов алетической модальности определяет транзитивность операторов эпистемической безусловной модальности – доказательность (сильный положительный), неверифицируемость (слабый нейтральный) и опровержимость (сильный отрицательный), как представляется, детерминированы необходимостью, контингентностью и невозможностью суждения. И если суждение может быть необходимым, случайным и невозможным, то оно также может быть одновременно и доказанным, опровергнутым и неверифицируемым. Доказанность тезиса подразумевает опровергнутость контрарного отрицательного тезиса. Но опровержение здесь лишь формально, так как нельзя полноценно опровергнуть то, что не имеет положительных содержательных характеристик, то есть то, что ничего не утверждает и даже не имеет своего носителя. Как нельзя бороться с тем, что не оказывает сопротивления, так и нельзя опровергать то, что не утверждает ничего ассерторически. Следовательно, доказательство не достигает своей цели: доказывая, оно не опровергает, тем самым подрывая собственную состоятельность как доказательства. Опровергаемое неопровергнутое, будучи отрицательным по отношению к тезису, обращается в новое, теперь уже противоречивое суждение, сочетающее аффирмативность и отрицательность по отношению к тезису и высказанное иным субъектом. Так же как и на стадии алетичности, данное новое противоречивое суждение отрицает, опровергает первоначальный тезис, тогда как сам тезис отрицателен лишь в отношении своего контрарного антитезиса, предусматривает лишь его. Противоречивое суждение оказывается, таким образом, «более» доказанным, чем первоначальный тезис, оно снимает доказанность тезиса, оказываясь действительно доказанным, ибо имеет в качестве опровергаемого содержательное аффирмативное суждение, а последнее переходит на положение действительно опровергнутого. Теперь первый тезис стал одновременно доказанным и опровергнутым, – и перешел на положение неверифицируемого.

Неоднозначность феномена доказывания не удивительна. Очевидно, что нет необходимости доказывать, что Волга впадает в Каспийское море, так как вряд ли найдется человек, способный отрицать это. Здесь доказательство могло бы быть бесспорным и абсолютным, только необходимости в доказывании нет, и потому доказательство как таковое отсутствует. А в ситуации возникновения нового знания, где доказательство требуется, оно складывается в ситуации нео-предел-енности, и вследствие этого не достигает своей цели целиком, так как, о-пределяя, полагает предел, условный и отодвигаемый

прогрессом знания в бесконечность неопределенности. Очевидно, что эпистемическое достоверное знание коррелирует с эпистемическим проблематическим знанием и соответствующими операторами убежденности (сильный положительный), отвержения (сильный отрицательный) и сомнения (слабый или нейтральный).

Убежденность в чем-то есть имплицитно отвергание противоположного тому, в чем человек убежден. Но лишь имплицитное, а действительного отвержения нет, так как чтобы отвергнуть – нужно, как и на предшествующих стадиях модальности, иметь нечто содержательное, что можно было бы отвергать. Соответственно, отвергнутое еще не является действительно отвергнутым, а убежденность оказывается несколько сомнительной. Убеждение ничего не может поделаться со своей противоположностью: убеждение недостаточно убедительно, а отвергнутое недостаточно отвергнуто; обе крайности стоят друг друга. Необходимость, имеющая место в случае с убежденностью, есть необходимость для себя, но не в-себе. Соответственно, действительное убеждение должно *включать в себя* отвергнутое как составной компонент, предусмотреть отвергнутое. Действительное отвержение, а, значит, и убежденность, наступают с контрадикторным синтетическим суждением, отвергающим первый убедительный тезис. Последний переходит на положение сомнительного тезиса, каков слабый нейтральный оператор проблематического знания, находящийся на среднем положении между убежденностью и отвержением. За убежденностью скрывается неverifiedируемость, в этой фазе эпистемичности проявляющаяся как сомнительность.

Казалось бы, сомнению нет места там, где присутствует убежденность. Но убежденность, как уже говорилось, есть личностное придание достоверности, необходимости тому, что не является совершенно достоверным. Убежденность есть в своем роде изживание сомнения. В том, что является вполне достоверным, нет места ни сомнению, ни убежденности. Стремление убедиться в достоверности есть стремление заретушировать сомнительность. Сомнение – обратная сторона убежденности. Однако свойство убежденности таково, что ее часто бывает недостаточно для того, чтобы убедить других. Убежденность значима, прежде всего, для ее носителя. Когда человек говорит, что он убежден в чем-то, этого вполне достаточно для него и совсем недостаточно для того, чтобы другие присоединились к убеждению в чем-либо, ибо опровержения в отвергнутом как такового еще нет. Сомнение, изживаемое убежденностью, на поверку не оказывается действительным изживанием. Поэтому убежденность в своей претензии на достоверность

содержит в самой себе противоречие, а отрижение, содержащееся имплицитно в любом суждении, содержащем эпистемическую составляющую, является лишь номинальным отрижением, недостаточным для действительного отрижения, которое поставило бы крест на отвергнутом. Такой «крест» может поставить лишь суждение, учитывающее, снимающее значимость не только пустого противоположного, но и содержательного противоречащего тезиса, вступающего в реальную оппозицию.

Подобным же образом дело обстоит с деонтическими модальностями. Обязательность (сильный положительный оператор) нормы делает противоположное ей автоматически запрещенным (сильный отрицательный оператор). Но запрет остается формальным до тех пор, пока остается невыясненным, что именно запрещает обязывающая норма, ведь запрет – это запрет какого-то действия, а последнее остается в тени запрета, ибо контрарный запрет говорит лишь о том, что *нельзя не делать*; обязанность остается формальной, становясь фактической лишь в случае реального конрадикторного запрета. Так, обязанность отдавать долги запрещает невозвращение долгов. Казалось бы, все ясно. Между тем, запрет невозвращения долга в случае банковского кредита, оформленного с злоупотреблением каких-то норм в пользу кредитора, позволяет должнику в судебном порядке оспорить возвращение долга в ситуации, когда взаимоотношения кредитора и должника оказываются урегулированы законом, встающим на сторону должника, и такие случаи встречаются. Соответственно, конрадикторное по отношению к первому обязательству положение «возвращение долгов обязательно лишь при соблюдении правовой стороны дела», учитывающее и тезис, и антитезис, ставит тезис в положение нормативно безразличного (слабый нейтральный оператор), а синтетический тезис – на положение обязательного. Собственно, данная практика уточнения и корректировки норм повсеместна, и не только в отношении прецедентного права. Вообще, при рассмотрении деонтических модальностей анализ зачастую фокусируется на нормативных предписаниях, а именно тех, что определяют правовые отношения. Э.А. Тайсина отмечает, что «деонтические модальности, как представляется, имеют своими доменами именно политику (и право)»⁷³. В большей мере, вероятно, все-таки право, так как все, что касается обязанностей, запретов и разрешений в широком смысле соответствует правовому тезаурусу, и именно через эти модальные операторы определяется тип предписываемых правовых действий.

⁷³ Тайсина Э.А. Язык не бывает нейтральным // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 154, кн. 6. – 2012. – С. 140.

Таким образом, все, что связано с обязательностью, а «деонтический» дословно и означает «обязательный», устанавливается в широком смысле законом, а в узком – различными уставами, положениями, правилами, регламентом и т.д. Есть мнение, что исключения подтверждают правила. Вероятно, это не совсем так, иначе отсутствие исключений подрывало бы правило, что само по себе звучит абсурдно. Отсутствие исключений подрывает статус правила лишь в одном отношении – в этом случае правило становится универсальным законом. Обращение к термину «правило» в данном случае вполне уместно, так как, согласно словарю В. Даля, правило есть «постановление или узаконенье, основание для действия, в данных случаях, при известных обстоятельствах...»⁷⁴. В определении Даля речь идет об узаконении, то есть возведении чего-то в закон, уподоблении действительному универсальному закону, который сам по себе не нуждается в том, чтобы его узаконивали, как в этом не нуждаются естественнонаучные или математические законы. Но то, что узаконивается, может быть и «раззаконено» в случае необходимости, как это и бывает, когда речь идет о применении норм. Не случайно Г. Фреге пишет по этому поводу: «Когда мы говорим о законах нравственности или законах государства, мы имеем в виду правила, которым должно следовать, но с которыми не всегда согласуется происходящее в действительности»⁷⁵. Тем самым обязательность и запрещение уже в своей формальной части обречены на потерю статуса. Таким образом, в пределах деонтической модальности еще более ослабевает сила алетической модальности, с ее требованием всеобщности и необходимости, и все более усиливается условная составляющая, что стало заметно еще на проблематической составляющей эпистемичности. Поэтому в отношении обязательности этой модальности уместно было бы говорить не столько о всеобщем и необходимом законе, которому нужно следовать как обязательному, а о правильности правила, из которого всегда бывают исключения. Деонтическая составляющая, как видно, играет в определении понятия правила ключевую роль.

Очевидно, что с деонтичностью на передний план выходит деятельность, практическая составляющая модально-ассерторического суждения. Собственно, Большая Советская Энциклопедия указывает, что «правила ... есть предмет так называемой деонтической логики»⁷⁶.

⁷⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Он-лайн версия. URL://v-dal.ru/word_s-97386.html (дата обращения: 05.01.2011).

⁷⁵ Фреге Г. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 28.

⁷⁶ Большая советская энциклопедия. Он-лайн версия. URL://bse.slovaronline.com/П/ПР/32149-PRAVILO.

Так, водитель обязан остановиться на запрещающий красный свет светофора. Соответственно, запрещено двигаться на красный свет. Но это, казалось бы, вполне определенное и недвусмысленное предписание сталкивается с массой исключений, так называемых уточнений, ограничивающих его исполнение и нарушающих запрет, полагаемый предписанием. Например, чиновники высокого ранга или службы по оказанию экстренной помощи вправе нарушать этот запрет. Если исходить из того, что в сфере норм нет правил, которые не имели бы исключений, то мы можем заключить, что любая обязанность, равно как и запрет, по определению имеют ограниченное действие. Как известно, среди минимальных деонтических требований, которым должна соответствовать нормативно-правовая система, есть полнота, предусматривающая охват всех случаев, подпадающих под норму. Однако нормативно-правовая система в целом не соответствует этому требованию. Е.Н. Лисанюк называет «ситуацию исполнения всех норм кодекса идеальной»⁷⁷. Но дело не только в затруднительности неукоснительного исполнения норм, но и в том, что сама норма противоречива вследствие нахождения меж двух огней – алетичности и аксиологичности, когда то, что есть, вступает в противоречие с тем, что должно быть. Поэтому абсолютность нормы часто подвергается коррекции, ограничению, и она становится относительной, и феномен поправки к норме права (к вопросу об упоминавшейся выше условности норм) – очевидное подтверждение внутренней противоречивости правовой нормы, и не только правовой. К слову, к законопроекту об отмене ряда отсрочек от службы в армии комитетом по обороне в свое время были предложены 29 поправок. Примером такого ограниченного действия является и сама Конституция РФ в самых своих основополагающих статьях. Уже вторая статья Конституции РФ и первая, если так можно выразиться, деонтическая, повествует о человеке, его правах и свободах как высшей ценности. Однако в действительности прав и свобод у одних людей на порядок больше, чем у других. И дело даже не в нарушениях закона, а в нем самом: нарушение правил дорожного движения разрешено для ряда служебных автомобилей, а президент страны после окончания срока своих полномочий приобретает правовой иммунитет, равно как и депутаты в период исполнения своих полномочий после избрания пользуются правовой неприкосновенностью.

Если рассматривать абстрактно аксиологическую сферу отдельно от алетической сферы, то применение критериев всеобщности

⁷⁷ Лисанюк Е.Н. Развитие представлений о нормах в деонтической логике // Вестник НГУ. Серия: Философия. Том 8, выпуск 1. – 2010. – С. 148.

и необходимости здесь вообще наиболее условно, хотя вопросы добра и зла, как мы отмечали ранее, должным образом могут быть решены лишь в единстве с алетичностью. Соответственно, говорить о прогрессе знания в этой сфере как о совершенствовании нравов можно лишь в свете алетичности, то есть в зависимости от познания и самопознания: знание – благо, а невежество – порок. А в отрыве от алетичности то, что хорошо и плохо, всегда индивидуально и ситуативно изначально. Что одному хорошо, то другому, как известно, – смерть. Таким образом, «хорошо» (положительный сильный оператор) и «плохо» (отрицательный сильный оператор) стоят друг друга: аксиологическое суждение «хорошо, что если в почву внести удобрения, то урожай повысится», приводимое А.Д. Гетмановой в учебнике по логике⁷⁸, в своей положительной аксиологической составляющей совершенно неоднозначно; если производитель озабочен лишь повышением урожайности в ущерб экологическому качеству продукции, то сильный положительный оператор (уместный в отношении самого производителя) меняется на сильный отрицательный (в отношении потребителей продукции). В таком случае повышение урожайности как следствие злоупотребления удобрениями не хорошо и не плохо, но аксиологически безразлично. Таким образом, каждый оператор может перейти на положение двух других. Софистическая релятивизация ценностей как раз свидетельствует о сознательном отрыве ценностей от их связи с алетичностью. Человек оказывается мерой всех вещей в той степени, в какой мера абстрактна, отделена от объективных процессов и не коррелирует с указывающей на алетичность ассерторичностью, что и было в своем роде отмечено Сократом.

Постепенное убывание обоснованной ассерторичности (максимальное выражение которой мы наблюдаем на стадии алетической необходимости) при переходе через эпистемичность и деонтичность к аксиологичности, а значит, усиливающееся влияние личностного фактора, заметно и на фоне представленной диалектики операторов модальностей. И наоборот: если начинать от аксиологической модальности, то заметно постепенное убывание субъективного элемента и нарастание объективного. Так, статус положительного оператора алетических модальностей изначально не подлежит сомнению (он есть в-себе), но *становится* сомнительным лишь при возникновении контрадикторного синтетического тезиса, снимающего первоначальный тезис. В этом смысле создание

⁷⁸ Гетманова А.Д. Логика. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 92.

гелиоцентрической картины мира, создание неевклидовой геометрии или теории относительности стали интеллектуальным и мировоззренческим скандалом для науки. Между тем, статус аксиологического тезиса сам по себе содержит очевидный структурный дефект, если критерием состоятельности является всеобщность и необходимость, и связан он совсем не с углублением знаний об окружающей действительности, ибо с самого начала ориентирован на аксиологическую позитивность для-себя. Тот факт, что то, что хорошо для одного и плохо для другого, не вызывает вопросов, ибо нет ничего необычного в различии вкусов и оценок, о которых, как говорят, не спорят.

Взаимозависимость операторов модальностей, во-первых, еще раз подтвердила внутреннюю связь между модальностями и ассерторичностью суждения, корреляцию субъективного и объективного в мышлении, согласно которой истинное суждение – это всегда уже продуктивный синтез субъективного, индивидуального, личностного акта мышления и его объективного онто-логического необходимого содержания, а, во-вторых, выявила взаимозависимость и переток операторов каждой из модальностей. Конечная цель их транзитивности – продуцирование нового знания, собственным образом отражающего действительность, во взаимозависимости ценностного и онто-логического.

Глава IV. ПРОБЛЕМА АПОДИКТИЧНОСТИ МОДАЛЬНО-АССЕРТОРИЧЕСКОГО СУЖДЕНИЯ

*Чем универсальнее мышление,
тем индивидуальнее пути его достижения.*

К.А. Свасьян

А. Истоки обоснования суждения

Представленная картина суждения, выявляющая корреляцию, взаимозависимость ассерторического и аксиологического элементов суждения, как может показаться, оставляет вопрос об истинности этого суждения открытым и ставит под сомнение возможность действительного познания. Соответственно, вопрос об обоснованности суждения и критериях обоснованности, а лишь обоснованность суждения, как представляется, может служить гарантом аподиктичности, выходит на передний план исследования.

Выше уже шла речь о возможности соответствия знания реальности, когда рассматривалось соотношение логического и онтологического элементов в рамках алетической модальности. Но вопрос аподиктичности суждения в более широкой, предельной перспективе – это вопрос соотношения интеллектуального и ценностного элементов знания, ибо, как выяснилось, влияние ценностей на логику нельзя недооценивать. А влияние ценностей, как кажется на первый взгляд, подрывает возможность аподиктичности суждения.

Вопрос об истоках обоснования суждения – это вопрос, ответ на который, как представляется, находится в ведении логики. Но, по нашему мнению, он не может быть решен единственно в пределах последней. Э. Гуссерль видит обоснование в абстрактно понятой объективной значимости суждения, сформированного по законам аристотелевской логики и отражающего некое абсолютное объективное положение вещей, что вряд ли можно счесть удовлетворительным, ибо истине подчас приходится пробивать себе дорогу, преодолевая неприятие консервативной части общественности, чему масса свидетельств. Одних логических оснований подчас бывает недостаточно для формирования истинного суждения. Интуитивного усмотрения всеобщности и необходимости абстрактной истины разума подчас недостаточно даже для профессионалов – вспомним хотя бы историю с показательным наказанием Галилея за его астрономические взгляды.

Непонятно, что является критерием объективного отражения значимости суждения, а незыблемости рассудочного знания, как свидетельствует практика, не всегда хватает самой незыблемости и, как следствие, признания.

Здесь следует рассмотреть позицию Х. Зигварта, который справедливо замечает, что абсолютная необходимость, опирающаяся лишь на логику, за что впоследствии будет ратовать Э. Гуссерль, есть сомнительная вещь, поскольку нет суждения, целиком из себя самого развивающего свое существо. Нельзя, опираясь лишь на логику, произвести обоснование. Между тем, иного рода суждениям, широко распространенным, «принадлежит лишь *гипотетическая необходимость*, то есть логически необходимо утверждать их, если предполагается, что нечто другое предшествовало в нашем сознании»⁷⁹. Зигварт, таким образом, указывает на то, что основанием для суждения является иное суждение: «Дабы суждение было совершенным, совершающий акт суждения должен сознавать его логическое основание»⁸⁰. Но, указывая на логическую преемственность суждений, зависимость одного от другого, он оставляет решение вопроса об основании в подвешенном состоянии в силу гипотетичности необходимости суждения: суждение истинно лишь в том случае, если истинно суждение, из которого оно следует, и так до бесконечности. Дурной бесконечности.

Х. Зигварт понимает, что есть некий немаловажный механизм, осуществляющий движение нашего мышления, ибо рассмотрение динамической стороны мышления позволяет определить существо «прогрессирования соответственно необходимым связям»⁸¹. Но разве может быть признана удовлетворительной формула, предложенная им в виде принципа условного умозаключения как выражения сути логической необходимости, и неужели Х. Зигварт не видит релятивизации всего корпуса знания, в чем его справедливо обвинял Э. Гуссерль? Согласно этому принципу, вместе с положением А дано положение Б, если А является основанием Б. Однако этот принцип ничего не сообщает об истинности положения А, но лишь о логическом следовании Б из А. Если здесь речь не идет о строгой формальной математической выводности из первоначального основания в виде аксиомы, пусть даже если в этом случае и образуется априорное синтетическое суждение,

⁷⁹ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 218.

⁸⁰ Там же. – С. 268.

⁸¹ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 219.

как полагал И. Кант (хотя синтетическая природа математического знания многими оспаривается, например, представителями Венского кружка), то о каких еще суждениях здесь может идти речь, выявить истинность основания которых при таком раскладе не представляется возможным? Зигварт, с одной стороны, говорит о прогрессировании мышления сообразно необходимым связям, и, с другой стороны, блокирует развитие этой темы следованием принципу условных умозаключений и закону противоречия, тогда как условные умозаключения подвешивают цепь положений в состоянии неопределенности, а закон противоречия вообще не предполагает какое-либо прогрессивное движение мышления. Очевидно, что суждения, которые могли бы содействовать прогрессивному движению мысли, должны иметь отношение к так называемым синтетическим суждениям, на что сам Зигварт в другом месте указывает: «...синтетическими в таком случае должны были бы быть суждения, полученные путем умозаключения, а также те, которые вообще нуждаются в основании, лежащем вне данных представлений, для того, чтобы осуществить синтез суждения»⁸². Однако приводимое Зигвартом толкование суждения находится лишь на подступах к существу движения мысли. Согласно его позиции, совершение синтеза между субъектом и предикатом, если предикат не выводим из субъекта аналитически, возможно через опосредствующее звено – обучение со стороны другого. Так, достоверность такого суждения, как «Земля вертится», достижима через авторитетное обучение, благодаря которому обучаемый, совершено против его привычек, побуждаем к присоединению предиката «движения» к субъекту «Земля». И с осознанием данного обстоятельства «теперь приобрел он в качестве своего мыслительного акта то, что служило исходным пунктом для обучающего...»⁸³. Зигварт тем самым выводит нас на исторический контекст, в котором происходит передача истинного суждения от одного человека другому, чего не хватает Гуссерлю. Но обретение подобного рода знания таким способом пока еще никак не объясняет прогрессивное движение мысли как появление нового знания. В этом примере речь идет лишь о *распространении уже имеющегося знания*, тогда как возникновение самого знания как результата прогресса познающего мышления остается за пределами рассмотрения. Соответственно, новообразованное суждение А, осуществляющее синтез, в котором содержится новое знание, основанием своим имеет суждение Б

⁸² Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 128.

⁸³ Там же. – С. 138.

не потому, что суждение Б истинно, а потому, что оно, наоборот, снято в его конкретно-всеобщей истинности и тем самым перешло на положение абстрактно истинного. *Основание суждения А, являющееся суждением Б, может породить спектр следствий, и свобода мыслящего духа позволяет ему выбирать следствие, которое и оказывается, если уж так сложилось, единственно необходимым, а новое суждение делает условным прежнее суждение, само при этом становясь безусловным.* Значимость последнего достигается не только значимостью предыдущего, служащего его основанием, но и, одновременно и в большей мере, снятием его значимости через вскрытие того, что осталось скрыто и недоступно суждению-основанию. Поэтому критика К. Поппером в адрес диалектики, связанная с тем, что метафизический принцип разумности не приводит однозначно к одному и только одному результату или теории, бьет скорее по Г. Гегелю, нежели по диалектике.

Представленная интерпретация перехода от суждения-основания к суждению-следствию при следовании так называемой когерентной теории истины свидетельствует о том, что существуют механизмы, играющие для определения критериев истинности не меньшую роль, чем строгое аподиктическое логическое мышление в духе Г. Лейбница и Э. Гуссерля. Творческая сторона спекулятивного мышления выводит нас на принципиально иные сферы, связанные с темпоральными измерениями суждения.

В этом разделе была рассмотрена проблема аподиктичности с «внешней» стороны, во взаимосвязи суждения с другими суждениями, далее эта проблема будет рассмотрена изнутри самого суждения.

Б. Субъективность и аподиктичность

Э. Гуссерль в «Логических исследованиях» отмечает, что важно различать субъективную необходимость, то есть, как он выражается, «субъективную власть убеждения»⁸⁴, присущую суждению как логической единице, и аподиктическую необходимость, в которой формируется «уразумение закона или закономерного»⁸⁵. Последнее, по мысли Гуссерля, и есть то самое достаточное основание для вынесения суждения. Дискуссия, имевшая место в связи с этим, вращалась вокруг определения статуса аподиктической необходимости, и вопрос стоял так: является ли

⁸⁴ Гуссерль Э. *Философия как строгая наука*. – Новочеркасск: «Сагуна», 1994. – С. 270.

⁸⁵ Там же. – С. 270.

она неотъемлемым, атрибутивным свойством самого мышления, и тогда провести различие между субъективной и аподиктической необходимостью не представляется возможным, что характерно для психологистов от логики, или же различие между ними носит принципиальный характер, несмотря на смешение обоих видов необходимости при высказывании аподиктической необходимости в акте высказывания, являющимся по существу случайным, то есть с изрядной долей субъективности, за что ратует сам Гуссерль.

Первое, что бросается в глаза в связи с вышеупомянутой дискуссией, это очевидный ее кантианский характер и, как следствие, общая гносеологическая отрицательная характеристика субъективной составляющей суждения. Как Д. Милль и Т. Липпс, полагающие логику составной частью психологии, так Э. Гуссерль, отстаивающий интересы чистой логики, воспринимают субъективное как психологический мотив, обремененный всевозможного рода случайностями. И если первые являются последовательными релятивистами, то Э. Гуссерль – последовательный трансценденталист, для которого мир конституирован сознанием в такой же мере, как и для Д. Милля или Т. Липпса. По сути дела, вопрос, требующий ответа, звучит так: является ли необходимость, присущая мышлению, лишь свойством мышления, на которое ориентируется мышление в акте реального мышления, или же эта необходимость отражает некие закономерности объективной реальности, и потому является не порождением мышления, но отражением закона? И, соответственно, субъективная и аподиктическая необходимость принципиально отличны, как полагает Э. Гуссерль, или же обе выражают лишь вероятностное знание и качественно неразличимы, как полагает, к примеру, представитель конциннизма Х. Зигварт. Последний пишет, что различие между аподиктичностью и ассерторичностью весьма иллюзорно: «...ассерторическое суждение несущественно отличается от аподиктического, поскольку в каждом, с совершенным сознанием высказанном суждении и соутверждается необходимость высказать его»⁸⁶. Речь здесь идет как раз о притязательности мышления, не раз упоминавшейся нами выше.

Каково бы ни было окончательное решение, и Гуссерль, и Зигварт сходятся в одном – последним и самым решительным свидетельством аподиктичности суждения является *очевидность*, сопровождающая признание необходимого необходимым при эксплицировании обоснованности суждения.

⁸⁶ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 201.

Очевидность есть первый и последний аргумент в пользу аподиктичности суждения. Очевидность делает обоснование необходимым и достаточным для признания суждения истинным. Но данный, казалось бы, простой выход из ситуации вряд ли может быть признан совершенно удовлетворительным, и мы уже приводили выше примеры, согласно которым очевидное может быть совсем неочевидным в историческом контексте. Да и те суждения, что Гуссерль предлагает в качестве образцовых аподиктических суждений, вряд ли могут быть всецело признаны таковыми. Так, законы Ньютоновской механики относятся им к истинам чистой логики: «...к смыслу его утверждения [суждения, выражающего закон тяготения – А.Г.] явно должна принадлежать безусловная истинность для всякого времени»⁸⁷, а это обнаруживает, к слову, слабости аргументации психологистов в пользу креативного характера сознания, созидającego себе логические истины, что, с нашей точки зрения, справедливо. Но это еще не вся истина. Почему закон всемирного тяготения, оформленный в аподиктическое суждение, и, конечно, истинный вне зависимости от его открытия, не был сформулирован ранее, как если бы не было до Ньютона людей, равных ему по уму и таланту, и если бы не И. Ньютон, то не знать нам закона всемирного тяготения? Разве спустя два с половиной столетия А. Эйнштейн через аналогичные гравитационной теории Ньютона, теории Фарадея и Максвелла не положил границы классической физике, вследствие чего она из всеобщей, безусловной науки стала особенной, чья истинность ограничена определенными величинами, малыми скоростями и слабым взаимодействием? Разве для микрочастиц объяснительной теорией не стала квантовая механика, а для макрочастиц – теория относительности?

Важно подчеркнуть, что в истории вопроса имеет место некоторое негативное отношение к субъективному фактору, заключающееся в том, что «субъективное» мышление, сопряженное с массой случайных обстоятельств, препятствует аподиктическому знанию. Эта общая когнитивная отрицательная оценка характерна и для психологистов, утверждающих, что логика есть часть психологии, и потому выход за пределы имманентного невозможен, и для Э. Гуссерля, научная работа которого нацелена на редуцирование субъективного элемента, с тем, чтобы объективный мог выступить в чистом виде в чистой логике. Факторам, релятивизирующим наше знание, в истории философии уделялось достаточно внимания, вспомним хотя бы известные тропы скептиков

⁸⁷ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: «Сагуна», 1994. – С. 266.

Агриппы и Энасидема. Меняется сам объект исследования, изменчиво само сознание, «передержки» которого искажают восприятие объекта, существует картина мира, идеологический пресс, религиозный канон, «потолок» самой эпохи и определенный стиль мышления, присущий общественному сознанию на этапе исторического развития и также влияющий на рецепцию вещей. Но субъективный фактор, очевидно, не исчерпывается слабостями, порывами и ошибками. Признание субъективности конститутивной частью суждения позволяет иначе взглянуть на суть претензии, выдвигаемой Э. Гуссерлем. Х. Зигварту, относительно скрытого психологизма у последнего. Х. Зигварт пишет, что последним столпом достоверности аподиктичности является признание необходимого необходимым со стороны мыслящего. В обороте «признание необходимым» признательная часть, продиктованная, по мнению Х. Зигварта, непосредственной достоверностью необходимого, с позиций предложенного нами суждения заключается в выявлении и аксиологическом одобрении необходимости. Признание – это и принятие. Необходимое является таковым не только потому, что соответствует положению вещей, но и потому, что аксиологически позитивно, «хорошо». *Субъективно переживаемая необходимость*, как выражается Зигварт, то есть не только признанная, но и принятая, в предельном смысле является *аксиологической окрашенностью необходимости*. В этом нет ничего удивительного, если мы обратим внимание на то, что акт вынесения суждения всегда уже *заставляет* человека *по собственной воле* принять нечто в качестве такового. Казалось бы, принуждение и своеволие не могут быть совмещены в одном и том же отношении и в одно и то же время, однако продуцирование знания не является ничем иным, ибо выявление *необходимого* в акте мышления одновременно есть и *самопроизвольное признание и принятие* необходимого в качестве такового во всей его очевидности, а последнее невозможно без его аксиологической позитивности.

Однако, и в этом критика Э. Гуссерля в отношении Х. Зигварта представляется справедливой, вера в правоту внутреннего чувства ограничивает аподиктичность субъективными факторами, что, как раз наоборот, лишает необходимое необходимости, ибо в этом случае возрастает опасность интеллектуального произвола: мало ли что может показаться очевидным при совершенно искренней «вере в правоту чувства». Вера в правоту чувства должна быть подкреплена реальным положением вещей.

Если Х. Зигварт ответ на вопрос о последнем основании аподиктичности суждения ищет в сознании, впадая в крайность так называемого родового психологизма, то сам Э. Гуссерль впадает

в противоположную крайность, утверждая, что «истина тождественна едина, воспринимают ли ее в суждениях люди или чудовища, ангелы или боги»⁸⁸. Э. Гуссерль основание аподиктичности видит во всеобщности и необходимости законов сущего, полагая, что последнее слово в пользу необходимости должно исходить не от сознания, а от самих вещей. Очевидно, что практическое отношение человека к окружающей его реальности в его бытии-в-мире является первичным по отношению к теоретическому. Поэтому практическая деятельность, связанная с производством и воспроизводством мира, в котором живет человек, в значительной мере снижает градус пафоса феноменологической трансцендентальной методологии, призванной, по мнению Э. Гуссерля, заложить самый надежный научный фундамент в основание знания. Без активного участия человека невозможно обретение аподиктического знания; его абстрактная, рассудочная, теоретическая форма является лишь эрзацем знания, его выхолощенной мертвой оболочкой. Э. Гуссерль справедливо отмечает, что очевидность очевидности рознь, и лишь та, что основана на соответствующем обосновании, отвечает критериям научности в отличие от любого самого решительного мнения⁸⁹, а идеалом обоснования он видит математическое обоснование, то есть наиболее формальное, как если бы таковое являлось универсально применимым. Так, важнейшими особенностями обоснования он считает прочность структуры и единую форму обоснования, применимую к любой науке⁹⁰. Но разве геоцентрическая теория Птолемея, а именно теория является, как утверждает сам Э. Гуссерль, высшим комплексом обоснования, не отвечала, как отмечает Бронштейн, для своего времени строгим критериям научности, а от теории Н. Коперника не осталось практически ничего, кроме самого гелиоцентрического тезиса? Придание решающего значения формальной стороне обоснования неизбежно ведет к игнорированию содержательной стороны. Позиция Гуссерля есть попытка навязать истины формального разума действительности. Вот оно, наследие В. Лейбница с его идеалом аналитического суждения в рациональной методологии, в которой логическая непротиворечивость является критерием состоятельности. Как отмечает Л. Шестов, «все реальное, то есть все, выражаясь по Гуссерлю, существующее *hic et nunc*, пред лицом разума есть чистейшая нелепость, которая не может быть решительно ничем оправдана»⁹¹.

⁸⁸ Гуссерль Э. *Философия как строгая наука*. – Новочеркасск: «Сагуна», 1994. – С. 15.

⁸⁹ Гуссерль Э. *Философия как строгая наука*. – Новочеркасск: «Сагуна», 1994. – С. 187–188.

⁹⁰ Там же. – С. 190.

⁹¹ Гуссерль Э. *Философия как строгая наука*. – Новочеркасск: «Сагуна», 1994. – С. 31.

С нашей точки зрения, данная дискуссия о статусе аподиктичности и субъективности, пусть и немаловажная, находится несколько в стороне от предложенной нами интерпретации суждения как модально-ассерторического феномена и уже в своих исходных формулировках не может определить сущность конкретной, не абстрактной аподиктичности. Как известно, выдвинутое Э. Гуссерлем деление суждений на аподиктические и субъективные восходит к уже упомянутому делению Лейбница истин на истины разума и истины факта. Первые формулируют законы в строгом смысле наподобие тех, что, по мнению Гуссерля, находятся в сфере компетенции математики, аналитической механики и математической астрономии⁹², вторые фиксируют индивидуальные истины эмпирического порядка. Первые выявляют сущность и базируются на незыблемости аристотелевских законов, вторые ухватывают существование и основаны на законе достаточного основания Г. Лейбница. Но к каким истинам принадлежат истины, изрекаемые самим Э. Гуссерлем, и является ли, скажем, суждение «наиболее существенные основы логики, в смысле научной методологии, лежат вне психологии»⁹³, высказанное Гуссерлем при подведении итогов логических исследований, чисто логическим, т.е. суждением разума, или случайным, то есть суждением факта? Истиной разума оно как будто не является, так как не принадлежит ни к одной из точных и строгих наук, им упоминаемых, равно как и к истинам факта это суждение не относится, поскольку не указывает на какое-либо индивидуальное существование. Тем не менее, это суждение, как считает Э. Гуссерль, является безусловной истиной, как истиной являлась противоположная мысль, высказанная им несколькими годами ранее в «Философии арифметики», а именно, правомерность редуцирования понятия числа к психологической способности считать, от которой понятия логики и математики являются производными. Впрочем, историки западной философии Д. Реале и Д. Антисери полагают, что в определении того, раскрывается или творится искомый смысл, «Гуссерль, похоже, колебался между двумя этими решениями»⁹⁴. Кроме того, само деление на истины разума и факта с рассматриваемой точки зрения является достаточно условным: разве при высказывании истин факта не участвует разум, а истины разума как некое событие не изрекаются в некоторой

⁹² Там же. – С. 339.

⁹³ Там же. – С. 322.

⁹⁴ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней в 4-х т. Т. 4. – С-Пб.: Петрополис, 1997. – С. 376.

исторической реальности и в этом контексте не являются истинами факта? Не случайно Зигварт считает, что различие, проводимое между ними Лейбницем на предмет необходимости, является мнимым.

Атрибут субъективности, присущий аподиктичности, выявленный в предыдущих разделах, вновь указывает на аксиологический компонент суждения, что свидетельствует о необходимости рассмотрения аподиктичности в свете модальности суждения.

В. Взаимозависимость необходимого и ценностного компонентов

Мы выяснили, что субъективное признание и принятие необходимости в качестве существенного элемента содержит в себе аксиологическое одобрение, что вновь возвращает нас к единству ассерторического и ценностного. Как отмечалось выше, аксиологическая и ассерторическая составляющие суждения идут рука об руку и являются ключевыми из всех рассмотренных элементов спекулятивного суждения. Ассерторичность суждения выражена алетичностью, а последняя как отвечающая за необходимость суждения, его соответствие действительному положению вещей, ведет к прочим модальностям. В пределе – к аксиологичности; аксиологичность – отношение человека к необходимости, а именно свободное признание и принятие необходимого через формирование как теоретического знания о необходимом, так и соответствующего поведения в практической жизни. Претензия на абсолютность, желание абсолютности оборачивается *стремлением к необходимому как аксиологически позитивному*. И в этом стремлении происходит и обратное влияние со стороны аксиологии через преобразование реальности в реальность человека, ибо необходимое, то есть сущее как таковое, преобразуется по меркам ценностного, то есть должного, хотя и должное, в свою очередь, ориентируется на необходимое, чтобы не оторваться от реальности и не оказаться пустой химерой.

Казалось бы, необходимое не может быть таковым вследствие того, что оно хорошо: оно необходимо безотносительно оценок, ему выдаваемых, нечто необходимо само по себе и не может быть таковым только потому, что оно хорошо. Оно лежит в природе вещей, а человек лишь в меру своего разума выявляет необходимое, стараясь, напротив, быть максимально беспристрастным, с тем чтобы субъективное никак не могло повлиять на наше познание разумности мира. Онтологическая необходимость по определению свидетельствует о независимости

от субъективного фактора: «так оно есть само по себе, и иначе быть не может» – говорит необходимость. К необходимости можно относиться так или иначе, сетовать или радоваться, но оценки возникают вследствие признания чего-то необходимым, постфактум. Однако наш случай несколько иной. С одной стороны, мышление выявляет необходимое, которое нельзя обойти, каковы бы ни были индивидуальные устремления человека, но, с другой стороны, аксиологическая составляющая является не только следствием, но и основанием ассерторической составляющей суждения.

Данный вопрос о соотношении двух элементов знания, интеллектуального и ценностного, имеет довольно длинную историю, как отмечает В.Ж. Келле, хотя мы не поддерживаем сложившийся в философии взгляд на культуру, согласно которому проводится принципиальное разграничение между двумя ее движущими силами, корнями уходящими, по выражению Келле, в логос и миф: «По своему содержанию, структуре, функциям такие явления культуры, как логос и миф, являются первой исторической формой «разведения» рационального начала культуры, с одной стороны, и того, что сейчас называют ее ценностной или духовной стороной – с другой»⁹⁵. Келле апеллирует к тому, что сугубо интеллектуальный подход характеризуется субъект-объектными отношениями, тогда как ценностный – субъект-субъектными, хотя диалектика этих отношений, как показал Г. Гегель, делает подобную схему весьма условной: субъект-субъектные отношения предполагают субъект-объектные, и наоборот. Не случайно и сам Келле отмечает наличие ценностного элемента в теоретическом знании как самоценном еще со времен греческих классиков, а разделение обеих сфер полагает допустимым лишь в абстракции.

Это деление сегодня вылилось в разграничение объяснения, ориентированного на природный мир, понимания, ориентированного на мир ценностей, и истолкования, ориентированного на смыслы и объединяющего два других типа познания. А.А. Ивин использует другие термины для анализа этого соотношения – описание и оценка: «Истинным является утверждение, соответствующее описываемой им ситуации. Позитивно ценной следует считать ситуацию, соответствующую высказанному о ней утверждению, отвечающую предъявляемым к ней

⁹⁵ Келле В.Ж. Интеллектуальная и духовная составляющие культуры // Вопросы философии. – 2005. – №10. – С. 39–40.

требованиям»⁹⁶. Можно сказать, что два эти вектора – ассерторичность, направленная в мир, а аксиологичность, направленная на человека – составляют спекулятивное суждение, в различных вариациях которого курсирует сознание в окружающем мире, будучи одновременно созерцательным, то есть нацеленным на воспроизведение реальности в сознании, и практически действующим, то есть заинтересованным в соответствии мира собственным интересам и представлениям о должном, и потому имеющим собственный взгляд на вещи. В.В. Миронов справедливо замечает, что «двойственность философии как единства рационально-теоретического и ценностно-эмоционального пронизывает все ее развитие»⁹⁷. На наш взгляд, в философии эта двойственность явлена наиболее очевидно, так как лишь философия осознанно ставит перед собой задачу познания единства мира из самого внешнего мира и человека как его составной части, поэтому внешнее, объективное познание оказывается неминуемо сопряжено с внутренней, субъективной оценкой мира и себя как его составной части. Но вряд ли эту двойственность можно приписать лишь философу, коль скоро любому человеку в его бытии-в-мире приходится иметь дело с внешним миром, в котором человек ищет себе место. А это неминуемо сопряжено с попытками познания мира в той или иной форме и понимания себя и своих собственных устремлений. И как только место для себя оказывается найдено, восстановление единения с миром можно признать успешным, а ассерторическая и аксиологическая составляющие сознания человека обретают единство, когда сознание говорит себе: *это обстоит так, и хорошо, что так. И ассерторическое суждение может быть истинным в той мере, в какой оно находится в соответствии с модальным компонентом.*

В этой деятельности появляется историческое ценностно-необходимое. Ценностное, как уже отмечалось, не обладает содержательными характеристиками, таковые оно приобретает в истории, продуцирующей и фиксирующей в качестве необходимых те или иные формы бытия-в-мире. Содержательно то, что считается благом, есть порождение реальных исторических процессов, но само оно не сводится к тем или иным признанным абсолютными ценностям. Н. Гартман видит в данном формальном статусе ценностей порок кантовской философии: «...реализовать можно только позитивные содержания, и никогда нельзя это сделать с бессодер-

⁹⁶ Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы. URL://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_4/6.pdf (дата обращения: 10. 12. 2015).

⁹⁷ Миронов В.В. Философия и Слово (или еще раз о специфике философии) // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 21.

жательными формами и абстракциями»⁹⁸. Лишь при участии бессодержательного ценностного императива это действительно было бы невозможно, но аксиология вступает во взаимодействие с ассерторичностью, предметом которой является то, что необходимо есть, и через взаимодействие с алетичностью аксиологическая модальность получает содержание. Так должное как бессодержательное абстрактное содержание императива получает конкретное восполнение, а реальность трансформируется, приобретая новые сверхприродные «модальные» черты. То, что аксиологически позитивно и необходимо, определяется ходом истории. Выявление необходимого остается относительным, ибо всегда уже осуществляется в контексте того, что является аксиологически позитивным в данном месте и времени, что легитимизируется обществом и его представлениями об истинности, ибо аксиологическая составляющая суждения тесно связана с миром конвенционального.

В то же время мы далеки от релятивизации ценностей: если ценность не вырастает на почве необходимости, то есть если ей ничего не отвечает в реальности, то ее век недолговечен, и, соответственно, значимость для истории имеют лишь подлинные ценности, однажды схваченные и имеющие тенденцию к укоренению, подтвердившие свою историческую истинность. Кроме того, ценности – продукт времени, они эволюционируют, и мы имеем свидетельства исторического прогресса как результата динамического сопряжения онтологически необходимого и ценностного, когда оба, обогащая друг друга, меняют свои содержательные характеристики. В этом смысле мы против как ценностного догматизма, так и ценностного релятивизма. Историческая реальность – продукт динамического, диалектического взаимодействия онтологически необходимого и ценностного, сущего и должного.

Мы видим, что связь модальности и ассерторичности причудливым образом закольцовывается, замыкается в некое единое целое вследствие того, что, несмотря на различие полюсов, в сущности обе они теснейшим образом связаны: *по истине необходимым является лишь то, что хорошо, а хорошо то, что является необходимым*. Единство необходимого и аксиологически позитивного есть средоточие спекулятивности от Платона до Гегеля. Между двумя этими сферами, в абстрактной форме представляющими знание о мире и практику жизни, в их взаимодействии происходит, вероятно, человеческая история. Как отмечает Н. Гартман, «в познании объект определяет субъект, в поступке же субъект, со своей

⁹⁸ Гартман Н. Этика. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – С. 176.

стороны, активно охватывает собой объект, изменяет его по своему усмотрению и преобразует его»⁹⁹. И в том времени и месте, когда все элементы этой системы соответствуют друг другу, когда взгляды на мир и на свою жизнь в нем гармоничны, высказываемое суждение является истинным.

Перемена интенции в теории речевых актов называется *direction of fit*. Это происходит в ситуации, когда движение в одну сторону оказывается движением в противоположную. Представленный анализ модальностей свидетельствует о своеобразной смене направления движения, смещении акцентов со всеобщих и необходимых оснований, или объективной стороны суждения, к ценностным основаниям, в которых уже субъективный, личностный, индивидуальный фактор играет решающую роль в определении истинности суждения. Г. Гегель говорит о человеке, способном воплотить в себе объективное и субъективное начала: «прекраснейшей жизнью является та, в которой полностью объединяются в *один* образ всеобщее и его индивидуальность»¹⁰⁰. Суждение, таким образом, возможно как напряжение обоих полюсов и возникает вместе с ним. Объективное определяет субъективное в такой же мере, в какой субъективное определяет объективное. Аксиологическая модальность начинает через деонтичность и проблематическое знание эпистемичности активно воздействовать на переплетенные с ним логико-онтологические модальности, как и наоборот – онтологическое влияет через логическое и доказуемое на аксиологическое.

Аксиологическая составляющая с операторами «хорошо» и «плохо» вводит нас в плоскость нравственности, а противоположный край с ассерторической составляющей, вернее акцентом на ней, адекватен в сфере науки, а также областях, в которых критерием состоятельности является всеобщность и необходимость. При этом оба полюса неразрывно связаны друг с другом, высвечиваются друг в друге: как этика опирается на разумные основания, так и наука, и не только гуманитарная, не обходится без аксиологии, оценки своих свершений и достижений для человечества. Собственно, знание в истинном смысле – это не просто набор сведений, пусть и соответствующих действительности, но понимание того, какой вес, место и значение эти сведения имеют, что неизбежно выводит нас на аксиологию. Если же рассматривать оба

⁹⁹ Гартман Н. Этика. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – С. 162.

¹⁰⁰ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в 3-х т. Том 2. – М.: Изд-во «Мысль», 1975. – С. 55.

полюса абстрактно, то мы окажемся в ситуации персонажей платоновского диалога «Филеб», озабоченных сравнительным анализом разума и удовольствия. И действительно, то, что хорошо, будучи лишенным разумного начала, сводится к чувственному удовольствию, которое безотчетно хорошо, является иррациональным чувственным хорошим, и в этом своем состоянии заклеенное Платоном как присущее жизни «не человека, но какого-то моллюска или других морских животных, тела которых заключены в раковины»¹⁰¹.

Другая же крайность, абстрактное разумение, также признается Платоном устами Протарха ущербной и недостойной выбора как «жизнь, в которой [кто-либо – А.Г.] обладал бы и умом, и знанием, и полнотой памяти обо всем, но ни в какой степени не был бы причастен ни удовольствию, ни печали и оставался бы совершенно равнодушен ко всему этому»¹⁰². Если в первом случае человек превратился бы в моллюск, то во втором, вероятно, в считывающее механическое устройство. Соответственно, лишь смешанная из того и другого жизнь могла бы быть признана достойной и, более того, лишь смешанная жизнь ориентирована на *необходимое благо*, и выражается это в суждении: «Но истина сути состоит в том, что она *расщеплена* внутри себя на свое *долженствование* и свое *бытие*; это – *абсолютное суждение о всякой действительности*»¹⁰³.

В этой связи, очевидно, аподиктичность (или ее отсутствие) модально-ассерторического суждения требует более широкого взгляда, дабы избежать ее релятивизации, и необходимость, структурно содержащаяся в суждении, не осталась лишь претензией на необходимость, ведь заблуждения и недоразумения, ошибки и недостатки внутренней аргументации как результат «человеческого» фактора широко распространены в ситуациях, когда желаемое выдается за действительное. Весьма показательным примером является хорошо известный случай с Иваном Ильичем, персонажем Льва Толстого, чувствовавшим близкую смерть, но при этом отчаянно хотевшим жить, вследствие в его голове чего был нарушен логичный ход мыслей, убеждающий его в том, что хоть человек в принципе смертен, но это не совсем его случай. Сам оборот «выдавать желаемое за действительное» свидетельствует об огромном значении субъективного, или модального, фактора, в ущерб объективному,

¹⁰¹ Платон. Сочинения в 4-х т. Т.3. – М.: Мысль, 1994. – С. 19.

¹⁰² Платон. Сочинения в 4-х т. Т.3. – М.: Мысль, 1994. – С. 19.

¹⁰³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – С-Пб.: Наука, 1997. – С. 606–607.

поскольку аксиологическое здесь понято как персональное аксиологическое, что само по себе оксюморон, если исходить из уже упомянутого нами платоновского понимания блага как необходимого и всеобщего блага, единственной высшей реальности, венчающей категориальный строй интеллигибельного мира, хотя индивидуальное или корпоративное «благо» встречается сплошь и рядом и не вызывает недоумения – человеку свойственно понимать добро персонально относительно себя или тех, кого он считает своими.

Очевидно, что в данной взаимозависимости необходимого и аксиологического элементов суждения создается некий круг в обосновании его истинности: необходимо то, что хорошо, а хорошо то, что необходимо. Мы уже говорили о том, что спекулятивное суждение осуществляет прогресс знания, и вопрос, возникающий в связи с ним, не в том, к какой категории истин он принадлежит (факта или разума), а в том, насколько эвристична истина, постулируемая им. Те, кто расценивают данный круг как порочный и не позволяющий обрести знание, соответствующее статусу аподиктического, при этом склонны не принимать в расчет тот факт, что, если мышление и способно в принципе обрести аподиктическое знание, то без поступательности, последовательности и планомерности это не осуществимо, и процесс этот, очевидно, в принципе не имеет пределов. Обратная сторона открытия нового, неизведанного, единственно через которое и рождается знание, таит опасность релятивизации, а значит, и произвола, спасением от которого может выступить разве что относительность самого знания, исходящая из его существа. Кроме того, сопряжение когнитивного и ценностного компонентов суждения и позволяет осуществлять всегда нелинейный прогресс знания, а множественность программ исследования, открывающихся перед мыслителем, и выбор в пользу одной из них, свидетельствует не только об отрицательной стороне относительности знания, но и о его положительной стороне, ибо познание, так или иначе, осуществляется. Р.М. Нугаев говорит о роли ценностей в связи с переходами от фундаментальных теоретических схем к частным и эмпирическим следующее: «исследователи-физики, обладающие разными наборами норм и ценностей, могут из одной и той же фундаментальной теоретической схемы сконструировать разные частные теоретические схемы»¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Нугаев Р.М. Смена развитых научных теорий: ценностные измерения // Вопросы философии. – 2002. – № 11. – С. 128.

Э. Гуссерль, уделивший немало внимания проблеме аподиктичности, не принимает в расчет возможность такого рода относительности суждения. Ему известна лишь безусловная аподиктичность построенного по законам чистой логики суждения. Видимо, относительная аподиктичность представляет собой оксюморон, некое абсурдное образование. Любопытно, что этимологически в условиях той реальности, где возник термин «оксюморон», дословно означающий «острая глупость», им именовались изречения, лишь на первый взгляд кажущиеся глупыми. И наш случай вполне может оказаться таковым, если нерв мыслительной деятельности заключается в том, что сформированное и высказанное суждение, элиминирующее проблематичность, вносящее ясность, никогда не достигает своей цели раз и навсегда, не может быть истинно абсолютно. Не случайно Э.А. Тайсина обращает внимание на то, что абсолютность этимологически родственна абсурдности¹⁰⁵.

Таким образом, можно отметить, что аподиктичность предполагает не только необходимость суждения, но и его ценность и ценностность. В противном случае мы имеем дело с абстрактно понятой аподиктичностью, а знание, выраженное таким способом, имеет прикладное значение и является памятником истории. Между тем, модально-ассерторическое суждение, осуществляя синтез необходимого (всеобщего) и хорошего (индивидуально понимаемого), вкупе с соответствующим поведением, создает всеобщий взгляд на мир, то есть историческое видение для других, что вписывается в существующие исторические реалии и позволяет тому, кто его формирует, найти и свое место в них. Через эту самоидентификацию человека в окружающем историческом мире обретается единство мира и человека, и цена такого рода «живого» аподиктического суждения несравненно выше. В этой связи историческое измерение суждения требует отдельного рассмотрения.

Г. Историчность аподиктичности суждения

Высказанные замечания позволяют взглянуть на проблему определения критериев истинности и соотношения элементов аподиктического суждения в более широкой перспективе или, как высказался бы Г. Гегель, подойти к предмету конкретно, а не абстрактно, как это свойственно Э. Гуссерлю, ибо субъективность, понятая аксиологически, – обязательный элемент аподиктичности.

¹⁰⁵ Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии / Очерк 3. Гносеология экзистенциального материализма. – Казань: Изд-во КГЭУ, 2011. – С. 55.

Если исходить из более широкой перспективы, то деление на истины разума и факта Г. Лейбница размывается, но не в психологическом смысле в духе Зигварта, а на несколько ином уровне, на котором различие между ними *сохраняется и исчезает одновременно*. Выявление единой конкретно-всеобщей линии исторического процесса свидетельствует о размытости границ между истинами разума и истинами факта.

При интерпретации фактов истории Г. Гегель исходит из того же, из чего исходит Лейбниц при определении критериев оценки истины фактов. Закон достаточного основания, сформулированный им специально для эмпирической реальности, взят за основу и Г. Гегелем. Гегель занимается в принципе тем же самым: он ищет в мировом историческом процессе объяснение событий истории, выявляет основание, достаточное для их существования. Закон достаточного основания гласит, что любое событие, любая вещь имеет основание, достаточное, чтобы определить, вследствие чего оно произошло, и почему случилось так, а не иначе. Гегель взял на себя труд восстановить, если можно так выразиться, цепь логических причинно-следственных связей от начала и до современного ему конца, тогда как Г. Лейбниц, уверенный в том, эмпирические факты являются прерогативой произвольного божественного изъяснения, заглянуть в мысли бога не рискнул. Здесь Гегель и Лейбниц расходятся, так как последний традиционно абстрактно разделяет сущность и существование, чем и обосновано деление на истины разума и истины факта. У Гегеля выявление истин факта, определение достаточного основания факта сопряжено с выявлением логики факта, а логика никак не свидетельствует о его случайности. Ведь случайным, как утверждал еще Демокрит, факт является для того, кто не понимает его внутренней логики, которая, по мнению Лейбница, недоступна пониманию вследствие неприменимости к факту аристотелевской логики, но доступна уже, по мнению Гегеля, через применение диалектической логики. Таким образом, законы иного порядка, диалектические законы, по мнению Гегеля, единственно применимы при поиске достаточного основания эмпирических фактов. Но в таком случае *истины факта смыкаются с истинами разума*.

Использование диалектического метода позволяет, к примеру, объяснить и элиминировать противоречивость Э. Гуссерля в отношении определения статуса логических истин, которые в рамках формальной логики так и остаются противоречащими, между тем, с диалектических позиций свидетельствуют об эволюции мировоззрения и неоднозначности вопроса, на который Э. Гуссерль пытается дать ответ. Неоднократно

на страницах «Логических исследований» он говорит, что логические понятия могут иметь психологическое происхождение, но это вовсе не означает, что это не дает право обосновывать психологические выводы. В своей ранней работе «Философия арифметики» Э. Гуссерль, редуцируя понятие числа к способности считать, выявляет психологические основания математики в отношении операции считывания. Г. Фреге указал на некоторую наивность, незрелость этой позиции, поскольку в ней не находит объяснение универсальность математического суждения, и Э. Гуссерль, приняв во внимание доводы своего оппонента (известно, что критику психологизма Э. Гуссерль во многом воспринял у Г. Фреге и Б. Больцано), в дальнейших своих работах сосредоточил внимание на обосновании объективности логических истин.

Видимая противоречивость суждений Э. Гуссерля объясняется постепенным формированием его взглядов на протяжении длительного времени, а прослеживание внутренней логики эволюции учения Гуссерля элиминирует формальную противоречивость, ибо выясняется, что на разных этапах жизни его внимание было сосредоточено на разных сторонах проблемы определения статуса логических истин. Между тем, для стороннего наблюдателя, не знакомого с внутренней логикой становления взглядов Гуссерля, его суждения по данному вопросу представляют набором лишь случайных, противоречивых мыслей. Таковы для Г. Лейбница – эмпирические факты, которым отказано во внутренней логике прогрессивного движения, сопряженного с внутренней противоречивостью, количественно-качественными переходами, диалектическим снятием.

То же самое касается и законов ньютоновской механики. И. Ньютон, родись он несколькими веками раньше, не смог бы сформулировать законы классической физики, хотя и оставался бы тем же самым Ньютоном, поскольку научная революция, в которой он принял непосредственное участие, была начата не им. Он лишь завершил ее, совершив гигантскую интеллектуальную работу по теоретизации и систематизации научных данных с новым качественным результатом. Коэн отмечает, что «Начала...» можно считать кульминацией тысячелетних усилий понять динамику Вселенной, физику движущихся тел»¹⁰⁶. Разве мог бы Ньютон сформулировать закон всемирного тяготения без, к примеру, техники расчета диаметра Земли Жана Пикара?

¹⁰⁶ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней в 4-х т. Т. 3. – С-Пб.: Петрополис, 1996. – С. 135.

Заметки о гравитации, сделанные Ньютоном в Вулсторне во время вынужденного отъезда из Кембриджа из-за эпидемии чумы так и могли остаться заметками, поскольку тогда расчеты ему не удавались. Лишь спустя 5 лет с помощью новой техники Пикара идея гравитации стала теорией. Над первым ньютоновским законом, как известно, много лет работали Г. Галилей и Р. Декарт, а второй закон, по существу, был сформулирован уже Галилеем.

Э. Гуссерль настаивает на универсальности, объективности и незыблемости истин разума. Однако, исходя из представленного выше более широкого взгляда на проблему соотношения истин разума и истин факта, истины разума и соответствующие им аподиктические суждения не выдерживают бремени абсолютной истинности: аподиктическое суждение, вынесенное Ньютоном в связи с формулировкой закона всемирного тяготения, являлось «абсолютно истинным» на протяжении двухсот лет, в течение которых законы, сформулированные И. Ньютоном, лишь уточнялись и детализировались, но только до тех пор, пока не были сформулированы законы Планка, Бора и Эйнштейна, так как последние «переписали», положили границы закону всемирного тяготения. Из ранга абсолютно всеобщего и необходимого закон Ньютона перешел в ранг особенного, то есть остался значимым, но не для микро- и макромира, а тем временем были открыты новые всеобщие и необходимые законы, изменившие научную картину мира. Аналогичным образом закон сохранения и превращения энергии позволил понятию энергии перевести из положения всеобщего на положение особенного понятие силы, которая осталась применима лишь в отношении областей, не подверженных превращению энергии. И это не свидетельствует об «относительности» аподиктического, не дает основания для релятивизации аподиктичности: относительность не столько отменяет аподиктичность, сколько ограничивает ее, переводя на положение абстрактного, но никак не ложного. Аналогична ситуация «в гораздо меньших масштабах» с суждением Э. Гуссерля о статусе логических истин, которое он высказал в «Философии арифметики», а именно об их психологическом происхождении: они были дополнены и скорректированы им со временем в последующих работах, и в них Гуссерль отмечал, что психологическое происхождение, даже если таковое имеет место, еще не свидетельствует о тотальной субъективности истин разума, опирающихся на чистую логику. Всеобщее схожим образом стало особенным через диалектическое снятие, а на его место заступило всеобщее нового порядка, более конкретное всеобщее.

Об историчности аподиктичности свидетельствует и то, что любая более «конкретная» теория сама по себе лучше тех, которые она ограничивает в своей значимости, а это опять-таки указывает на наличие ценностного компонента в них. Р.М. Нугаев применительно к естественно-научным теориям отмечает: «квантовая теория оказалась «лучше» своих предшественниц – четырех парадигм классической физики – не только потому, что она объединяла в себе те ценности построения знания, которые по отдельности были присущи каждой из встретившихся парадигм. Более того, она еще и лучше соответствовала критериям оценки теории... Кроме того, она обладала несравненно лучшей предсказательной силой, и лучше согласовывалась с современными ей, текущими, теориями...»¹⁰⁷.

Лишь беспристрастность, объективность рассудочного логического исследования были бы дефективным модусом научного исследования, ибо оно требует участия, стремления, того самого желания, которое не только выдает желаемое за действительное, но, благодаря желанию, делает нечто возможное действительным и необходимым. Именно поэтому вопрос обоснования истинного суждения не находится в компетенции одной лишь формальной логики. Феномен претензии на абсолютность, а претензия – артикуляция желания как имеющего законные основания, может быть интерпретирован спекулятивно позитивно как необходимый элемент мышления, без которого невозможно образование нового знания. Свершения человеческого духа в какой бы то ни было сфере демонстрируют узаконивание в статусе необходимого того, что таковым прежде не являлось, и все благодаря волящему и мыслящему духу, создающему новые ориентиры для современников и потомков в реализации стремления к тому, что он считает благом. Географические открытия, политические трансформации, военные кампании, научные открытия, философские системы задают определенное видение в той или иной сфере подчас на десятилетия и даже столетия вперед, определяя в силу своей воздвигнутой необходимости взгляд на вещи целых поколений. Мощные натуры способны формировать новый порядок вещей и новое положение дела, которому отдаются без остатка. Претензия на аксиологически одобренную необходимость, заложенная в мыслящем и действующем духе, прирождена духовной деятельности человека. Будучи позитивным образом понятий, деятельность человеческого духа

¹⁰⁷ Нугаев Р.М. Смена развитых научных теорий: ценностные измерения // Вопросы философии. – 2002. – № 11. – С. 132–133.

может и должна быть интерпретирована, с одной стороны, как выдача того, что он считает хорошим, за необходимое, то есть возведение того, что отдельный индивид считает хорошим, в статус необходимого в акте духовного свершения, а с другой стороны – как открытие необходимого и внутреннее принятие его в качестве аксиологически позитивного. Лишь раздельность, оторванность обоих друг от друга делает статус каждого дефективным. Вышесказанное приводит нас к необходимости введения какого-то более значимого понятия, чем аподиктичность в редакции Э. Гуссерля, то есть в терминах так называемой чистой логики. Очевидно, что аподиктичность и субъективность следует трактовать в более широком диалектическом плане. В этом свете справедливой мы полагаем позицию В. Соловьева: «всякую мысль можно и неизбежно брать, во-первых, как единичное состояние субъективного сознания, или как данное текущей психической наличности, и, во-вторых, как то мыслимое, что в этом единичном состоянии обозначается не единичным, а всеобщим образом, как нечто объективное...»¹⁰⁸.

Теперь мы имеем дело с несколько иной интерпретацией аподиктичности, а роль субъективности в аподиктическом нельзя недооценивать: так называемый психологизм и аподиктичность не только не противостоят друг другу, но одно есть элемент другого. Таким образом, бороться с так называемым психологизмом логики – то же самое, что бороться с самой логикой.

Данное обстоятельство позволяет несколько иначе взглянуть на уже упоминавшийся феномен очевидности аподиктического. Отчего-то и Гуссерль, и Зигварт не упоминают в своих исследованиях, что составным и значимым элементом очевидности необходимого является очевидность (немецкое слово *Augenfälligkeit* имеет тот же корневой состав) необходимого, то есть присутствие аподиктичности в глазах воспринимающего и принимающего. Здесь имеет место *взгляд* на аподиктическое. Очевидность по доброй воле заставляет признать аподиктическое в качестве такового, а признание и принятие возможны лишь в случае аксиологического одобрения необходимого, ибо лишь аксиологический элемент является условием признания и принятия как всегда уже добровольного, свободного мыслительного акта. Нельзя *добровольно* стремиться к злу. Объективный мир бесконечен и неисчерпаем для познания, и аксиологическая составляющая суждения в процессе

¹⁰⁸ Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1990. – С. 815.

углубления в него расставляет приоритеты относительно того, что на данном этапе признается и принимается как необходимое. Здесь нечто должно быть аксиологически одобрено со стороны общества и ценностей, им культивируемых. Санкция на аподиктичность со стороны общества на том или ином этапе его развития, в котором всегда уже бытийствует человек, позволяет избежать злоупотребления личными пристрастиями в определении того, что необходимо. Поэтому, при том, что человек может сформировать новое положение дела, его усилия предпринимаются на плечах многих людей, сформировавших нынешнее положение дела, подлежащее преодолению. И без точного, внимательного усмотрения этого положения его свершения не могли бы найти отклик со стороны общества, остались бы лишь пародией на исторические деяния. По сути дела, модально-ассерторическое суждение способно, найдя отклик, определить взгляд на вещи других людей. *Найти отклик со стороны общества и способность навязать взгляд на мир могут совпадать.*

Конкретная истина, выражаемая через конкретное суждение, есть процесс и результат познания, и потому основание ее аподиктичности не может иметь своим доменом сознание, оторванное от окружающей его реальности, или в реальности, независимой от сознания, и спор, который вели психологи и Э. Гуссерль, в предложенном нами срезе теряет в своей значимости: спекулятивно понятая аподиктичность фундирована в равной мере и в необходимости вещей, и в аксиологии сознания. Аподиктическое не является раз и навсегда определенным и имеет свойство менять свои определения как раз в силу того, что представления об аксиологически позитивном, поскольку аксиологическое воплощает субъективность, имеют тенденцию исторически меняться. Соответственно, вместе они формируют взгляд на вещи, подвергаемый снятию с течением времени в процессе углубления знаний человека о вещах. Аподиктичность – в углублении в объект исследования через снятие уже известных его определений и формирование новых, более конкретных. Очевидность мобильна, находится в зависимости от определенного положения дела в науке, выявляющей необходимое, и, шире, обществе, задающем вектор выявления необходимого сообразно собственным представлениям о том, в каком направлении должно развиваться обоснование. И если человек, с одной стороны, действует с аксиологического одобрения человечества, согласно его ценностям, а с другой – исходя из требований разума, нацеленного на обретение объективного знания, то его свершения не будут проигнорированы историей.

Проведенный анализ аподиктичности спекулятивного суждения определил ее как конкретно-всеобщую: обоснованность суждения всегда уже встроена в определенные временные реалии и в качестве основания имеет сложившиеся и ставшие признанными суждения, опора на которые обеспечивает аподиктичность; субъективность суждения – необходимый элемент мышления, ибо без личностной заинтересованности акт суждения просто не может состояться, поэтому субъективность не препятствует аподиктичности; взаимозависимость ценностного и необходимого лишь по видимости образует замкнутый «порочный круг», в действительности же образует продуктивный синтез знания, формирующегося и находящего себе применение в исторической перспективе.

В этом разделе историчность суждения рассмотрена с внешней стороны, в связи с другими суждениями, которые его снимают или сняты им. В следующем разделе историчность суждения будет рассмотрена в диалектике его противоречий как отражении, выражении историчности самого суждения в его «внутренних» противоречиях – аналитической и синтетической составляющих.

Глава V. АНАЛИТИЧНОСТЬ И СИНТЕТИЧНОСТЬ СПЕКУЛЯТИВНОГО СУЖДЕНИЯ

*Что же, если не косность и чванство расслабленного интеллекта,
мешает философам изучать мир, не плетясь в обозе
позитивных наук или под гипнозом всякого рода дискурсов
(ученый эвфемизм, расшифровываемый как просто болтовня),
а в точке самодостаточности, что означает: по становлению, брожению,
преобразованию, катаклизмам, затвердению мыслепород.*

К.А. Свасьян

А. Абстрактность аналитического и синтетического

Как известно, традиция исследования аналитического и синтетического суждений, сфер и границ их применимости, взаимосвязи восходит к И. Канту. Он указал на принципиальное различие этих двух видов суждений, отметив априорность, всеобщий и необходимый характер аналитического суждения, не дающего, правда, прирост знания, и эмпирическую случайность, фактичность синтетического суждения, позволяющего к субъекту присоединить предикат, не содержащийся в его понятии. Соответственно, подлинным знанием может быть аналитико-синтетическое или априорно-синтетическое знание, объединяющее достоинства обоих видов суждения, а именно необходимость и новизну. Со времен Канта мы можем наблюдать некоторую эволюцию в интерпретации этих видов суждений. Так, А.Р. Каримов в статье об аналитичности отмечает, что помимо кантовского существуют фрегевский, карнаповский, крипкеанский подходы к аналитичности¹⁰⁹. И дискуссию по поводу аналитичности и синтетичности, как отмечал еще Крипке, можно вести в разных плоскостях – синтаксической, семантической, эпистемологической, метафизической, и в зависимости от этого аналитичность может определяться как логическая выводимость, истинность в силу значения, априорность, необходимость, соответственно. Но более подробно в этой связи считаем нужным остановиться на взглядах выдающегося немецкого логика Х. Зигварта, детально проработавшего оба вида суждений и внесшего в них несколько иное содержание. Это заметно хотя бы уже по тому, что если И. Кант, говоря о субъекте суждений, имел в виду понятия со строго очерченными формальными признаками, то у Х. Зигварта речь идет скорее о представлениях с несколько иным набором признаков. Кантовское деление на аналитическое и синтетическое

¹⁰⁹ Каримов А.Р. Аналитичность: от Канта до Фреге // Филология и культура. Philology and culture. – 2013. – № 3(33). – С. 249.

наталкивается на практически сразу замеченную проблему: то обстоятельство, что субъектом суждения могут выступать не только математические фигуры, но и эмпирические понятия, в известной мере размывает содержание понятия, а значит, и границы между аналитическим и синтетическим суждением. Хотя и сам Кант отмечал, что в эмпирической сфере строгих дефиниций не существует. Но если не существует, то дефиниция может менять набор признаков в зависимости от обстоятельств их выявления или присоединения, не случайно Больцано отмечал, что тезис Канта о том, что аналитическое понятие в скрытом виде содержит в себе свои определения, носит скорее метафорический характер.

Одним из первых, кто наиболее определенно начал отстаивать теперь уже признанную позицию об условности разделения между аналитическим и синтетическим суждениями был, как известно, Ф. Шлейермахер. Он заметил, что суждение «лед тает» может быть аналитическим и синтетическим по ситуации, в зависимости от того, включаем ли мы признак образования и таяния льда в зависимости от температуры в понятие, или нет. То же само с кантовским синтетическим суждением «все тела тяжелы», которое является синтетическим лишь в том случае, если понятие тела имеет совершенно однозначное определение, в которое признак тяжести изначально не включен. Здесь, очевидно, сказалось влияние Р. Декарта, но тогда все сводится к доминирующей научной парадигме: «То, что является частью определения понятий тела, пространства, времени у Ньютона, вовсе не является частью определения у Эйнштейна»¹¹⁰. И действительно, если не ограничивать аналитичность тем, что является лишь априорным, а со времен Фреге подобного рода знание дает лишь математика, то аналитичность теряет строгое отграничение от синтетичности. Не случайно Р. Карнап впоследствии расширил понятие аналитичности, включив в него дескриптивные термины естественных наук: априорное и аналитичное могут и не совпадать, и аналитические понятия вполне могут быть получены и определены апостериорно. А.Р. Каримов отмечает, что суждение «Марк Твен есть Самюэль Клемменс» не является априорным, поскольку знакомство с ним возможно лишь в эмпирическом опыте, но вполне аналитическим, так как предикат предполагается субъектом суждения¹¹¹. В этой связи мы считаем безосновательной позицию А.О. Маковельского, который оспаривает резонность претензии к Канту относительно строгости деления на аналитическое и синтетическое. Согласно его взгляду, «такая критика не попадает в цель, поскольку у Канта различие аналитических

¹¹⁰ Каримов А.Р. Аналитичность: от Канта до Фреге // Филология и культура. Philology and culture. – 2013. – № 3(33). – С. 252.

¹¹¹ Там же. – С. 250.

и синтетических суждений основывается не на их психологическом генезисе, а на гносеологической их природе»¹¹².

Х. Зигварт недвусмысленно показывает нам, что на статус аналитического суждения может претендовать суждение, предикат которого является безызытным по отношению к субъекту, как в случае с суждениями «лед холодный» и «снег белый». Но как выяснить, является ли предикат безызытным, если полагаться на дефиниции применительно к вещам в большинстве случаев не представляется возможным? Зигварт справедливо утверждает, что *опыт* мышления служит основанием для признания предиката безызытным. Также, как и Шлейермахер, Зигварт говорит о том, что одно и то же суждение может быть аналитическим и синтетическим в разных обстоятельствах мышления, приводя в пример кантовское суждение «все тела тяжелы»: «прежде чем я делаю опыт, дающий мне право построить суждение «все тела тяжелы», я образовал уже понятие тела лишь при помощи признаков протяженности и т.д. Но после того как я уже проделал опыт, я могу и должен включить в понятие тела признак тяжести, чтобы выразить точный опыт. И мое суждение «все тела тяжелы» является теперь аналитическим. Я могу теперь приступить с этим понятием к дальнейшему опыту»¹¹³. Таким образом, опыт мышления переводит тот или иной признак из статуса синтетического в статус аналитического: согласно «Философскому энциклопедическому словарю», «понятия в процессе развития познания изменяют свое содержание, включают в него новые признаки, а это приводит к тому, что какие-то синтетические суждения становятся аналитическими суждениями»¹¹⁴. Сказать, что высказывание «корова – млекопитающее» не является синтетическим, как отмечает А.Р. Каримов, значит, пренебречь многовековыми исследованиями в области зоологии.

Стоит отметить, что в истории логики в дальнейшем деление на аналитическое и синтетическое знание становится еще более зыбким, В. Васильев пишет: «Во второй половине XX века вновь усиливается тенденция к отказу от резкого противопоставления аналитического и синтетического познания (Куайн, Рорти)»¹¹⁵. Как видно, границы

¹¹² Маковельский А.О. История логики. URL: http://society.polbu.ru/makovelsky_histlogic/ch33_iii.html

¹¹³ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 131.

¹¹⁴ Философский энциклопедический словарь. Он-лайн версия. URL: <http://ariom.ru/wiki/AnaliticheskieISinteticheskieSuzhdenija> (дата обращения: 20.07.2015).

¹¹⁵ Васильев В.В. Термины кантовской философии. URL: <http://terme.ru/dictionary/415/word/analiticheskie-i-sinteticheskie-suzhdenija-a-priori> (дата обращения: 05.08.2015).

аналитического и синтетического достаточно условны, чтобы мы могли говорить об их взаимных переходах. Своей задачей мы видим подчеркнуть и развить эту тенденцию на основе спекулятивных аналитико-синтетических суждений, оставленных на периферии исследования всеми из выше отмеченных мыслителей. Дабы рассмотреть его с различных сторон, мы, воспользовавшись гегелевским принципом рассмотрения предмета с позиций «для нас» и «для себя», нацелены рассмотреть действие спекулятивного суждения, соответственно, *объективно*, то есть извне, как оно существует для исследователя, и *субъективно*, то есть изнутри самого суждения, каково оно для самого себя.

Извне, для исследователя, диалектика аналитического и синтетического представлена в исторической перспективе, и в качестве примера нами будет взят едва ли не самый показательный случай, связанный с формированием гелиоцентрической идеи.

Б. Конкретность аналитического и синтетического

То, что снег холоден, а тела тяжелы, для «опытного» мышления само собой разумеется. Данное обстоятельство, то есть выявившаяся безызытность этих предикатов, позволяет включать все новые признаки в определение предмета, и на процесс обогащения спекулятивного (а не кантовского формального) понятия вещи можно взглянуть в самом широком смысле, то есть с позиций *прогресса* знания о вещах. Как известно, в свое время такой прогресс осуществил, к примеру, Г. Галилей с суждением «Земля вертится» или Коперник с теорией о вращении Земли вокруг Солнца. Сегодня, предикат «вертится» столь же неотъемлем от субъекта «Земля», как «белый» или «холодный» от субъекта «снег». Никому и в голову не придет настойчиво утверждать, как отмечает Х. Зигварт, что лед холодный. Но в такой же мере нет никакого резона утверждать, что Земля вертится. Оба эти суждения едины в том, что их предикаты – само собой разумеющиеся признаки своих субъектов. Различие в том, что применительно ко льду речь идет об эмпирическом суждении, достоверность которого основана на фактическом опыте, а в случае с планетами затронута серьезная посредствующая работа мышления многих поколений людей. Сегодня суждение «Земля вертится вокруг Солнца» является аналитическим, ибо является абстрактным всеобщим суждением, ставшим традиционным представлением, согласно которому предикат безызытен, присоединяется к субъекту как само собой разумеющееся, как если бы предикат лежал в самом субъекте, а именно так

обстоит дело с аналитическими суждениями. Ставшие традиционными представления, оформленные в суждения, есть представления, в которых предикат присоединен к субъекту так, как если бы он содержался в субъекте: в их отношении не нужно совершать синтез. Человек, которому впервые сообщают о вращении Земли, совершает этот синтез разве что для самого себя, но не вообще. Таким образом, предикат «вертится вокруг Солнца» неотделим от субъекта «Земля», входит в его определение в силу сложившихся в настоящее время представлений в науке. Можно не знать причин, по которым Земля вращается вокруг Солнца, ибо для этого необходимо знать, что такое движение по эллипсу, каковы общие принципы механики, какова зависимость между массой планет, расстоянием, притяжением и скоростью движения, но нельзя не знать, что это так. Можно вспомнить справедливую ремарку Х. Зигварта относительно сути аналитического суждения: утверждать, что тело протяженно, все равно, что ничего не утверждать, так как и без того понятно, что определение протяженности входит в понятие тела, и ничего нового в том суждении нет: в лучшем случае аналитическое суждение может служить прояснению содержания понятия для мыслящего. В данном случае нам представляется не принципиальным кантовское деление аналитических суждений на абсолютно-идентичные и реально-идентичные, так как в и в тех, и в других, по сути, отсутствует прирост знания, о котором можно было бы возвестить в суждении. То же самое, при прочих различиях, и с суждением «Земля вертится вокруг Солнца»: сегодня никому не придет в голову это утверждать, так как утверждать это – все равно, что ломиться в открытые двери. Различие лишь в том, что предикат «вертится» очевиден как неотъемлемый *лишь с некоторых пор*. Но это не свидетельствует о том, что в качестве безызытного он не имеет прямого отношения к определениям вещи, предикатом которой он является. Это свидетельствует о том, что некоторые определения становятся очевидными и признанными в качестве истинных с течением времени, ибо такого рода суждения являются опосредованными другими суждениями, вернее, объективным значением, в них констатированном, обогащающим наши представления, выводящим наши взгляды относительно вещей на новый уровень.

Выявившаяся динамическая или историческая сторона суждения может менять, с нашей точки зрения, его статус, и мы утверждаем, что одно и то же суждение, в том числе и суждение «Земля вертится вокруг Солнца», может быть не только аналитическим и синтетическим, но и аналитико-синтетическим в зависимости от того, кто его высказывает, а также сопутствующих обстоятельств. С позиций докоперниканского

мышления суждение «Земля вертится вокруг Солнца» является *синтетическим*, а его предикат является акцидентальным признаком для субъекта в смысле случайности его присоединения к субъекту суждения, что свидетельствует о частности взгляда на существо субъекта, являющегося еще лишь представлением о вещи, со стороны отдельного человека. Таковым это суждение является в ситуации недостаточной обоснованности, выражением мнения, а не знания. В рамках этого случая всякий волен думать так, как ему заблагорассудится, не имея достаточных оснований для того, чтобы убедить и других думать так же. Высказанное, как известно, некоторыми учеными задолго до Коперника (Аристархом Самосским, Гераклидом Понтийским, пифагорейцами Филолаем и Экфантом) это истинное суждение еще лишено своей истины и является скорее догадкой; оно еще лишено всеобщности, является единичным, так как основано в большей мере не на знании устройства Вселенной, а на прозрении ученого, являющегося астрологом в не меньшей мере, чем астрономом, который и сам не был вполне уверен в истинности этого суждения. Известно, что в единственном дошедшем до нас труде Аристарх Самосский придерживался птолемеевой картины мира, и, как предполагает О. Шпенглер, «Он лишь на время поддался чарам гипотезы какого-то халдейского ученого»¹¹⁶. Синтетическое суждение в нашем случае есть в известной мере произвольное суждение, которое не может претендовать на общезначимость, что созвучно в какой-то мере кантовской интерпретации синтетического суждения как фактического, эмпирического суждения – предикат в его составе *пока* лишь внешне присоединяется к субъекту, ибо не входит в его сложившееся на тот момент понятие не входит в качестве существенного признака. Существенным является, скорее, обратное: Земля покоится, а Солнце вращается вокруг нее. Подобно тому, как синтетическое эмпирическое суждение «роза белая» свидетельствует лишь о себе самом и не является всеобщим и необходимым, суждение «Земля вертится» также не может еще быть всеобщим и необходимым. Э. Ильенков, к слову, отмечает возможность такого перехода от единичного к общему: «В истории всегда происходит так, что явление, которое в последствии становится всеобщим, вначале возникает именно как единичное исключение из правила, как аномалия, как нечто частное и частичное»¹¹⁷.

¹¹⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. – М.: Мысль. 1993. – С. 219.

¹¹⁷ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. – М.: Изд-во Полит. лит-ры, 1984. – С. 284.

Но если И. Кант и подумать не мог, что одно и то же суждение может быть и синтетическим, и аналитическим, то с диалектической точки зрения это более чем возможно, и в посткоперниканскую эпоху это суждение оборачивается аналитическим, поскольку предикат «вертится», согласно современным астрономическим представлениям, вошел в абстрактное понятие, которым стал субъект этого суждения, неотделим от него в силу теории гелиоцентризма, законов механики и т.д. Теперь «движется» – поясняющий предикат субъекта, в определение которого входит то, что это третья от Солнца планета солнечной системы, в которой все естественные космические объекты обращаются вокруг центральной звезды, при этом совершая оборот вокруг своей оси. Абстракции, которыми в данном случае оперирует рассудок, являются по выражению Г. Гегеля, «непонятными понятиями»¹¹⁸, которым рассудком сообщается неподвижность и косность, или неизменность, если говорить в терминах формальной логики.

Наконец, вынесенное Коперником, это суждение является аналитико-синтетическим, ибо он обосновал синтез этого суждения, осуществил прирост знания и сделал его достоянием всего мира, благодаря чему оно впоследствии и стало аналитическим. Это суждение становится аналитико-синтетическим в том случае, если мышление совершает действительный, а не поверхностный синтез, который одновременно носит всеобщий характер, что позволяет совершиться прогрессивному движению мышления. В его высказывании предикат оживляет субъект, наполняя его конкретно-всеобщим содержанием, ибо понятие есть спекулятивное, живое понятие, как отмечал Г. Гегель. *Лишь Н. Коперник имел все основания утверждать, что Земля вращается вокруг Солнца*: до него это суждение было недостаточно обоснованным, и потому предикат «вертится» был внешним по отношению к субъекту «Земля», а после него – безызытным по отношению к своему субъекту. До него утверждать это с полным основанием никто не мог, а после него утверждать подобное стало незачем. Хотя здесь следует отметить, что переход на положение аналитического совершается далеко не всегда сразу, а подчас сопровождается откровенным неприятием. Идеи гелиоцентризма и вращения Земли встречали противодействие и со стороны общественности, и академических ученых. На протяжении нескольких десятков лет идеи Коперника приняли лишь несколько ученых – Ретик, Дигтс, Местлин. Х. Ортега-и-Гассет объясняет это обстоятельство тем, что научная картина мира и ценности

¹¹⁸ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – С-Пб.: Наука, 1997. – С. 558.

научного знания все Средние века и еще некоторое время после них находились в подчиненном отношении к теологии и философии¹¹⁹. На наш взгляд, дело не только в этом. Можно согласиться, если речь идет о теологах, философах и обывателях, для последних теологическая картина мира также могла быть главенствующей. Но трудно согласиться с тем, что и ученые, профессиональные астрономы должны были разделить всеобщие предрассудки перед лицом неоспоримых фактов только под давлением постановлений Римского трибунала, направленного против сторонников Коперника – Х. Ортега-и-Гассет одновременно указывает, что астрономы видели в расчетах Коперника максимальную по тем временам точность¹²⁰. Учитывая данное обстоятельство, можно вновь отметить сомнительность позиции Э. Гуссерля, согласно которой если знание истинно, то оно неизбежно истинно для каких бы то ни было существ и на все времена. Очевидно, что истинность вращения Земли вокруг Солнца порой совершенно не очевидна не только для ангелов, что, может, было бы простительно, но и для людей, профессионально занимающихся астрономией.

Переходя на положение аналитического, понятие фиксирует и закрепляет свои определения. В.С. Швырев, рассуждая о специфике познавательной деятельности, пишет: «В конкретных актах познавательной деятельности, связанных с построением отдельных фрагментов научного знания, обобщенные итоги ее прошлого исторического опыта... действительно выступают как нечто уже заданное относительно данной познавательной ситуации... то, что в контексте одной познавательной ситуации выступает в качестве своеобразной «априорной структуры», в другой познавательной ситуации само является «апостериорным» результатом познавательной деятельности»¹²¹.

Представленная интерпретация аналитического и синтетического суждения соответствует диалектической триаде единичное-всеобщее-особенное, хотя наша интерпретация соотношения этих категорий прямо противоположна гегелевской: как известно, по Г. Гегелю единичность – продукт диалектического снятия всеобщности и особенности понятия, тогда как мы начинаем с единичности и приходим к особенному через всеобщее. Но у Г. Гегеля речь идет о всеобщих, особенных и единичных понятиях, а у нас о суждениях. Э.В. Ильенков отмечает, что «в гегелевской схеме, скажем, не может иметь место тот переход, который обнаруживает

¹¹⁹ Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея // Избранные труды. – М.: Весь мир, 1997. – С. 292.

¹²⁰ Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея // Избранные труды. – М.: Весь мир, 1997. – С. 290.

¹²¹ Швырев В.С. Научное познание как деятельность. – М.: Политиздат, 1984. – С. 204.

в определениях стоимости Маркс: превращение единичного во всеобщее»¹²². Мы также обнаруживаем такой переход от единичного во всеобщее при переходе от синтетического суждения к спекулятивному аналитико-синтетическому. Синтетическое суждение является единичным суждением, поскольку оно есть исключение из общего правила, просто единичный случай суждения, выражающий лишь частное мнение; данный единичный случай *не существует наряду с другими случаями*, как не существует правило равноценно наряду с исключением, ибо тогда случай в известной мере был бы возведен на одну ступень с правилом и был бы просто *особенным* мнением. В этом смысле гелиоцентрический тезис является скорее некоторым недоразумением, казусом, нежели значимым суждением; этот тезис становится всеобщим лишь в XVI веке в устах Коперника. То же самое суждение, но как аналитическое, является особенным в том смысле, какой в определение этого понятия вкладывал Гегель: когда фокус астрономических исследований сместился, этот тезис перестал быть в авангарде науки, и потому занял свое *особенное* место в ряду других тезисов в рамках теории, раскрывающей тайны мироздания. Таким образом, одно суждение может быть синтетическим, аналитическим и аналитико-синтетическим в зависимости от обстоятельств его вынесения.

Учитывая тот факт, что подлинным «живым» аналитико-синтетическим суждением является лишь суждение, высказанное его автором, что продемонстрировано нами на примере Николая Коперника, мы считаем необходимым остановиться на этом вопросе более подробно, ибо гелиоцентрическая идея в истинном смысле была высказана именно им (также о роли авторства в деятельности человека см. работу автора «Творчество как диалектическое неповседневное измерение целостности бытия-в-мире в контексте экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера»¹²³).

В. Значение и значимость авторского аналитико-синтетического суждения

Используя терминологию Э. Гуссерля, представленная экспозиция конкретности аналитико-синтетического суждения может быть рассмотрена с точки зрения значения и значимости суждения. Э. Гуссерль

¹²² Ильенков Э.В. Диалектическая логика. – М.: Изд-во Полит. лит-ры, 1984. – С. 284.

¹²³ Гурьянов А.С. Творчество как диалектическое неповседневное измерение целостности бытия-в-мире в контексте экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – № 11(25). Часть 2. – 2012. – С. 72–76.

пишет, что «субъективным связям мысли соответствует некое объективное... единство значения, которое есть то, что оно есть, все равно, осуществляет ли его кто-нибудь в мышлении или не осуществляет»¹²⁴. Иными словами, истина существует независимо от ее оформления в суждении. Л. Шестов отмечает, что Э. Гуссерль в своеобразной форме возрождает платоновский взгляд на вещи. И не важно кто и при каких обстоятельствах высказывает истинное: «Если мы или другие лица повторяем то или иное положение с равной интенцией, то в каждом случае получаются другие феномены, другие слова и моменты понимания. Но, в противоположность безграничному разнообразию индивидуальных переживаний, то, что в них выражено, повсюду идентично»¹²⁵. Но Гуссерль не принимает в расчет тот факт, что закон всемирного тяготения, один из его излюбленных примеров, – лишь момент в становлении знаний человека о мире. Не случайно законы механики были в определенной мере потеснены впоследствии законами общей теории относительности, в рамках которой «гравитация рассматривается изначально не как силовое взаимодействие, а как проявление искривления пространства-времени»¹²⁶. Конечно, отдельных суждений об одном и том же множество, но вследствие игнорирования процессуальной стороны мышления Гуссерль не видит различия между различными людьми, высказывающими истину, хотя никак нельзя отрицать различия между тем, кто сформулировал закон тяготения, и всеми остальными, кто лишь воспроизводит вслед за его автором эту истину от себя. Поэтому одно дело, когда суждение «Земля вращается вокруг Солнца» произносит Аристарх Самосский, другое дело – Николай Коперник, и третье дело – кто-либо из нас. Лишь в случае с Коперником это суждение сочетает значение и значимость; высказанная в нем в ходе реального мышления, то есть в исполнение отдельного человека, мысль является одновременно всеобщей и необходимой. Гегелевский тезис о единстве индивидуального и всеобщего в этом сочетании наглядно демонстрируется. *В авторстве того, кто, мысля конкретно, высказал этот закон, лежит единство частного суждения и всеобщей истины. Это его истина, ставшая достоянием всех, подаренная гением человечеству* (более подробно о темпоральных диалектических переходах современности и т.д. см. работу автора «Метафизическое понятие времени»¹²⁷).

¹²⁴ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: «Сагуна», 1994. – С. 23.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ URL://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/877731 (дата обращения : 11.09.2015)

¹²⁷ Гурьянов А.С. Метафизическое понятие времени / А.С. Гурьянов // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 1(23). – С. 97–102.

Если это так, то разрешается старый вопрос о том, мыслит ли личность или надындивидуальное мышление. И в этом единстве универсального и индивидуального высказанное авторское суждение обладает не только неким значением, но и значимостью.

Очевидное, как кажется, возражение на этот тезис заключается в том, что истинное знание не может быть кем-то подарено кому-то, ибо не является чьей-то собственностью. Г. Фреге пишет: «если каждая мысль требует носителя, содержанию сознания которого она принадлежит, то она была бы мыслью только этого носителя, и не было бы науки общей для многих...»¹²⁸. Но, во-первых, в таком случае мы вообще не имели бы возможности иметь новые мысли и высказывать истинные суждения, так как не было бы человека, способного формулировать истинные суждения и осуществлять прогресс знания: мышление как всегда уже самостоятельное мышление просто не могло бы состояться, и в этом смысле мышление есть *авторское* мышление. В науке сложилась серьезная традиция по дискредитации персонифицирования исторических событий. Так, американский ученый Дж. Симпсон считает, что «мы почти всегда стараемся упростить историю, прибегая к системе эпонимов, иными словами, приписываем важные события отдельным личностям и даем название этим событиям и эрам по именам этих личностей...»¹²⁹. Безусловно, ни один человек не совершал великих открытий в одиночку. Однако несправедливость того, что все лавры революционера достались Копернику, заключается не в персонификации данного переворота в науке, а в деперсонификации в отношении тех людей, которые несправедливо выпали из поля зрения «благодарного» человечества, подобно Гиппарху, сделавшему едва ли не меньше для построения геоцентрической системы, чем сам Птолемей. Во-вторых, наука, общая для всех, возможна не только в силу того, что законы мышления, законы логики имеют принудительную силу, а выявляемое «единство значения» имеет статус закона. Такой акт дарения не может состояться, если человечество не готово или не желает этого дара, если уровень развития наук не может обеспечить соответствующее обоснование, если нет запроса на этот дар, исходя из положения дел, сложившегося и в науке, и в обществе в целом. Нельзя дать ответ на вопрос, если вопрос не сформулирован: объективное единство значения должно быть значимо для того, чтобы возникло

¹²⁸ Фреге Г. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 42.

¹²⁹ Цит. по: Гурштейн А.А. Птолемей и Коперник. Послесловие редактора. URL://www.argo-school.ru/biblioteka/antichnost_i_ellinizm/ptolemej_i_kopernik/a_a_gurshtejn_ptolemej_i_kopernik_posleslovie_redaktora/ (дата обращения: 10.04.2016).

соответствие между ним и «субъективными связями мысли». Сформулированная Аристархом Самосским гелиоцентрическая мысль была отклонена современным ему обществом, так как запроса на нее еще не было. Более того, по словам О. Шпенглера, «в последние годы правления Перикла в Афинах путем референдума было принято решение, угрожавшее каждому, кто распространял астрономические теории, тяжелой исковой формой эисангелии»¹³⁰. Известно также, что стоик Клеанф требовал судебного преследования за то, что Аристарх осмелился сдвинуть с места «очаг мира». А коперниканская модель Вселенной была достаточно обоснованной с точки зрения науки, и запрос со стороны общества, изживавшего в себе мрачный феодализм, был подготовлен. Т. Кун пишет: «Его учение о планетах и связанная с ним концепция вселенной с центром – солнцем, служили инструментом перехода от средневекового общества к современному...»¹³¹. Таким инструментом, очевидно, гелиоцентрическая мысль не могла быть в древности.

Соответственно, подлинно научное мышление имеет место лишь в случае с Коперником как автором суждения: высказанное в идентичных суждениях общее является таковым лишь по форме, но не по существу. Не принципиально важно, какие феномены являются нам при произнесении коперниканского тезиса, так как это суждение уже лишено своей конкретной истины. Лишь теперь, когда эта истина, когда-то изреченная Коперником, стала абстрактной, мы можем говорить, о том, что истина одна, а актов истинного суждения множество. Лишь сейчас эта истина является абстрактной, и имеет место ситуация, изображаемая Э. Гуссерлем: идентичность значения в противоположность безграничному разнообразию индивидуальных переживаний, лишь внешним образом соотносящихся друг с другом. Рассмотрение истин разума абстрактно является оправданным лишь в той мере, в какой они потеряли свое конкретное содержание, став памятниками мысли и по-настоящему абстрактными. Из всего изложенного мы делаем вывод, что ставить все суждения в один ряд, объявляя их случайными вследствие пресловутого психологизма, – значит искажать существо вопроса.

Идентичность значения, лишенная значимости и проявляющаяся в аналитичности суждения, имеет как положительную сторону в виде закрепленной истинности в смысле всеобщности знания, так и отрицательную, о которой, к слову, упоминает и Х. Зигварт: высказывать аналитическое

¹³⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. – М.: Мысль. 1993. – С. 136.

¹³¹ Цит. по: Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней в 4-х т. Т. 3. – С-Пб.: Петрополис, 1996. – С. 67.

суждение – ничего не высказывать. Аналитическое суждение, сохранив значение, теряет значимость, восстановлением которой озабочено мышление в поисках нового предиката для субъекта. В момент исчезновения необходимости утверждать нечто подобное, то есть приписывать определенный предикат некоторому субъекту, предикат перестает быть конкретно-всеобщим признаком субъекта, он переходит на положение абстрактно-всеобщего, когда выясняется, что *А есть не В, а есть С*. Данное утверждение, на первый взгляд, содержит непреодолимое формальное противоречие: если *А* не есть *В*, но есть *С*, то есть *С* аннигилирует *В* как истинное, то на каком основании можно говорить о пресловутой абстрактной всеобщности *В* с его аналитической составляющей и сохранившимся объективным значением *В*? Ведь если *А* есть *С*, то *А* никак не может быть при этом и *В*. Существо абстракции такого, что благодаря рассудку некое свойство или отношение вырывается из контекста или процесса, в котором оно возникло и существует, и рассматривается само по себе, безотносительно, абстрагированно от конкретности, в которой находится. В некоторой мере это оправдано, так как всеобщее является таковым вне зависимости от какого-либо контекста и процесса, в котором изменению и переходу может подлежать единичное, случайное, но не всеобщее. Однако это не мешает всеобщему как конкретному перейти во всеобщее как абстрактное, ибо процесс не прекращается, а стороны процесса меняют свой статус, если не поспевают за ним, не способны эволюционировать вместе с ним, и потому являют себя лишь как его моменты. Абстрактно-всеобщее есть результат такого неспевания, оставленности позади, переход на положение особенного момента процесса *наряду* с другими всеобщими моментами. Поэтому предикат *В* потерял значимость и обрел новый статус в форме собственного признака *А*, то есть стал безызытным, но уже не видообразующим; ведь собственный признак существует наряду с другими собственными признаками, тогда как по той же аналогии видообразующий всегда один: таким существенным значимым предикатом стал *С*. Поэтому правильнее было бы сказать *А есть не столько В, сколько С*. Операция уточнения здесь совпадает с операцией расширения знания, ибо более точная формулировка является в то же время дополнительной к уже имеющимся. Поскольку предикат *С* стал существенным определением субъекта *А*, это обстоятельство изменило существо субъекта, так как *А* не просто обнаружил некий признак, но приобрел качество, изменившее суть *А*. Однако для Х. Зигварта или И. Канта, стремящихся выстроить критерии истинности суждения по закону тождества, такое вряд ли представляется возможным, хотя формула

простейшего суждения, по справедливому замечанию Э.В. Ильенкова, взрывает абстрактное тождество суждения изнутри: «любое суждение ломает форму абстрактного тождества, представляет собой ее само очевиднейшее отрицание. Его форма – А есть В (то есть не А)»¹³². Очевидно, что А, которое есть В, и А, которое есть С, являются разными А. Новый предикат С образовал новое А. Практика мышления вправе менять определения вещей: «...дальнейший опыт вправе корректировать наши определения, менять предикаты суждения»¹³³. Как отмечает Г. Гегель в связи с суждением, достигшим своего понятия, а именно таким, с нашей точки зрения, и является аналитико-синтетическое суждение А есть С, «Субъект и предикат соответствуют друг другу и имеют одно и то же содержание, и это содержание само есть положенная *конкретная всеобщность*; а именно оно включает в себе два момента: объективно-всеобщее, или род, и индивидуализированное»¹³⁴. Позиция, согласно которой суждение может сохранить единство значения, но потерять значимость, вызывает, как кажется, естественное возражение, если иметь в виду пример со сменой геоцентризма гелиоцентризмом. Данный пример как никакой другой демонстрирует «крушение» одного представления и возникновение другого, радикально иного. Механика Ньютона или геометрия Эвклида, будучи обновлены Эйнштейном и Лобачевским, не испытали такого радикального пересмотра, какой пережила геоцентрическая модель Клавдия Птолемея. В случае с Эйнштейном или Лобачевским речь идет скорее о более широком взгляде на вещи, тогда как в случае с теорией Птолемея-Аристотеля сохранение единства значения и переход от конкретно-всеобщего к абстрактно-всеобщему совершенно не очевидны.

Однако развенчание геоцентризма и воцарение гелиоцентризма, отменившего геоцентризм, представляется таковым скорее на первый взгляд. Во-первых, гелиоцентрическая модель не является, как известно, незыблемой: со времен Коперника наука не только поставила в центр мироздания Солнце, но уже успела пересмотреть свой взгляд на это вопрос, сначала передвинув центр мира в центр галактики, а затем оформив теорию «островных вселенных» вообще без какого-либо центра. Теория, изложенная Коперником в работе «Об обращениях», была во многих отношениях упразднена уже через 150 лет И. Ньютоном: круговые орбиты Н. Коперника, к примеру, уступили место эллиптическим

¹³² Ильенков Э.В. Диалектическая логика. – М.: Изд-во Полит. лит-ры, 1984. – С. 123.

¹³³ Там же. – С. 61.

¹³⁴ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – С-Пб.: Наука, 1997. – С. 606.

и т.д. Во-вторых, геоцентрическая модель не может быть признана упраздненной во всех отношениях. Как отмечает А.А. Гурштейн, «Теория относительности с отсутствием в ней привилегированных систем координат ставит их [теории К. Птолемея и Н. Коперника – А.Г.] сегодня как бы на одну доску»¹³⁵, а «все астрономические ежегодники мира, как и во времена К. Птолемея, приводят эфимириды небесных тел не в гелиоцентрической, а в геоцентрической системе координат»¹³⁶. То есть в каком-то отношении и сегодня Солнце вращается вокруг Земли. Да и можно разве отрицать значимость некоторых положений «Альмагеста», согласно которым, например, небосвод представляет собой вращающуюся сферу, а Земля является шаром? В своем фундаментальном труде К. Птолемей дал описание открытому им явлению эвекции, им была построена таблица хорд с шагом в полградуса, доказана теорема о свойствах четырехугольников, названная его именем. Да и сам Н. Коперник, сохранив принцип равномерного движения по кругам, применял математический аппарат Птолемея и признавал значимость его труда. Все это позволяет нам заключить, что позиционирование гелиоцентризма как истинного, а геоцентризма как ложного направления в науке демонстрирует абстрактный подход, лишенный конкретного, предметного взгляда на эту тему, а тезис, утверждающий гелиоцентрическую модель мира как истинную, на сегодняшний день является, конечно, «более» истинным, чем отстаивающий позиции геоцентризма, но при этом оба они уже утратили значимость, так как обе теории перестали определять положение дел в науке, а определяющим в этом вопросе, к слову, сегодня является то, что во Вселенной нет центра, вокруг которого бы все вращалось.

Далее, рассмотрим диалектику аналитического и синтетического изнутри, как она существует для самой себя, с субъективной стороны, то есть так, как аналитико-синтетическое суждение существует для его автора.

Г. Переход от синтетического к аналитическому для субъекта

Приступая к делу, человек всегда уже воспринимает объект исследования через его разработанность в лице предшественников, что выражено во множестве имеющихся суждений людей, сформировавших данное положение дела в науке. Иными словами,

¹³⁵ Гурштейн А.А. Птолемей и Коперник. Послесловие редактора. URL://www.argo-school.ru/biblioteka/antichnost_i_ellinizm/ptolemej_i_kopernik/a_a_gurshtejn_ptolemej_i_kopernik_posleslovie_redaktora/ (дата обращения: 10.04.2016).

¹³⁶ Там же.

человеку приходится приступать к делу на определенной стадии его проработанности в лице его предшественников. Но что будет основанием суждения ученого, если иметь в виду тот факт, что для проникновения в объект исследования ему необходимо воспроизвести логику взглядов на него? Х. Зигварт, следуя Г. Лейбницу, справедливо отмечает, что «ни одно положение не является истинным без основания»¹³⁷, и если всякое истинное суждение является обоснованным, то для того, кто со знанием дела впервые заявил, что А есть Б, и, соответственно, транслирует это знание другим, оно имеет статус *аналитико-синтетического*, между тем, для того, кто распространяет это знание в качестве знания, оно является *аналитическим*, а для того, кому передается знание при вхождении в курс дела, оно оказывается *синтетическим* (в узком смысле слова, то есть для тех, кто еще не ознакомился с имеющимся обоснованием; в широком смысле оно является синтетическим для того, кто не имеет «на руках» соответствующего обоснования в силу объективных причин, о чем шла речь выше). Рассмотрим более подробно переход от синтетичности подобного рода к аналитичности суждения.

Передача суждения от обучающего, распространителя знания, к обучаемому осуществляется таким образом, что для обучающего это суждение является по определению аналитическим, а для обучаемого – синтетическим. Первый потому и передает знание ученику, что имеет соответствующее обоснование, его истинность, подобно прописным истинам, не подлежит сомнению, то есть предикат неотделим от субъекта. Поэтому Зигварт в данном случае говорит о вере, сопровождающей процесс передачи знания. Очевидно, что до Коперника передача гелиоцентрического знания была бы неуместна: в этом случае мы имели бы распространение слухов или предрассудков, но не знания от учителя ученику. В таком случае имел бы место не прогресс знания, а умножение псевдонаучных предрассудков, которые, конечно, всегда сопровождают науку. Собственно, академическое обучение не может строиться иначе, как через передачу лишь того, что приобрело аналитический характер, проверено временем и стало общепризнанным.

Для обучаемого лишь воспроизведенное суждение еще не может быть достаточно обоснованным. В современной аналитической эпистемологии это называется *imperfect justification* – при передаче знания происходит не просто уменьшение степени обоснованности (*degree of justification*), но сведение ее к нулю: у того, кому передается знание,

¹³⁷ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 218.

первоначально формируется лишь *представление* о содержании суждения. И хотя воспринимающий это суждение может, повторив его, воспроизвести тем самым уже от себя, тем не менее, тот, кто воспринимает, и тот, кто передает в качестве учителя, выносят пока еще разные суждения, так как воспринимающий не видит аналитической составляющей суждения, оно для него – не столько приобретенное, сколько навязанное знание. Это представление, оформленное для обучаемого пока не понятийно, а лишь вербально, еще проблематично отстоять в дискуссии и от него еще легко отказаться, сменив на иное представление, даже прямо противоположное.

В современной аналитической философии в последнее время стала актуальной проблема передачи знания в рамках эпистемологии свидетельства (testimony) в работах Дж. Хардвика, Дж. Макдауэлла, О. Чокроборти. Эти авторы и ряд других отстаивают правомерность свидетельства авторитета, через которого передается знание, и нельзя не согласиться с тем, что человечество было бы лишено огромного объема исторического, научного знания, если бы не пользовалось этим «каналом». Правомерность этой позиции вполне очевидна, но неочевидно другое: является ли переданное таким образом знание собственно знанием? Так, О. Чокроборти свое исследование проблемы эпистемологического свидетельства основывает на материале, который, на наш взгляд, вряд ли может претендовать на статус эвристичности, а именно на передаче информации об исторических датах, названиях произведений культуры, свидетельствах в суде, библейских истин и т.д.¹³⁸

Х. Зигварт справедливо отмечает эту черту представления в противопоставлении его понятию: «*понятие в логическом смысле отличается от ... обозначенного посредством слова общего представления своим постоянством*»¹³⁹. В дальнейшем мы будем называть сложившееся суждение, подлежащее принятию к сведению, встречным суждением, аналогично внутримирно встречному существу, с которым присутствию приходится иметь дело в аналитике М. Хайдеггера. Для того, кто лишь воспринимает суждение, оно остается еще на стадии представления в гегелевском негативном смысле, принятым на веру и потому лишенным должного обоснования.

¹³⁸ Чокроборти О. Мне сказал знаток, поэтому я знаю: передача знания (прага) через свидетельство в классической индийской и в современной западной эпистемологии // Вопросы философии. – 2007. – № 2.

¹³⁹ Зигварт Х. Логика. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2008. – С. 273.

Человек, перенимающий содержание суждения, имеет лишь общее и смутное представление вместо конкретного понятия, так как не знает еще обоснования, ибо первая реакция на суждение бывает реакцией на слова, а не на понятия, стоящие за ними. Данное суждение в гегелевском смысле еще лишено конкретного содержания: «Под *бытием*, о котором здесь спрашивают [что есть это или что это есть за растение? – А.Г.] часто понимают лишь *имя*, и, узнав это имя, считают себя удовлетворенными и уже знают, что такое *есть* эта суть вещи»¹⁴⁰. Имя как непосредственное обозначение сущего легко принимается за существо сущего, тогда как, по словам Гегеля, «Название противостоит сути или понятию»¹⁴¹, и вопрос о том, что из себя представляет субъект суждения, часто сводится к выяснению имен и спору о словах, являющих собой «нечто случайное и исторический факт»¹⁴². И это не удивительно, поскольку сначала человек, и на это справедливо указывает Х. Зигварт, принимает на веру то, что ему сообщается со знанием дела. Как отмечает Г. Гегель, «субъект и предикат... суть прежде всего имена, приобретающие свое действительное определение лишь в ходе суждения»¹⁴³, то есть в ходе мыслительной работы по выявлению обоснования суждения. Принимая на веру некий тезис, человек принимает его как абстрактный тезис, вне его связи с другими суждениями, которые могли бы напрямую быть в его обосновании или косвенно свидетельствовать о его значимости. Х. Ортега-и-Гассет сравнивает это с кредитом: «Подобные мысли в кредит, или пустомыслие, когда, думая о предмете, не продумываешь его до конца, как раз и есть самый расхожий способ мыслить»¹⁴⁴.

Таким образом, переход от синтетического суждения к аналитическому осуществляется через обучение и лишь в голове обучаемого. При переходе от синтетического к аналитическому возникновение действительного аналитико-синтетического суждения невозможно, поскольку совершается этот синтез лишь в сознание отдельного человека – «для него», а не «в себе», в фазе ознакомления с делом. Действительное аналитико-синтетическое суждение генерируется при переходе от аналитического к синтетическому, что является логически следующей стадией деятельности ученого.

¹⁴⁰ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – С-Пб.: Наука, 1997. – С. 572.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же. – С. 578.

¹⁴⁴ Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея // Избранные труды. – М.: Весь мир, 1997. – С. 251.

Д. Переход от аналитического к синтетическому для субъекта

Принятие на веру сопровождается отсутствием каких-либо вопросов относительно содержания суждения, не случайно вопросы не возникают у тех, кто еще только приступает к ознакомлению с делом, к предмету изучения через посредство встречных суждений о нем. Собственно, принятие на веру ничего другого поначалу не предполагает. Соответственно, в следующей фазе по мере накопления информации, анализа, сопоставления, ее количество начинает переходить в качество, и у человека возникают вопросы относительно узнанного, а переход в новое качество состоит из двух составляющих: *действительно ли положение «А есть В» является истинным, и как это обстоит на самом деле.* Г. Фреге этот этап характеризует построением общего вопроса относительно встречного суждения: «прогресс в науке обычно происходит так: в начале мысль схватывается, будучи выражена, например, в виде общего вопроса, а затем, после требуемых исследований, эта мысль признается истинной»¹⁴⁵. Но если с первой частью данного утверждения мы считаем нужным согласиться, то вторая представляется сомнительной, ибо, по нашему мнению, нет прогресса в том, чтобы признать мысль, оформленную в уже сложившемся и признанном суждении, истинной. Общий вопрос – лишь транзитный вопрос, находящийся в подчинении у другого вопроса, являющегося конечным: «как обстоит дело на самом деле?» лишь данный вопрос может способствовать движению знания, а признание чего-либо истинным, наоборот, ведет к успокоению и останавливает это движение. Вера в правоту того или иного суждения является правомерной, но лишь как начальная фаза, на смену которой должно прийти сомнение. Однако ответ на этот главный вопрос первоначально выглядит как общий вопрос, который возникает в связи со встречным суждением, оформленным гипотетически: *А есть В?* Собственно, сам вопрос возникает в силу неочевидности связки А и В для вопрошающего, то есть в силу синтетичности суждения. Фреге, как известно, в работе «Логические исследования» проводит различие между мыслью и суждением как признанием истинности мысли¹⁴⁶, а в качестве обоснования этого разделения он приводит тот факт, что общий вопрос и утверждение имеют общее мысленное содержание, тогда как признание истинности этого содержания имеет место лишь в случае утверждения. Подобное разделение отчасти уместно

¹⁴⁵ Фреге Г. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 34.

¹⁴⁶ Фреге Г. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 33.

лишь применительно к определенной категории общих вопросов, и совсем не применимо ко всем остальным. Так, если речь идет о подвергании сомнению встречного суждения и последующем признании его истинности, то проводимое Фреге деление на мысль и суждение является мнимым, поскольку встречное утверждение, будучи кем-то высказанным, уже содержит мысль, оформленную в виде суждения, признавшего его истинность и настаивающего на ней. Фреге же полагает, что мысль существует сама по себе, независимо от того, мыслит ее кто-нибудь или нет: «...схватывание мысли не является ее сотворением, учреждением порядка ее частей; потому что мысль уже раньше была истинной, следовательно, уже существовала в порядке своих частей прежде чем была схвачена»¹⁴⁷. Но каким образом мысль может существовать без реального мышления, в процессе которого она возникает как закономерный результат мышления? Если Фреге полагал, что «истина не может возникнуть в момент ее открытия»¹⁴⁸, то мы утверждаем как раз обратное.

Х. Зигварт отмечает, что гипотетическое суждение, скорее, является общим вопросом, характеризующим психологическое состояние мыслящего, нежели утверждением, дальнейшая активность которого по признанию гипотезы истинной приводит к формированию полноценного суждения с фундаментом-обоснованием под подтвердившуюся гипотезу, в результате чего и возникает ответ на вопрос. В связи с этим мы считаем, что общий вопрос еще не содержит в себе реального мыслительного содержания, и потому проводить аналогию между содержанием общего вопроса и утверждения неуместно: истинное мышление всегда уже есть обоснованное мышление, а общий вопрос – скорее незавершенная попытка к мышлению, индивидуальный факт сознания, характеризующийся неуверенностью относительно чего-либо.

В этой двухтактности мышление дает ответ на оба вопроса, и при ответе на первый из них представления превращаются в понятия, так как мышление проверяет суждение на обоснованность, обретая отчетливость понятий, скрывающихся за словами, и обоснованность определений, находящихся при них в предикатах. На этом этапе выявляется аналитическая составляющая встречного суждения через выявление его обоснования, а первичное синтетическое в узком смысле суждение обращается в аналитическое, каковым оно и является само по себе, не для реципиента. Но, анализируя понятие, находящееся в субъекте суждения, то есть проверяя правомочность предиката, находящегося при нем,

¹⁴⁷ Там же. – С. 64.

¹⁴⁸ Там же. – С. 50.

мышление одновременно с выявлением его обоснования обнаруживает *конечность* встречного суждения, каково любое суждение, поскольку оно всегда уже оформлено в терминах двужначной логики. И нацелено мышление не на то, чтобы отменить имеющееся суждение, признав его содержание неистинным, а на то, чтобы вскрыть дело, оставшееся за пределом суждения, полагающего дело завершенным в силу его двужначности. В.С. Библер об этой ситуации в работе «Мышление как творчество» говорит: «Когда я мыслю, я с той же силой формулирую и то, что я понимаю в объекте, и то, что я в нем принципиально не понимаю...»¹⁴⁹; и далее: «Как в интонациях и жестах оратора, в пропусках текста зачастую скрывается более существенное содержание речи, чем в словах и фразах»¹⁵⁰. Поэтому отрицание, которому подвергает новое и теперь уже синтетическое суждение наличные суждения, является в известной мере, относительным: *встречное суждение является условием возникновением нового суждения*. В этой точке рождения нового знания и происходит единение аналитической и синтетической составляющих спекулятивного суждения. Аналитичность суждения свидетельствует о преемственности знания, а синтетичность – о его новизне. В этой фазе формирования спекулятивного суждения человек пытается, берясь за дело, *самостоятельно* понять содержание иных встречных суждений, что естественным образом способствует формированию собственного взгляда на рассматриваемое дело, отраженное в суждении. Существо дела начинает проступать за тем, что скрыто в суждении, а скрыто потому, что любое суждение *полагает дело решенным*. Но теперь, когда проступает скрытое в суждении, первоначальное представление трансформируется в понятие через одновременное выявление обоснования имеющегося его определения в анализе и обогащение новыми определениями в новом синтезе. Для проступившего объекта в его новых определениях, скрывавшегося за прежними теориями, часто не оказывается в наличии адекватной ему формулировки из числа имеющихся суждений, что является основанием для совершения подлинного синтеза.

Складывается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: дело как таковое, само по себе, может быть выявлено лишь самостоятельным, собственным образом действующим мышлением (опять-таки к разговору о единстве универсального и индивидуального). Типическая черта мышления, как всегда уже самостоятельного, такова, что как только

¹⁴⁹ Библер В.С. Мышление как творчество. – М.: Политиздат, 1975. – С. 77.

¹⁵⁰ Библер В.С. Мышление как творчество. – М.: Политиздат, 1975. – С. 141.

возникает вопрос относительно истинности имеющегося положения и стремление проверить суждение на обоснованность, выявление обоснования самостоятельным мышлением обнаруживает *недостаточность* обоснования через обоснование иного положения. А новое положение делает обоснование достаточным, включая в свое обоснование то значимое, что содержалось в обоснованности опорного суждения, добирая достаточности тем, что добавляет от себя. Если ты видишь зазор между тем, как обстоит дело на самом деле и высказанным суждением, то у тебя есть возможность снять этот зазор. В этом свете нам близка позиция инференциального редукционизма.

Принятие суждения на веру на предыдущей стадии не сопровождается пониманием места, занимаемого этим суждением в ряду других суждений, не только подтверждающих его, но и, возможно, противоречащих ему; в этом заключена абстрактность. В процессе углубления в содержание суждения мышление *выявляет эти связи, а также обнаруживает новые связи с другими суждениями, которые были не учтены автором исходного суждения. Так неожиданным образом формируются новые связи и новые, неизвестные доселе определения объекта исследования, что отражается в новом суждении.* Т. Рокмор пишет: «Между понятиями «читать текст правильно» и «читать текст пронизательно» есть разница»¹⁵¹, и в нашем случае идет речь как раз о втором случае. Так бывает часто в ситуациях, когда наука обнаруживает новые факты, заставляющие пересмотреть прежние выводы, либо смежные дисциплины обнаруживают нечто вступающее в диссонанс с имеющимися представлениями, вследствие чего возникает необходимость в новом синтезе. Т.И. Ойзерман в работе «Философия как история философии» отмечает определенную переоценку плюрализма философских учений, произошедшую в XX веке: если прежде это считалось дефективностью, то теперь множественность философских учений – естественный способ существования и развития философии, позволяющий во взаимодействии философских учений между собой продуцировать новое философское знание через дифференциацию, поляризацию, интеграцию и дивергенцию. На наш взгляд, это характерная черта развития не только философского, но и естественнонаучного и гуманитарного знания. В науке это происходит во взаимодействии различных исходных установок и точек зрения на существо предмета по принципу пролиферации П. Фейерабенда,

¹⁵¹ Рокмор Т. Гегель и границы аналитического гегельянства // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 81.

а различие присуще даже строгому естественнонаучному знанию. Развернутая теория как совокупность суждений, приведенных к единству, представляет собой, как отмечает В. Библер, пользуясь спекулятивной терминологией, развернутое понятие, содержание которого предзадано; в этом конечность, ограниченность тем, что в нем содержится в свернутом виде, и выйти за пределы этого взгляда на вещи, выйти за пределы «понятия» не представляется возможным. Аналогичную точку зрения в позитивистской традиции высказывает Л. Витгенштейн, для которого развернутое содержание теории сводится по сути к ряду интуитивных атомарных протокольных предложений, очерчивающих круг всего, что может быть осмыслено в пределах также определенного взгляда на вещи, при выходе за пределы которого теория теряет свое обоснование.

Но тот факт, что философия и наука черпают идеи и подходы в истории своей дисциплины, говорит о воспроизводстве несколько условно. Идеи каждый следующий раз находят новое преломление, новые интерпретации как в связи с новыми историческими реалиями, так и в связи с тем, что высказывают их другие люди, поэтому воспроизводство в этом процессе сопровождается производством. Кроме того, объяснять феномен извлечения идей и подходов в науке сугубо философскими проблемами – значит, совершать некоторое допущение, ибо науку, также как и любую другую сферу сознания, творят люди, а значит, субъективный фактор как тот или иной неизживаемый *взгляд* присутствует и в ней, без него науки, как и любой другой сферы сознания, просто не было бы. И дело здесь не столько в том, что философия ставит проблемы, не имеющие решения, и переносит их на территорию науки, которая ставит проблемы, имеющие решения, сколько в том, что ни одна проблема, взятая в комплексе других проблем и других научных дисциплин, то есть в предельно широком смысле, не имеет окончательного решения.

В этом процессе проникновения, во-первых, в скрытое содержание суждения и, во-вторых, в его сущностные связи с другими мы имеем выстроенную композицию, картину, богатую деталями и насыщенную красками различных оттенков, хотя в начале этого процесса для входящего в курс дела проступают лишь отдельные абстрактные контуры. Свидетельством теперь подлинного синтеза является не принятие уже имеющихся синтетических представлений на веру, но их преодоление, снятие через совершение нового синтеза и *обретение знания как всегда уже нового знания*. А.С. Казеннов в работе «Диалектика как высший метод познания» пишет: «на переднем крае науки, где познаются новые грани

(определения) бытия, синтез выдвигается на передний план и более значим и заметен»¹⁵². Обоснованность нового суждения напрямую связана с тем, что оно является логическим следствием из сложившегося положения дел, например, в астрономии, то есть основано на суждениях, представляющих в свернутом виде теории в авторстве предшественников Коперника, а также из смежных дисциплин (в случае с Н. Коперником – математики, физики). Синтетическая сторона этого суждения – в продуцировании нового знания и нового взгляда на вещи, а аналитическая – в логическом следовании из взглядов предшественников. Даже Г. Лейбниц, сторонник разделения истин, в работе «Об универсальном синтезе и анализе или об искусстве открытия и суждения» отмечает: «...анализ редко бывает чистым, ведь большей частью в поисках средств мы нападаем на...когда-то найденное кем-то другим или нами самими... и прилагаем к делу, а это относится уже к синтезу»¹⁵³.

Подчеркивая роль синтеза, Э.В. Ильенков принижает некоторым образом роль анализа, что не совсем правомерно. Он ссылается на И. Канта, который «...придал синтезу роль и значение фундаментальной операции мышления, по существу и по времени предшествующей всякому анализу. Если анализ сводится к процессу разложения готовых представлений и понятий, то синтез как раз и выступает в качестве акта *производства* новых понятий»¹⁵⁴. Но производство новых понятий и новых суждений невозможно в обход анализа уже сложившегося корпуса теорий, каркасом которых являются понятия, суждения и умозаключения. Без анализа сложившихся и ставших аналитическими суждений операция синтеза оказывается псевдосинтезом отдельных частных представлений, и потому не может достигнуть своей цели – глубокого и одновременно широкого синтеза. К. Поппер в работе «Что такое диалектика?» утверждает, что процесс развития, генерирования нового знания более адекватно оценивать не с позиций диалектики, а с позиций метода проб и ошибок, двумя из необходимых условий которого он считает наличие множества теорий и их разнообразие. При этом он совершенно не уточняет, откуда берутся эти разнообразные теории, как если бы эти теории возникали не аналитико-синтетическим способом, на основе уже сложившихся теорий, а каким-то еще способом или существовали от века.

¹⁵² Казеннов А.С. Диалектика как высший метод познания. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – С. 26.

¹⁵³ Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – С. 122.

¹⁵⁴ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. – М.: Изд-во Полит. лит-ры, 1984. – С. 65.

Различия между всеобщим синтезом и особенным синтезом заключается в том, что в последнем случае производятся необязательные, поспешные обобщения, не выдерживающие серьезной критики и не представляющие ценности для кого-либо, кроме самого их автора. В таком случае именно аналитическая составляющая спекулятивного мышления отвечает за полноту синтеза и снятие с обобщения ограничений, налагаемых опытом как всегда неполным опытом. Конечно, в узком эмпирическом смысле синтез предшествует анализу, подобно тому, как дедукция из суждения «все люди смертны» возможна через предшествующее индуктивное обобщение ряда единичных случаев смертности. Э. Ильенков справедливо отмечает, что синтетическое мышление подчиняется отличным от аристотелевских законам, однако превосходство синтеза по приведенной выше цитате трактуется вполне в духе аристотелевской индукции, а спекулятивное содержание синтеза, равно как и анализа, остается в тени. Он не придает значения тому факту, что мышление всегда основывается в условиях уже сложившегося так или иначе положения дела, представленного аналитическими суждениями в соответствующей сфере, и лишь в них и через них мышление совершает синтез.

Возникновение нового, аналитико-синтетического, суждения осуществляется в его диалоге с уже сформированными суждениями, образующими положение дела в науке. В. Библер также утверждает, что возникновение знания осуществляется через диалогичность мышления, но понимает ее по-своему. По мнению В. Библера, диалог происходит в самом мыслящем субъекте между им самим и его alter ego: «в ответ на реплику внутреннего собеседника «Я» развиваю и коренным образом трансформирую, совершенствую «свою» аргументацию, но то же самое происходит с логикой моего «другого Я»¹⁵⁵. Эта бахтинская идея диалогичности и открытости речи, противопоставленная монологичности и закрытости, представляется нам не вполне убедительной: диалог в таком случае отражает в себе лишь те реплики внутреннего собеседника, которые приходят на ум этому фактически единственному субъекту коммуникации, как если бы он мог посмотреть на себя со стороны, т. е. человеку одного и того же уровня развития, происхождения, образования. В. Библер, также как и М. Бахтин, абстрактно противопоставляет монологику и диалогику, как если бы даже самая закрытая монологичная речь человека не была встроена в определенный фрагмент исторической реальности и не отражала в себе путь, проделанный исследованием. Между тем, живой диалог возможен лишь в реальном обмене репликами, ибо не сложно

¹⁵⁵ Библер В.С. Мышление как творчество. – М.: Политиздат, 1975. – С. 43.

предвосхитить и найти контраргумент на реплику, тобой же предложенную. Сложно сделать это в фактичном диалоге с человеком, который на данном этапе, хотя бы в историческом плане, превзошел тебя в авторитете и глубине постижения предмета.

Перефразируя Х. Зигварта, можно сказать, что лишь спекулятивное аналитико-синтетическое суждение всегда является должным образом обоснованным. Синтетическое суждение еще не имеет обоснования, а аналитическое суждение, ставшее общим местом, такое обоснование сделало уже неактуальным.

Очевидно, что феномен аналитико-синтетического суждения можно рассмотреть и сквозь призму логических операций дедукции и индукции. Логическая выводность из имеющихся суждений, ставших аналитическими, то есть в каком-то смысле аксиоматичными, позволяет дедуцировать необходимое с логической стороны знание по примеру математической дедукции как наиболее совершенной формы необходимости. Родство с дедуктивным умозаключением состоит в статусе, придаваемом имеющемуся суждению, прошедшему проверку временем, а именно в безусловном статусе большей посылки дедуктивного умозаключения по первой фигуре. Так же, как и в традиционной дедукции имеющийся базовый тезис, будучи безусловным, есть отправная точка для осуществления вывода. Расхожее представление об аналитическом познании, собственно, является таким движением, отправная точка которого – известное, не подлежащее сомнению и ставшее общепринятым представление. Стандартное дедуктивное умозаключение движется от знания большей степени общности к знанию меньшей степени общности: если в большей посылке мы имеем «все люди смертны», то в выводе – «Кай смертен». Схожее движение в сторону конкретизации общего положения имеет место и в случае с аналитико-синтетическим суждением, только здесь происходит не конкретизация имплицитно содержащегося знания в исходном тезисе, а прирост знания, что не предполагается в случае с традиционной дедукцией, ибо дедукция приобретает вид интерпретации имеющегося в наличии суждения или суждений, с чем связан выход за пределы их содержания, хотя это и не вписывается в традиционное понимание аналитического знания. Г. Гегель справедливо отмечает в разделе «Науки логики», посвященном аналитическому познанию: «...деятельность субъективного понятия должна рассматриваться, с одной стороны, лишь как *развитие* того, что уже есть в объекте»¹⁵⁶. Как видно, не извлечение, а развитие. И вследствие этого анализ становится синтетичным, ибо мышление

¹⁵⁶ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – С-Пб.: Наука, 1997. – С. 721.

приходит к таким определениям, которые не положены в наличном отправном суждении. Последнее гарантируется операцией индукции, сопровождающей дедуктивную составляющую умозаключения, ибо выводность проистекает не из одной аксиомы, а из спектра суждений, сформировавшихся в связи с тем или иным делом; таковые суждения как утверждения разных людей высказывают различные точки зрения на вопрос, тем самым образуя положение дела, например, в астрономии. Как известно, Н. Коперник сформировал гелиоцентрическую модель Вселенной на основе в разных отношениях противоречащих друг другу теорий, а именно аристотелевской системы гомоцентрических сфер и птолемеевской системы эксцентриков и эпициклов: «Многочисленность теорий беспокоила ученого, более того, последователи Аристотеля часто ошибались в прогнозах и «не достигали искомых целей»; последователи Птолемея успевали больше в прогнозах, но платили за это слишком высокую цену»¹⁵⁷. Мышление, таким образом, делает свой вывод в виде нового суждения, опираясь на содержание многих суждений, отражающих дело с различных позиций и даже из смежных дисциплин: известно, что на теорию Н. Коперника весьма сильное влияние оказали герметические и неоплатонические традиции. Но при всем многообразии точек зрения объединяет их общее им всем дело, которое они отражают, и в своем роде индуктивное обобщение различных теорий направлено мышление. И чем больше точек зрения имеется в распоряжении ученого, тем более точным и глубоким будет обобщение, позволяющее получить новое знание.

Другое дело, что индукция, имеющая здесь место, отлична от общепринятой ее трактовки как выявления общего признака в процессе изучения различных представителей одного класса, поскольку является *конструированием* этого общего в новом взгляде на вещи и новом суждении. Собственно, конкретность этимологически, не только спекулятивно, означает сращивание – *concrecere*, то есть естественное объединение различного в новом одном, то есть в новом суждении как синтезе встречных суждений при поиске того, что истинно в каждом из них. Кроме того, само изложение готовой теории осуществляется одновременно дедуктивно и индуктивно, на что указывает В. Библер: «В каждом нашем утверждении – «отсюда следует...» обнаруживается, что нечто действительно «следует...» лишь в том случае, если предшествующее наше утверждение тождественно предыдущему и вместе с тем является его основанием (то есть *не* тождественно)»¹⁵⁸. В противном

¹⁵⁷ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней в 4-х т. Т.3. – С-Пб.: Петрополис, 1996. – С. 76.

¹⁵⁸ Библер В.С. Что есть философия? // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 183.

случае, либо не состоится прирост знания, либо основоположения теории окажутся безосновными, недостоверными, что автоматически сказывается на ущербности теории.

Таким образом, можно сказать, что операция анализа в едином аналитико-синтетическом суждении отвечает, во-первых, за преемственность суждений в историко-теоретическом смысле, во-вторых, за глубину проникновения в объект исследования, скрывающийся в имеющемся суждении, а операция синтеза отвечает, во-первых, за новизну и прирост знания, ибо обнаруживает в объекте то, что не было замечено в нем ранее, во-вторых, обеспечивает широту исследования, ибо объединяет в себе спектр самых различных знаний, в том числе из других наук.

Подводя итог исследованию аналитичности и синтетичности спекулятивного суждения в историческом измерении, необходимо отметить, что объединенное аналитико-синтетическое суждение, совмещающее достоинства анализа и синтеза, может быть высказано лишь его автором, способным, как отмечено выше, совершить обширный синтез имеющихся знаний и обеспечить новизну, а также сохранить преемственность исследований и их глубину. При этом сам автор при ознакомлении с существом дела и его решении совершает двухтактное движение: сначала осуществляет переход от синтетического к аналитическому в фазе ознакомления с объектом исследования, а затем – от аналитического к синтетическому, но последнее синтетическое отлично от первоначального, является синтезом на новой стадии, ибо, в отличие от первоначального синтеза, обременено знанием дела и является уже аналитико-синтетическим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мышление само по себе являет собой противоречие, которое, казалось бы, способно сделать его невозможным, ибо как может быть, чтобы мышление одновременно было актом, процессом и результатом, конечным его продуктом в виде мысли? И как возможно, чтобы мысль, которая есть всегда уже новая мысль, возникала на основе уже имеющегося корпуса знания? Как возможно, чтобы акт мышления, будучи субъективным состоянием, обращался в объективное знание *urbi et orbi*, имеющее универсальное значение? Мышление как процесс и мысль как результат находятся в единстве, и объяснить основания этого единства не представляется возможным, исходя лишь из законов формального мышления, нацеленного на математическую точность. Ф. Шеллинг справедливо замечает по этому поводу: «...Математик всегда имеет дело не непосредственно с созерцанием (конструкцией), но только с результатом конструирования... философ же исследует только *акт самой конструкции* абсолютно внутренний по своему характеру»¹⁵⁹. Перефразируя И. Канта, в науке содержится столько истины, сколько в ней не содержится математики.

Однако при том, что мышление как акт и мысль как продукт находятся в единстве, они не являются одним и тем же, и логически «внутреннее» предшествует «внешнему», как процесс предшествует результату. И каждый из них в отдельности, в случае их абстрактного разделения, требует собственного адекватного предмету инструментария. Ибо как можно при помощи аристотелевских законов выявить таинство возникновения суждения как перехода в новое качество из того количества наличных суждений, среди которых мышление не может обнаружить нового объекта требуемого восполнения среди имеющихся суждений? Но восполнения и не может быть для нового и неизвестного объекта в пределах сложившихся на данный момент взглядов на объекты, и потому мышлению приходится, не найдя адекватного восполнения, совершать его своими силами, в результате чего мышление подвергает снятию встречные суждения как конечные.

Но нет ничего удивительного в том, что аристотелевская логика не может объяснить при помощи доступных ей средств мышление как шеллингианский внутренний акт. Более того, она и не должна это делать, так как, имея дело со статичной реальностью, неизменной субстанцией и плавающими второстепенными акциденциями, она подходит

¹⁵⁹ Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения. Т.1. – М.: Мысль, 1987. – С. 241.

к мышлению как результату мышления, то есть как к мысли, или еще ближе – как к суждению, ибо суждение обычно понимается как конечная фаза мышления, пришедшего к какой-то точке устойчивости, неизменности. Другое дело, что формально-логические принципы образования суждений и соответствующие критерии их истинности, основанные на законах логики, действительны до тех пор, пока суждение не попадает под давление всегда уже критического разума, проверяющего на прочность это суждение, и всегда одерживающего верх в новом взгляде на дело мышления, когда выясняется, что достаточно обоснованным на самом деле является *крайнее* обоснованное суждение, снимающее обоснованность прежних. Поэтому *прав всегда тот, за кем последнее слово*. Так бывает и в дискуссии, и научном исследовании. А.И. Закамуллин по этому поводу справедливо отмечает: «считать актуальное знание абсолютной истиной возможно только в случае, если наличная современность будет длиться вечно»¹⁶⁰.

Но «наличная современность» склонна обращаться в прошлое, имеющее для настоящего лишь прикладное или, как говорит Ф. Ницше, архивное значение. Стремление быть современным, с одной стороны, прирождено, а с другой – противоестественно мышлению, так как оно есть и свой продукт, и свой процесс. Мысль определена, а значит, стабильна и статична, но, в то же время, нова, эвристична и актуальна. Оба обстоятельства в равной мере важны для мысли. Одна из главных целей данной работы – выявление и определение этой двойственности мышления в границах главной, на наш взгляд, его способности – способности судить. Не случайно и сам термин «суждение» двойственен и указывает как на процессуальность, так и на результативность мышления.

По результатам нашего «мышления» мы можем отметить следующее:

1. Суждение как рассуждение синонимично самому мышлению как акту мысли; это врожденная способность, в своем роде талант, отличающий мыслящего человека. С другой стороны, суждение – это центральная логическая форма, содержащая в себе и понятие (количественно), и умозаключение (качественно).

2. В своем роде гештальтом суждения является «живое» спекулятивное модально-ассерторическое суждение как продуцирующее всегда уже новое знание в реальном акте мышления. Существующие виды суждения суть его абстрактные формы, проявляющиеся при «вскрытии» спекулятивного суждения; любое традиционное суждение содержит ассерторический и модальный компоненты в скрытом или явном виде.

¹⁶⁰ «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Отв. редактор Н.М. Мотрошилова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 238.

3. Условиями, при которых может состояться спекулятивное суждение, являются проблематичность, неопределенность ситуации, это провоцирует и актуализирует мышление, а также его притязательность на истину, безапелляционность в условиях двузначности логики, что мобилизует мышление, придает ему «энергии самонадеянности» в стремлении решить проблему, стоящую перед ним.

4. Единство модальности и ассерторичности спекулятивного суждения осуществляется на базе алетической модальности; в ее пределах ассерторическое суждение, содержанием которого является новое знание как истина факта и разума, предполагает, но, как правило, не выражает свою необходимую составляющую, а именно логическую и онтологическую необходимость: суждение «Земля вертится» в действительности есть суждение *de dicto* «Необходимо, что Земля вертится», каким является любое ассерторическое суждение, и, далее, если оно действительно научно, суждением *de re* «Земля необходимо вертится».

5. Единство модальностей между собой обеспечивается корреляцией сильных положительных операторов (необходимо / доказано / убежден / правильно / хорошо) каждой модальности. Операторы предполагают друг друга, отвечая за отдельные сегменты спекулятивного суждения, а также оказывают воздействие друг на друга, образуя тем самым модальное целое. Так, оператор необходимости в суждении «Земля вертится» предполагает доказанность, убежденность, правильность и аксиологическое одобрение этого факта, и наоборот.

6. Диалектика операторов внутри каждой модальности является механизмом прогрессивного движения знания внутри спекулятивного суждения, в котором фактическое первоначальное суждение-тезис (положительный сильный оператор) предполагает антитезис (сильный отрицательный оператор), но отрицает его лишь формально, вследствие чего не достигает своей цели и само становится под удар действительного антитезиса, которым оказывается «проросшее» контрдикторное синтетическое суждение, отрицающее уже фактически первый тезис, тем самым переводя его на положение контингентного (нейтральный оператор).

7. Аподиктичность спекулятивного суждения основана на диалектическом принципе конкретности и историчности истины, а аподиктичность суждения возникает вследствие снятия аподиктичности прежнего, служащего основанием для нового суждения: настоящее является более «настоящим», чем прошлое во всех отношениях.

8. Субъективный фактор, момент личной заинтересованности мыслителя в результатах своей работы, а, значит, и модальный компонент суждения, – не только неизбежный, но и необходимый элемент мыслительной деятельности, сопровождающий, дополняющий аподиктичность, и во взаимной зависимости необходимости (укорененной в объективной действительности) и аксиологичности (укорененной в субъекте) суждения аподиктичность суждения приобретает характер историчности.

9. Историчность спекулятивного суждения представлена в диалектике аналитичности и синтетичности суждения: спекулятивный анализ обеспечивает историческую преемственность и глубину проникновения в объект исследования, а синтез – историческую новизну знания и широту охвата исследований.

10. Подлинное спекулятивное суждение, являющееся в историческом смысле аналитико-синтетическим, принадлежит лишь его автору, который в соответствующем месте и времени и при сложившемся положении дела совершает анализ и синтез, ибо то, какой вид приобретет дело, которым занят человек, зависит от тех, кто его делает.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 1. / Аристотель. – М.: Мысль, 1978. – 552 с.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
3. Бергсон А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 384 с.
4. Библер В.С. Мышление как творчество. / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1975. – 400 с.
5. Библер В.С. Что есть философия? / В.С. Библер // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 159–183.
6. Большая советская энциклопедия. Он-лайн версия. (Электронный ресурс). URL://bse.slovaronline.com/П/ПР/32149-PRAVILO (дата обращения: 05.11.2015).
7. Васильев В.В. Термины кантовской философии / В.В. Васильев (Электронный ресурс). URL://terme.ru/dictionary/415/word/analiticheskie-i-sinteticheskie-suzhdenija-a-priori (дата обращения: 05.08.2015).
8. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2, доп. / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
9. Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования / Г.Х. фон Вригт. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.
10. Гартман Н. Этика / Н. Гартман. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 712 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – С-Пб.: Наука, 1997. – 800 с.
12. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – 668 с.
13. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в 3-х т. Т. 1. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Изд-во «Мысль», 1974. – 452 с.
14. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в 3-х т. Т. 2. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Изд-во «Мысль», 1975. – 696 с.
15. Герасимова И.А. Аргументация как методология убеждения / И.А. Герасимова, М.М. Новоселов // Вопросы философии. – 2003. – № 10. – С. 72–84.
16. Гетманова А.Д. Логика / А.Д. Гетманова. – М.: Высшая школа, 1986. – 288 с.
17. Гурштейн А.А. Птолемей и Коперник. Послесловие редактора / А.А. Гурштейн. URL://www.argo-school.ru/biblioteka/antichnost_i_ellinizm/ptolemej_i_kopernik/a_a_gurshtejn_ptolemej_i_kopernik_posleslovie_redaktora/ (дата обращения: 10.04.2016).

18. Гурьянов А.С. Dageist как неповседневное измерение бытия-в-мире: монография / А.С. Гурьянов. – Казань: КГЭУ, 2012. – 145 с.
19. Гурьянов А.С. Диалектические основания конкретно-всеобщего мышления / А.С. Гурьянов // Вестник Вятского ГГУ. – 2010. – № 4(4). – С. 15–20.
20. Гурьянов А.С. Метафизическое понятие времени / А.С. Гурьянов // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 1(23). – С. 97–102.
21. Гурьянов А.С. Творчество как диалектическое неповседневное измерение целостности бытия-в-мире в контексте экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера / А.С. Гурьянов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 11(25). Часть 2. – С. 72–76.
22. Гурьянов А.С. Феноменология творческого сознания. / А.С. Гурьянов // Обсерватория культуры. – 2012. – № 1. – С. 7–14.
23. Гуссерль Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Новочеркасск: «Сагуна», 1994. – 367 с.
24. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Он-лайн версия. (Электронный ресурс). URL://v-dal.ru/word_s-97386.html (дата обращения: 05.01.2011).
25. Диалектическое противоречие. – М.: Политиздат, 1979. – 343 с.
26. Зигварт Х. Логика. Т. 1. Х. Зигварт. – М.: Территория будущего, 2008. – 463 с.
27. Иванов Е.А. Логика. Учебник / Е.А. Иванов. – М.: изд-во БЕК, 1998. – 309 с.
28. Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы (Электронный ресурс). URL: // iph. ras. ru / uplfile / root / biblio / rj/rj_4/6.pdf (дата обращения: 10. 12. 2015).
29. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении / Э.В. Ильенков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 464 с.
30. Ильенков Э.В. Диалектическая логика / Э.В. Ильенков. – М.: Изд-во Полит. лит-ры, 1984. – 320 с.
31. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека / И.А. Ильин. – СПб.: Наука, 1994. – 544 с.
32. Казеннов А.С. Диалектика как высший метод познания / А.С. Казеннов. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – 96 с.
33. Кант И. Сочинения в 8-и т. Т. 3. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – 741 с.
34. Каримов А.Р. Аналитичность: от Канта до Фреге / А.Р. Каримов // Филология и культура. Philology and culture. – 2013. – № 3(33). – С. 249–255.

35. Карпенко А.С. Аристотель и Лукасевич о законе противоречия: *contra et pro* / А.С. Карпенко // Вопросы философии. – 2012. – № 8. – С. 154–165.
36. Касавин И.Т. Проблема и контекст. О природе философской рефлексии / И.Т. Касавин // Вопросы философии. – 2004. – № 11. – С. 19–32.
37. Келле В.Ж. Интеллектуальная и духовная составляющие культуры / В.Ж. Келле // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 38–54.
38. Кузнецова Т.В., Оруджев З.М. Историческое в природе человека / Т.В. Кузнецова, З.М. Оруджев // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 14–24.
39. Ледников Е.Е.. Философия логического атомизма / Е.Е. Ледников, Б. Рассел // Вопросы философии. – 2000. – № 7. – С. 82
40. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах. Т. 3. / Г.В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1984. – 734 с.
41. Лисанюк Е.Н. Развитие представлений о нормах в деонтической логике / Е.Н. Лисанюк // Вестник НГУ. Серия: Философия. – Том 8, выпуск 1. – 2010. – С. 147–152.
42. Майнбергер Г.К. Единый разум и многообразие рациональностей / Г.К. Майнбергер // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 57–65.
43. Маковельский А.О. История логики / А.О. Маковельский (Электронный ресурс) URL: http://society.polbu.ru/makovelsky_histlogic/ch33_iii.html (дата обращения: 10.02.2014).
44. Миронов В.В. Философия и Слово (или еще раз о специфике философии) / В.В. Миронов // Вопросы философии. – № 1. – 2012. – С. 14–27.
45. Нугаев Р.М. Смена развитых научных теорий: ценностные измерения / Р.М. Нугаев // Вопросы философии. – № 11. – 2002. – С. 124–134.
46. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Весь мир, 1997. – 704 с.
47. Платон. Сочинения в 4-х т. Т.1. / Платон. – М.: Мысль, 1968. – 623 с.
48. Платон. Сочинения в 4-х т. Т.3. / Платон. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
49. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней в 4-х т. Т.3. / Д. Реале, Д. Антисери. – С-Пб.: Петрополис, 1996. – 736 с.
50. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней в 4-х т. Т.4. / Д. Реале, Д. Антисери. – С-Пб.: Петрополис, 1997. – 850 с.
51. Риккерт Г. Философия жизни / Г. Риккерт. – Киев: Ника-Центр, 1998. – 512 с.
52. Рокмор Т. Гегель и границы аналитического гегельянства / Т. Рокмор // Вопросы философии. – № 7. – 2002. – С. 80–90.
53. Свасьян К.А. Дискурс, террор и еврейство / К.А. Свасьян // Вопросы философии. – 2005. – №2. – С. 56-71.

54. Словарь Merriam-Webster. (Электронный ресурс). URL://www.merriam-webster.com/dictionary/proposition (дата обращения: 11.03.2013).
55. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / В.С. Соловьев. – М.: Мысль, 1990. – 892 с.
56. Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии / Очерк 3. Гносеология экзистенциального материализма / Э.А. Тайсина. – Казань: Изд-во КГЭУ, 2011. – 172 с.
57. Тайсина Э.А. Очерки новой гносеологии / Очерк 4. Истина – cor cordium гносеологии / Э.А. Тайсина. – Казань: КГЭУ, 2012. – 208 с.
58. Тайсина Э.А. Язык не бывает нейтральным / Э.А. Тайсина // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – Т. 154, кн. 6. – 2012. – С. 131–142.
59. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – 717 с.
60. «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Отв. редактор Н.М. Мотрошилова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 672 с.
61. Философия науки / Под ред. Лебедева С.А.: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект. Трикта, 2004. – 736 с.
62. Философский энциклопедический словарь. Он-лайн версия (Электронный ресурс). URL://ariom.ru/wiki/AnaliticheskieISinteticheskieSuzhdenija (дата обращения: 20.07.2015).
63. Фреге Г. Логико-философские труды / Г. Фреге. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – 283 с.
64. Чокроборти О. Мне сказал знаток, поэтому я знаю: передача знания (prama) через свидетельство в классической индийской и в современной западной эпистемологии / О. Чокроборти // Вопросы философии. – № 2. – 2007. – С. 20–34.
65. Швырев В.С. Научное познание как деятельность / В.С. Швырев. – М.: Политиздат, 1984. – 232 с.
66. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения. Т. 1. / Ф.В.Й. Шеллинг. – М.: Мысль, 1987. – 637 с.
67. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. / О. Шпенглер. – М.: Мысль. 1993. – 672 с.
68. Поппер К. Что такое диалектика? URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Popp/dialect.php.
69. Словари и энциклопедии на Академике (Электронный ресурс). URL://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/877731 (дата обращения: 11.09.2015).
70. Энгельс Ф. Прусская армия / Ф. Энгельс (Электронный ресурс). URL: www.marxists.org/russkij/marx/1880/mil/eur_pr.htm (дата обращения: 05.01.2010).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Экспозиция спекулятивного суждения	7
А. Связь логики, представленной суждением как формой мышления, с проблематикой дела; роль суждения для мышления	7
Б. Проблематичность как катализатор мышления	12
В. Притязательность суждения	15
Г. Ассерторичность как первая отличительная черта притязательности суждения в условиях проблематичности	20
Д. Модальность как вторая отличительная черта притязательности суждения в условиях проблематичности	22
Глава 2. Модально-ассерторическое суждение как структура спекулятивного суждения	30
А. Ассерторичность и алетичность суждения	30
Б. Эпистемичность суждения	37
В. Деонтичность суждения	43
Г. Аксиологичность суждения	50
Д. Единство модально-ассерторического суждения	55
Глава 3. Диалектика операторов модально-ассерторического суждения	58
А. Формальное соотношение операторов модальностей	58
Б. Механизм диалектической транзитивности операторов модальностей	60
В. Транзитивность операторов модальностей	66
Глава 4. Проблема аподиктичности модально-ассерторического суждения	75
А. Истоки обоснования суждения	75
Б. Субъективность и аподиктичность	78
В. Взаимозависимость необходимого и ценностного компонентов	84
Г. Историчность аподиктичности суждения	91
Глава 5. Аналитичность и синтетичность спекулятивного суждения	99
А. Абстрактность аналитического и синтетического	99
Б. Конкретность аналитического и синтетического	102
В. Значение и значимость авторского аналитико-синтетического суждения	107
Г. Переход от синтетического к аналитическому для субъекта	113
Д. Переход от аналитического к синтетическому для субъекта	117
Заключение	127
Библиографический список	131

Научное издание

Гурьянов Алексей Сергеевич

**МОДАЛЬНО-АССЕРТОРИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЕ
КАК КОНСТИТУТИВ СПЕКУЛЯТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ**

Монография

Кафедра философии и медиакоммуникаций

Редактор издательского отдела *Ж.В. Федорова*

Компьютерная верстка *Т.И. Лунченкова*

Дизайн обложки *Ю.Ф. Мухаметишина*

Подписано в печать 02.05.2017

Формат 60х84/16 Гарнитура «Times» Бумага ВХИ. Вид печати РОМ

Усл. печ. л. 8,02. Уч.-изд. л. 8,90. Тираж 500 экз. Заказ № 5044

Редакционно-издательский отдел КГЭУ,
420066, Казань, Красносельская, 51